

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Институт истории и археологии

УРАЛЬСКИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК

№ 4

Екатеринбург
1997

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Институт истории и археологии

УРАЛЬСКИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК

№ 4

Урал в системе культурных
и хозяйственных связей
в древности и средневековье

Екатеринбург
1997

Уральский исторический вестник, № 4
Урал в системе культурных и хозяйственных
связей в древности и средневековье

Екатеринбург: УрО РАН, 1997.
ISBN 5—7691—0735—9.

Предлагаемое читателям издание посвящено проблемам культурных и хозяйственных связей населения Урала и сопредельных территорий в древности и средневековье. Авторы стремились воссоздать быт и мировосприятие древних уральцев. Выпуск также знакомит с опытом работы археологов-исследователей со школьниками, содержит практические рекомендации для учителей истории. Завершает издание традиционная рубрика рецензий на монографические исследования, посвященные уральской тематике.

Материал адресован научным сотрудникам, преподавателям ВУЗов и школ, а также всем, интересующимся историей Урала и Сибири.

Главный редактор — академик РАН В. В. Алексеев

Редакционная коллегия:

к. и. н. Е. Т. Артемов, д. и. н. А. В. Бакунин,
д. и. н. К. И. Куликов, к. и. н. И. Л. Манькова,
д. и. н. Н. А. Миненко, к. и. н. А. Д. Напалков,
к. и. н. Б. Б. Овчинникова, к. и. н. И. В. Побережников,
д. и. н. В. В. Рабцевич, д. и. н. Г. Н. Чагин, д. и. н. А. Ф. Шорин

Ответственный за выпуск — к. и. н. С. Ф. Кокшаров

ISBN 5—7691—0735—9

У $\frac{78(97)}{8П6(03)1993}$ ПБ—1997

© Институт истории и археологии
УрО РАН, 1997

ПРЕДСТАВЛЯЮ НОМЕР

Данный выпуск Уральского исторического вестника посвящен проблемам древней истории Урала и сопредельных территорий.

Географическое положение Урала на стыке Европы и Азии, его ландшафтно-климатические особенности обусловили важную роль населения, здесь проживавшего, в процессах культурогенеза севера Евразийского материка. В древности Урал являлся зоной соприкосновения и взаимодействия культур степи и глубинной тайги, имеющих разную ориентацию хозяйственной деятельности, культур Восточной Европы и Западной Азии, также имевших разные ориентации своих культурогенетических связей. Это предопределило, с одной стороны, формирование в Уральском регионе самобытных археологических культур, вобравших в себя достижения как европейских, так и азиатских центров, с другой — сами древние уральские культуры передавали свои импульсы в разнотипные и разнотипные зоны, лежащие по разные стороны Уральского хребта. Не случайно, что при изучении древнейших этапов этногенеза народов крупнейших этноязыковых семей — индоевропейской (особенно индоиранской), финно-угорской, самодийской, тюркской — материалы археологических памятников Урала всегда вызывают неподдельный интерес специалистов.

Понятно поэтому, что в первый из археологических выпусков данной серии вошли прежде всего статьи, анализирующие роль Уральского региона и культурогенетические связи его народов на разных этапах первобытной истории в культурных процессах севера Евразии (Л. Л. Косинская, Н. М. Чаиркина, В. Н. Широков, В. Д. Викторова, Л. Н. Корякова, В. Т. Ковалева, Е. А. Курлаев). В данный выпуск включены также материалы, посвященные становлению археологических знаний на Урале (С. Н. Панина), методике преподавания археологии в школе и организации внеклассной работы с учащимися (Н. А. Алексашенко, В. М. Морозов).

Редколлегия сборника надеется, что этот выпуск привлечет внимание не только археологов, но и широкого круга читателей, интересующихся древней историей края.

Главный редактор

С. Н. Панина

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ВЕРХОВЬЯХ р. ИСЕТЬ

История археологических исследований в верховьях р. Исеть начинается в 70-е гг. XIX в. Большую роль в возникновении научного интереса к археологическим памятникам и отдельным находкам сыграло Уральское Общество Любителей Естествознания (УОЛЕ), учрежденное 29 декабря 1870 г. (11 января 1871 г. по н. с.) в Екатеринбурге. На протяжении своего существования (1871—1929 гг.) УОЛЕ руководило работой археологов-любителей, вело целенаправленную политику по обследованию районов Екатеринбургского уезда, сбору коллекций с известнейших памятников, составлению археологических карт, вырастило целую плеяду археологов — М. В. Малахова, Ю. П. Аргентовского, В. Я. Толмачева, Н. А. Рыжникова, сотрудничавших с Императорским Русским Географическим Обществом (ИРГО), Московской Археологической Комиссией, Казанским Обществом Естествоиспытателей. УОЛЕ приглашало на Урал для ознакомления с археологическими памятниками А. А. Спицына, Д. Н. Анучина, Ф. А. Уварова, барона Ж. О. де Бай. В музей УОЛЕ передавали свои коллекции Н. К. Минько, Н. Н. Новокрестьянских, А. Е. Теплоухов.

У истоков археологических исследований на Среднем Урале стоит ученый секретарь УОЛЕ Онисим Егорович Клер. Третьего октября 1876 г. на заседании УОЛЕ он демонстрировал каменный топор, найденный учеником мужской гимназии А. (по другим источникам И. — П. С.) Брюхановым на I Карасьем озере, и впервые высказал предположение, что Урал был заселен еще в каменном веке.

Первые сведения о находках древних орудий в верховьях р. Исеть относятся ко второй половине 60-х гг. XIX в. (ориентировочно 1866—1867 гг., но не позднее 1868 г.). В дер. Палкино, у подножия горы Малой местные жители раскапывали так называемое “чуждское городище” и находили там “разные дикие вещи”. Управляющий Верх-Исетскими заводами С. Сигов, а позднее Верх-Исетский священник о. Ипполит, провели раскопки на месте городища “Священник о. Ипполит стал скапывать ЮВ угол кургана (городища — П. С.) и открыл там скелет. Прочитал молитву и велел зарыть опять... Под большими камнями, разбросанными близ вершины горы по ЮВ склону ее были находимы идолы и разные вещи, может быть, принесенные в дар чудью их божеству. Сиговым и священником о. Ипполитом найдены были следующие предметы: 1) идолы медные, 2) копыя — 7 штук, 3) медные подковы, 4) разные каменные (кремневые и мраморные) вещицы, 5) глиняные черепки посуды”¹. Часть находок была отправлена С. Сиговым в столицу². Императорское Московское общество испытателей природы прислало на Урал своего представителя Л. П. Сабанеева, дав ему инструкции провести дальнейшее обследование этой местности. Летом 1868 г. Л. П. и В. П. Сабанеевы вместе с О. Е. Клером побывали в дер. Палкино, но безрезультатно, так как местные жители, копавшие городище, давно ничего не находили.

В 1874 г. О. Е. Клер вернулся в Палкино вместе со своими учениками М. В. Ма-

лаховым, С. Ю. Раунером, А. С. Сарри, где они "... принялись копать и в первый раз нашли несколько черепков узорчатой глиняной посуды, обломки обделанного камня и каменный предмет вроде неошлифованного долота, с помощью которого удалось воспроизвести узор (в виде креста) одного черепка"³. С 1874 по 1878 гг. О. Е. Клер с учениками, среди которых был М. В. Малахов, неоднократно приезжают на Палкинское городище и проводят раскопки, совершают археологические экскурсии по окрестностям г. Екатеринбурга.

В 1876 г. М. В. Малахов, С. Ю. Раунер, А. С. Сарри открывают на островах Исетского и Шитовского озер стоянки древнего человека.

В 1878 г. М. В. Малахов уезжает в Петербург и поступает в университет, становится действительным членом УОЛЕ и членом-сотрудником ИРГО, а с 1879 г. секретарем последнего по этнографии и хранителем музея.

Летом 1880 г. М. В. Малахов по заданию и на средства ИРГО проводит раскопки в деревне Палкино⁴. По свидетельству Н. А. Рыжникова, раскопки велись уже не только на Палкинском городище, но и по берегам Исети от пос. Палкино почти до самого Верх-Исетского пруда. В 1881 г. М. В. Малахов посещает о. Баран на Верх-Исетском пруду и проводит раскопки на островах Шитовского озера, где было собрано до 10 пуд. разных остатков доисторической культуры: фрагментов керамики, каменных и костяных орудий, изделий из меди. В 1884 г. М. В. Малахов вновь по заданию ИРГО приезжает на Урал и проводит раскопки на островах Исетского озера (Красеньком, Липовом, Еловом, и Соловецких) на памятниках, открытых им еще в 1876 г. Все коллекции, собранные во время раскопок, были переданы им в музей ИРГО. М. В. Малахов проводил научное исследование археологических памятников Урала, целью которого было составление археологической карты Екатеринбургского уезда, но работа не была завершена. В 1885 г. он скончался в 29-летнем возрасте от чахотки. В "Записках УОЛЕ" после смерти исследователя был напечатан реферат его сообщения на общем собрании УОЛЕ 8 сентября 1884 г. "О доисторических эпохах на Урале", а также "Посмертные записки" под редакцией О. Е. Клера⁵.

С 1885 по 1890 гг. О. Е. Клер продолжает исследовать Палкинские стоянки совместно с К. И. Фаддеевым. Большая коллекция находок с Палкинских стоянок, собранная при раскопках, демонстрировалась на Урало-Сибирской научно-промышленной выставке в Екатеринбурге в 1887 г. Памятник приобретает известность. В 1884 г. его посещает А. Е. Теплоухов, в 1887 г. — Д. Н. Анучин и Ф. А. Уваров. Они увозят коллекцию древних орудий и керамики в музей Московского археологического общества. В 90-х гг. французский археолог барон Ж. О. де Бай присутствовал на раскопках и увез коллекцию древних орудий с Палкинских стоянок в Париж, где она сейчас и хранится в Музее Естественной Истории.

О. Е. Клер систематизировал коллекции с Палкинских стоянок. Особое внимание он уделил форме сосудов, технологии их изготовления, способам нанесения и типам орнамента. Совместно с К. И. Фаддеевым он написал работу "Гончарное производство доисторического человека у дер. Палкино", изданную в 1895 г. в сборнике Московского археологического общества, а впоследствии вышедшую отдельным оттиском⁶. В работе авторы относят стоянку у дер. Палкино к переходной эпохе между каменным и металлическим веками. Выделяют основные типологические признаки керамики: цвет черепка, наличие примесей в тесте талька и слюды, способ заглаживания внутренней поверхности черепка, разнообразие форм сосудов. Развивая мысль А. Е. Теплоухова о способах нанесения орнамента на зауральской посуде⁷, исследователи выделяют несколько типов орнамента: линейный, веревочный, чешуечный, крестовый, многозубчатый, ямочный, кружковый и т. д. Они сравнивают орнамент на керамике Палкинских стоянок с другими стоянками каменного периода в России. Все эти признаки легли в основу современной типологии керамики, что говорит о достаточно высоком уровне научных исследований авторов.

В 1883—1885 гг. начинает свои археологические изыскания Н. А. Рыжников, вначале — рабочий Верх-Исетского завода, охотник, старатель, впоследствии —

ученик О. Е. Клера, служащий при музее УОЛЕ, действительный член Общества. Будучи охотником-промысловиком Рыжников Н. А. хорошо знал окрестности Екатеринбурга, со временем он становится незаменимым помощником, а впоследствии и самостоятельным разведчиком археологических памятников. В 1924 г., после смерти своих учителей М. В. Малахова и О. Е. Клера, он подготовил "Материалы для археологической карты Урала"⁸, где дал точное описание местонахождения памятников, найденных учителями и им самим.

В 1885 г. Н. А. Рыжников открыл стоянки на Еловом мысу (правый берег р. Исеть у оз. Мелкого) и на Малых палатках у подножия гранитных обнажений недалеко от р. Романовки, правого притока р. Исеть.

В 1888—1889 гг. С. И. Сергеев, А. И. Гаккель, В. П. Вавилов, А. Ф. Комес начали исследования на берегах и островах Исетского озера. Ими собрана небольшая коллекция керамики и каменных орудий, которая была передана в музей УОЛЕ и хранилась под общим названием: "С островов Исетского озера".

Всеобщий интерес к археологическим памятникам горно-лесного Зауралья не мог не волновать О. Е. Клера. Многочисленные любители древностей, кладонскатели вели хищнические раскопки на открытых памятниках, сбывая находки заезжим археологам, любителям старины через лавки древностей (к середине 90-х гг. XIX в. в Екатеринбурге насчитывалось до десятка антикварных лавчонок), а также деревенским колдунам (особенно славилась мурзинские колдуны), у которых большим спросом пользовались полированные каменные топоры и кремневые наконечники стрел. 13 января 1890 г. на заседании УОЛЕ О. Е. Клер предложил создать специальную комиссию, которая занялась бы обработкой накопленного в УОЛЕ археологического материала и дальнейшим изучением памятников Урала.

Председателем этой комиссии был избран О. Е. Клер. С момента создания комиссия провела решительную борьбу с хищническими, кладонскательскими раскопками. Одной из первых своих задач Археологическая комиссия поставила проведение исследований и сбор материала на разрушаемых памятниках, в частности, необходимо было безотлагательно произвести детальное обследование берегов и островов Исетского озера. Для этой цели были выделены деньги владельцем Верх-Исетских заводов графом А. А. Стенбок-Фермором через заводоуправление. Летом 1890 г. О. Е. Клер и Н. А. Рыжников с четырьмя рабочими начали раскопки, которые продолжались с 15 июня по 20 сентября. В результате этих исследований было открыто около 20 стоянок по берегам самого Исетского озера, известных ныне как "Коптяки — 1—20". Среди них: поселения с раскопанными жилищами — Коптяки 2, 3, 4; остатками горнов — Коптяки 5, 2; жертвенной площадкой — Коптяки 8; каменными мастерскими — Коптяки 9; жертвенное место на горе Матаиха; могильник, известный как "могильцы старцев"; писаный камень у дер. Мурзинки. За время работ было собрано до 150 пуд. находок, из них часть, "наиболее изящно отделанные и оригинальные" в количестве 25 пуд., была направлена в Петербург в Главное управление Верх-Исетских заводов управляющим Ф. А. Фотиевым, согласно распоряжению графа А. А. Стенбок-Фермора. Там они благополучно затерялись. Поиски, предпринятые автором статьи в 1990 г. в музеях Ленинграда—Петербурга, не увенчались успехом. Остальные находки были переданы в музей УОЛЕ, где частично реставрированы и классифицированы, но не описаны и не изданы. Первоначальную классификацию провел Н. А. Рыжников по указанию О. Е. Клера. Дальнейшее описание и издание было отложено, так как, по мнению О. Е. Клера, необходимо было вначале провести раскопки на торфянике у Листвяного острова на Первом Карасьем озере или на Шигирском торфянике, чтобы по стратиграфическому залеганию находок отделить более ранние материалы и соотнести их с материалами с Исетского озера.

В 1890 г. параллельно с исследованиями на Исетском озере О. Е. Клер и Н. А. Рыжников осматрели Чертова городище, где в то время проводили раскопки С. И. Сергеев с рабочими. По сообщению С. И. Сергеева в слое на открытых площадках Чертова городища вместе с фрагментами керамики были в большом количестве найдены мелко раздробленные кости и "следы бронзовых предме-

тов"⁹. Обследовав Чертово городище, Сергеев прошел по протоке, соединяющей оз. Исетское и оз. Шитовское (Шитовской Исток — П. С.) и не доезжая 7 верст до Исетского озера, у моста по дороге на Верх-Исетский завод из сел Таватуйского (верстовые столбы 34 и 18), у подножия горы в долине р. Черной обнаружил две круглые ямы (жилищные впадины?) неподалеку друг от друга. В подобных ямах, по свидетельству местных жителей, находят кости, узорчатые черепки, каменные орудия. Раскопки этих ям не производились.

Шитовское озеро было также обследовано С. И. Сергеевым на деньги заводоуправления Верх-Исетских заводов в 1889—1890 гг. Коллекция его хранится в музее без точного указания местоположения стоянок.

На мысе Гамаюн Верх-Исетского пруда, у впадения р. Исеть, против устья речки Светлой на юго-западном склоне была обнаружена обширная стоянка древнего человека. Она активно посещалась археологами-любителями и служащими Верх-Исетского заводоуправления Сиговым П. А., Фотиевым Ф. А., Свечиным Г. А., использовавшими для этой цели заводской пароходик. Летом 1891 г. было решено на средства Верх-Исетских заводов в присутствии графа А. А. Стенбок-Фермора произвести раскопки, пригласив для этой цели археолога. Они не состоялись. Поскольку, как пишет Н. А. Рыжников, "О. Е. Клер работал в то время по поручению Археологической комиссии на Ирбитском озере, Д. Н. Мамин-Сибиряк на оз. Увильды, Е. И. Фаддеев был в Аахене, Н. Рыжников в Акмолинской области, С. И. Сергеев — в Перми. Других же любителей археологов, подготовленных к такой работе, в это время в Екатеринбурге не было"¹⁰.

В 1880—1900 гг. продолжались раскопки Палкинских стоянок, которые проводили О. Е. Клер и другие местные и приезжие археологи: барон Ж. О. де Бай, профессор А. А. Штуkenберг, Д. Н. Мамин-Сибиряк, А. Ф. Комес, П. Я. Замшин и др. Коллекции с палкинских стоянок и городища, кроме вышеупомянутых, переданы в Казанский университет К. И. Фаддеевым и в Московское археологическое общество О. Е. Клером. Часть коллекций была отослана О. Е. Клером в Гельсингфорс (Хельсинки), Стокгольм, Женеву, Вену, Нью-Йорк.

С 1898 г. в верховьях Исеты между дер. Палкино и оз. Мелким работали В. Я. Толмачев, а затем Ю. П. Аргентовский. С 1897 по 1907 гг. по правому берегу реки разведочные работы проводились А. И. Гаккелем.

В 1900 г. на островах Исетского озера на средства УОЛЕ (50 руб.) вели раскопки Н. А. Рыжников, Г. О. Клер, В. Я. Толмачев, которые предполагали уточнить датировку памятников Коптяки 1—20 для обработки коллекций. При раскопках были найдены фрагменты маленьких тиглей. В 1906 г. еще раз навещает Исетское озеро Н. А. Рыжников. Пользуясь засухой на обнажениях берегов, он собрал значительную коллекцию каменных орудий, которую после отказа УОЛЕ продал действительному члену Общества Н. К. Минко в Челябинск.

В 1905—1907 гг. Н. А. Рыжников открыл и раскопал частично стоянку Калмацкий Брод. Было собрано материала 25 пуд. УОЛЕ отказалось приобрести коллекцию ввиду отсутствия площадей, и исследователь был вынужден продать ее Н. К. Минко в Челябинск и Д. Д. Ерофееву в Тифлис. Во время раскопок в 1907 г. ремонтные рабочие указали место погребения на правом берегу р. Исеть в 10 саженях от полотна дороги к югу, где было найдено, по их словам, три скелета и маленькие горшки с узорами. Н. А. Рыжников не решился проверить информацию, так как, по его признанию, он вел тогда "хичные" раскопки, а место которое указывали рабочие находилось в полосе отчуждения железной дороги на открытом пространстве.

В 1920 г. от тифа умер О. Е. Клер — основатель УОЛЕ, член-корреспондент Московского Общества Испытателей Природы (с 1911 г. — почетный член), член-сотрудник Императорского Русского Географического Общества (с 1881 г.), член-корреспондент Нью-Йоркской академии наук (с 1891 г.), член-корреспондент Смитсоновского института в Вашингтоне (с 1892 г.), член-сотрудник Русского археологического общества (с 1893 г.), неперенный член Московского Общества Любителей Естествознания, антропологии и этнографии. Свой вклад в археоло-

гию О. Е. Клер оценил очень скромно: “В 1873 году мне пришлось увидеть несомненное доказательство, вопреки тогдашнему мнению ученых, существования каменного века на Урале, но из этого еще не следует, чтобы я специально занялся археологией. Сознывая уже тогда, а теперь тем более, громадное значение археологического исследования Урала и прилежащих к нему равнин для выяснения расселения различных племен Европы, я прилагал все усилия к сосредоточиванию материалов по этой части в местном музее, где коллекции и отдельные предметы могли бы лежать в сохранности до появления специалистов для их обработки, забываясь лишь о том, чтобы в точности сохранились с вещами верные данные о местах и условиях находок... Самостоятельные раскопки я вел только два раза в жизни: в 1890 г. на Исетском озере по поручению Верх-Исетского заводоуправления для предупреждения совершенной потери и начатого расхищения предметов из берегов, ежегодно подмываемых искусственно поднятым озером. В 1891 г. я делал раскопки на Ирбитском озере по командировке ИАК для выяснения условий при которых найдены были любителями предметы бронзовой эпохи”¹¹.

После революции археологические исследования в верховьях р. Исеть возобновляются в середине 20-х гг. под руководством А. А. Берса, работавшего в сотрудничестве с Н. А. Рыжниковым. А. А. Берс после окончания исторического факультета Московского университета в 1922 г. приезжает на Урал, входит в состав Окружного Бюро Краеведения, которое с 1924 г. возглавило археологические изыскания в Свердловской области. В 1926 г. вместе с Н. А. Рыжниковым он исследует могильник Калмацкий Брод. Хорошо владея материалом (А. А. Берс изучил археологические коллекции УОЛЕ), имея глубокие и разносторонние теоретические познания, А. А. Берс в 1930 г. написал и издал книгу “Прошлое Урала” — первое обобщающее исследование по древней истории края, где несмотря на ряд неточностей верно представлена линия развития древнейшего населения Урала¹². Начатая работа была прервана в середине 30-х гг. А. А. Берс был репрессирован и расстрелян в БелБалтЛаге. 16 января 1989 г. А. А. Берс был посмертно реабилитирован.

С 1926 по 1940 г. в верховьях Исети ведет раскопки П. А. Дмитриев на средства Государственного исторического музея. В 1928—1932 гг. он совместно с Е. М. Берсом обследует мысы Исетского озера (Липовый, Березовый, Ельничный, Лиственный) и Соловецкие острова. В 1932—1934 гг. они ведут раскопки на поселении и могильнике Калмацкий Брод, где было вскрыто два погребения, датированные последними веками до н. э. (в настоящее время могильник Калмацкий Брод датируется V—VI вв. н. э.) и поселение с тремя жилищами эпохи энеолита¹³. В 1940 г. П. А. Дмитриев вместе с Е. М. Берсом вторично обследует острова и берега Исетского озера: на острове Красеньком на южной стороне закладывают траншею, на вершине горы Шаманихи вскрывают погребение, вторично обследуют Чертово Городище и писаный камень на восточном берегу Исетского озера, открытый в 1900 г. В. Я. Толмачевым и Н. А. Рыжниковым. С 1930 г. от учеников Исетской школы в краеведческий музей начинают поступать вещи с распаханного под огорода мыса Толстик Исетского озера. В 1940 г. П. А. Дмитриев и Е. М. Берс проводят раскопки на мысу. В них принимает участие и Н. Н. Бортвин, археолог, с 1923 г. член Уральского бюро краеведения, с 1939 по 1943 г. секретарь и заведующий отделом археологии Свердловского краеведческого музея. Коллекции, собранные П. А. Дмитриевым на памятниках верховьев Исети хранятся в фондах Государственного Исторического музея. В 1941 г. П. А. Дмитриев уходит добровольцем на фронт и погибает в 1943 г. Его основные труды “Культура населения Среднего Зауралья в эпоху бронзы” и “Шигирская культура на восточном склоне Урала” выходят посмертно в 1951 г.¹⁴ Выделяя шигирскую культуру на памятниках Среднего Зауралья, автор обосновывает необходимость ее вычленения, дает подробное описание типов жилищ и поселений, хозяйства, орудий труда, дает исторические реконструкции социальной структуры общества и сферы культово-магических представлений. Но так как для его научных построений использовался нерасчлененный материал с многослойных памятников, то в понятие “шигирская куль-

тура" включен широкий круг древностей Притоболья и Среднего Зауралья с диапазоном датировки от конца II тыс. до н. э. до VIII в. до н. э.

В годы войны полевые исследования в верховьях Исети не проводятся. Они возобновляются только в 1947 г. Е. М. Берс. Она исследует стоянки Новая I, II на левом берегу р. Исети, в 1949—1950 гг. — поселение на горе Маленькой в Палкино, проводит разведку на Листвяном мысе Исетского озера, а в 1950—1953 гг. исследует Верхнюю и Нижнюю Макушу — многослойный памятник на правом берегу р. Исеть в 2 км выше по течению от пос. Палкино. Здесь было раскопано три жилища (неолит — энеолит) на Нижней Макуше и два (энеолит — ранний железный век) на Верхней Макуше. Одновременно с раскопками она проводит разведку на мысу Еловом у оз. Мелкого в 1951 г., где было обнаружено жертвенное место, датированное по материалу ранним железным веком. В 1955 г. в поисках однослойного памятника эпохи бронзы Е. М. Берс вновь обследует берега Исети близ поселения Калмацкий Брод. На левом берегу реки в 2 км вниз по течению была обнаружена такая стоянка с тремя сезонными жилищами эпохи бронзы — Новая III. В 1957 г. она исследует древнее металлургическое производство на горе Петрогром, на правом берегу р. Исеть. В 1959 г. Е. М. Берс провела повторное обследование берегов Исетского озера. На нескольких памятниках были заложены разведочные траншеи. Коллекции из раскопок Е. М. Берс хранились в археологической лаборатории УрГУ, позднее были переданы в краеведческий музей. Часть из них опубликована¹⁵.

Е. М. Берс наиболее углубленно исследовала памятники эпохи бронзы и железного века. На основе полевых исследований она выделила несколько археологических культур: гамаюнскую, исетскую, аятскую. Ею был реконструирован процесс плавки бронзы и железа, погребальные обряды эпохи неолита и позднего железного века, а также реконструкции ритуальных обрядов на жертвенном месте у оз. Мелкого на мысе Еловом. Е. А. Берс работала с коллекциями краеведческого музея и в Государственном архиве г. Свердловска, на основе ее изысканий был выпущен "Каталог археологических коллекций Свердловского краеведческого музея" и "Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей"¹⁶.

В 60 — начале 70-х гг. археологические раскопки в верховьях Исети не проводились. Новый этап изучения памятников начинается в конце 70-х гг. По заданию областного управления культуры для составления Археологической карты Свердловской области были начаты разведочные работы по обследованию уже известных памятников и поиску новых. В 1978—1979 гг. студенты и сотрудники археологической лаборатории Уральского государственного университета Н. М. Чаиркина, Н. А. Крутских, В. Т. Петрин обследовали берега и острова Шитовского озера и р. Шитовской Исток, выявив около 10 памятников.

В 1977—1981 гг. университетские археологи В. И. Стефанов, В. М. Морозов, В. Т. Петрин, Н. М. Чаиркина обследовали берега Исетского озера. Верховья р. Исеть от Исетского озера до Палкино исследовались разведками Н. А. Алексашенко, В. Д. Викторовой, С. Н. Паниной (1976), С. Н. Паниной (1977), В. А. Борзуновым (1979), В. Ф. Кернер (1981—1983), В. И. Стефановым, Н. М. Чаиркиной (1984), Н. Р. Тихоновой (1987—1988).

С конца 70-х по 90-е гг. на археологических памятниках в окрестностях Екатеринбурга продолжают полевые исследования: поселение Палатки I¹⁷, II¹⁸ — 1978—1996 гг.; жертвенное место на мысе Еловом — 1980 г.¹⁹; поселение Исетское Правобережное — 1984—1993 гг.²⁰; городище Большегорское — 1986 г.²¹; поселение Макуша III — 1989—1990 гг.²²

Длительная история изучения археологических объектов верховьев р. Исеть свидетельствует о пристальном внимании археологов к этой территории, на которой сосредоточено свыше ста сорока уникальных комплексов разновременных и разнотипных памятников.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Малахов М. В. Курганы в окрестностях города Екатеринбурга Пермской губернии // Труды IV Археологического съезда. Т. I. С. 115—116.
2. Сигов С. С. Опись чудских древностей, принесенных в дар Археологическому музею. ИРАО. 1861.
3. Клер О. Е. Заметки о некоторых доисторических предметах, найденных в Уральском крае // ЗУОЛЕ. Т. VII. Вып. 4. Екатеринбург, 1884.
4. Малахов М. В. На чудском городище у дер. Палкиной на реке Исети // Древняя и новая Россия, 1878. № 3; Малахов М. В. Курганы в окрестностях г. Екатеринбурга Пермской губернии // Труды IV Археологического съезда. Т. I. С. 115—116.
5. ЗУОЛЕ. Т. II. Вып. I. Екатеринбург, 1887; ЗУОЛЕ. Т. 27. Екатеринбург, 1908.
6. Клер О. Е., Фаддеев К. И. Гончарное производство доисторического человека у дер. Палкино. М., 1895.
7. Теплоухов А. Е. Замечания о глиняных черепках, найденных на берегу Аятского озера и у дер. Палкиной на р. Исети // ЗУОЛЕ. Т. VII. Вып. 4. 1884. С. 184—190.
8. Рыжников Н. А. Материалы для археологической карты Урала (рукопись) // ГАСО. Ф. 101. Оп. 3. Д. 67; *Он же*. Селища и стоянки доисторического человека в верховьях р. Исети // Округ, 1927. № 1; *Он же*. Доисторическая жизнь у Исетского озера // Округ, 1927. № 18.
9. Сергеев С. И. О поездках летом нынешнего года на Чертово городище, озера Исетское, Шитовское и Таватуйское Екатеринбургского уезда Пермской губернии // ЗУОЛЕ. Т. XII. Вып. 2. 1890—1891. С. 135—141.
10. Рыжников Н. А. Материалы...; ГАСО. Ф. 101. Оп. 3. Д. 67. С. 61.
11. Клер О. Е. Из письма Минко Н. К. от 12.11.1906 в Челябинск (рукопись) // ГАСО. Ф. 140. Оп. I. Д. 9. № 99.
12. Берс А. А. Прошлое Урала. М., 1930.
13. Дмитриев П. А. Раскопки стоянки Калмацкий Брод на р. Исети. Свердловск, 1934; Дмитриев П. А. Землянки на Зауральских стоянках // МИА, 1941. № 2.
14. МИА, 1951. № 21. С. 5—28, 28—94.
15. Берс Е. М. Некоторые данные о древнейшей истории Среднего Зауралья // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1958. С. 3—21; *Она же*. Археологические памятники на острове Макуша // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1961. Вып. 39. Ч. I; *Она же*. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1963; *Она же*. Памятники и керамика гамаюнской культуры // Из истории Урала. Свердловск, 1960.
16. Берс Е. М. Каталог археологических коллекций Свердловского краеведческого музея. Свердловск, 1959; *Она же*. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей // МИА, 1951. № 21.
17. Викторова В. Д. Научный отчет Исетского отряда УАЭ за 1978 г. // Архив отдела археологии и этнологии ИИА УрО РАН. Р. II А. Д. I; *Она же*. Научный отчет Исетского отряда УАЭ за 1982 г. // Архив отдела археологии и этнологии ИИА УрО РАН. Р. II А. Д. 2; *Она же*. Научный отчет Исетского отряда УАЭ за 1983 г. // Архив отдела археологии и этнологии ИИА УрО РАН. Р. II А. Д. 4; *Она же*. Научный отчет Исетского отряда УАЭ за 1984 г. // Архив отдела археологии и этнологии ИИА УрО РАН. Р. II А. Д. 6; *Она же*. Научный отчет Исетского отряда УАЭ за 1985 г. // Архив отдела археологии и этнологии ИИА УрО РАН. Р. II А. Д. 12; *Она же*. Научный отчет Исетского отряда УАЭ за 1986 г. // Архив отдела археологии и этнологии ИИА УрО РАН. Р. II А. Д. 16; *Она же*. Научный отчет Исетского отряда УАЭ за 1987 г. // Архив отдела археологии и этнологии ИИА УрО РАН. Р. II А. Д. 17.
18. Палица С. Н. Отчет о полевых работах Палкинского отряда на левобережном поселении р. Исеть Палатки II Железнодорожного района г. Свердловска летом 1978 г. // Архив СОКМ. № 1294; *Она же*. Отчет о полевых работах экспедиции музея на левобережном поселении Палатки II Железнодорожного района г. Свердловска... 1979 г. Свердловск, 1980 // Архив СОКМ. № 1352; *Она же*. Отчет о полевых исследованиях музея на левобережном поселении р. Исеть Палатки II... летом 1980 г. Свердловск, 1980 // Архив СОКМ; *Она же*. Отчет о полевых исследованиях музея на поселении Палатки II... летом 1982 г. Свердловск, 1983 // Архив СОКМ; *Она же*. Отчет о полевых исследованиях музея на поселении Палатки II... летом 1983. Свердловск, 1987 // Архив СОКМ; *Она же*. Экспедиция Свердловского краеведческого музея // АО-1979. М., 1980. С. 164; *Она же*. Палатки II — поселение аятской культуры на р. Исеть // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988. С. 18—29; *Она же*. Домостроительные традиции населения эпохи бронзы горно-лесного Зауралья // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск: УрО АН СССР, 1989. С. 46—61; *Она же*. Древняя история Урала. Про-

блемы экспонирования (К проекту создания историко-ландшафтного парка "Истоки Исети") // Музеи. Переосмысление границ. Материалы научно-практической конференции. Екатеринбург, 1994. С. 19—21; *Викторова В. Д., Емлин Э. Ф., Панина С. Н.* Проект историко-ландшафтного парка "Истоки Исети" // Тезисы конференции "Сургут, Сибирь, Россия". Екатеринбург, 1994. С. 126—143.

19. *Нохрина Т. Я.* Отчет о работах на мысу Еловом и на Сухрино III // АКА УрГУ. Ф. 11, 337.

20. *Алексащенко Н. А., Кернер В. Ф.* Реконструкция хозяйственной деятельности неолитического населения Среднего Зауралья. Свердловск, 1990; *Кернер В. Ф.* Поселение Исетское Правобережное // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991. С. 46—68; *Панова Н. И., Кернер В. Ф.* Природная среда и освоение верховьев р. Исеть в эпоху неолита // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. Красноярск, 1992. С. 202—206.

21. *Бельтикова Г. В., Викторова В. Д., Панина С. Н.* Metallurgical complexes on the island of Kamennye Palatki // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 1993; *Бельтикова Г. В.* Литейные формы иткульского очага металлургии // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург, 1993; *Емлин Э. Ф., Викторова В. Д., Бельтикова Г. В.* Истоки горного дела и металлургии на Среднем Урале // Сохранение индустриального наследия: мировой опыт и российские проблемы. Екатеринбург, 1994; *Бельтикова Г. В.* Отчет о раскопках Большегородского городища в 1986 г. // Архив отдела археологии и этнологии ИИА УрО РАН. Р. II А. Д. 8.

22. *Чаиркина Н. М.* Разведки и раскопки в окрестностях г. Свердловска, Макуша III // Архив отдела археологии и этнологии ИИА УрО РАН. Р. III А. Д. 22.

A HISTORY OF THE ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATION IN THE UPPER REACHES OF ISET' RIVER

The author outlines stages of archaeological sites' explorations in the upper reaches of Iset' river. The first one (60-s of XIX century — 20-s XX century) is associated with an activity of the Urals Society of the Natural Sciences' Amateurs. Its members discovered sites of ancient man, collected materials, described, systematized and dated collections of artifacts. To reflect a character of that time investigation new factual material was used by author. Second stage (30—60-s of XX century) is marked by new attempts in archaeological research such as singling out of archaeological cultures, describing the development, tracing genesis and interaction of ancient societies. It was undertaken by A. A. Bers, E. M. Bers, P. A. Dmitriev. From 70-s started the third stage which is connected with recent investigation of different archaeological organizations of Ekaterinburg. It's marked by new scientific analysis of archaeological data and collaboration with specialists of other sciences.

S. N. Panina

Л. Л. Косинская

НОВОКАМЕННЫЙ ВЕК: ХОЗЯЙСТВО И ОБРАЗ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ПО ОБЕ СТОРОНЫ УРАЛА

Когда в археологической литературе речь заходит о таяжном неолите Урала и Западной Сибири, читателя поражает скудость сведений по северным районам. Материалы немногочисленных памятников позволяют лишь охарактеризовать вещественные остатки, констатировать присваивающий тип хозяйства, наметить связи с сопредельными (обычно лежащими южнее) территориями¹. Подобный лаконизм вызван тем обстоятельством, что на необозримых таяжных пространствах выявлено пока очень мало неолитических памятников. Достаточно взглянуть на карту (рис. 1), и в глаза бросаются обширные "белые пятна".

Значит ли это, что таяжные просторы на протяжении по крайней мере двух тысячелетий оставались практически безлюдными? Ведь эпоха неолита приходится на так называемый климатический оптимум голоцена, когда соотношение тепла и влажности, особенности атмосферной циркуляции создали более благоприятные, чем сейчас, условия для растительного мира². В этот период таяжные леса в европейской части временами доходили до побережья Ледовитого океана, а в Западной Сибири — до Среднего Ямала. Леса покрывали долины Приполярного Урала, а широколиственные породы распространялись до Вычегды, Печоры, Северного Зауралья. Заболоченность равнинных территорий еще не достигла современных масштабов. Повсеместными обитателями тайги были северный олень, лось, медведь, другие крупные животные, а также бобр и мелкий пушной зверь, боровая и водоплавающая дичь. Реки и озера изобиловали рыбой.

Мог ли древний человек оставить без внимания столь богатые территории? Тем более, что освоены они были еще в мезолите. Памятники среднекаменного века во множестве известны не только на юге таяжной зоны (Прикамье, Вятка, Среднее Зауралье), но и на Вычегде, Печоре, в Большеземельской тундре, на Конде. На Средней и Нижней Оби пункты с мезолитическими находками пока единичны, но и они позволяют предполагать, что заселение человеком Приобья началось по меньшей мере в среднекаменном веке. Причин для оставления уже освоенных земель в последующую неолитическую эпоху как будто не было. Малочисленность и даже отсутствие неолитических комплексов на Севере, видимо, объясняется его чрезвычайно слабой изученностью. Когда-то один археолог сказал: "Памятников нет там, где их не ищут". Действительно, в местах проведения тщательных археологических разведок обнаружены и поселения неолитического времени. В лучшем положении находятся Прикамье и Среднее Зауралье, где исследования ведутся с XIX в. по настоящее время. В других районах (Вятка, Вычегда, Мезень, Печора, Конда, Среднее и Нижнее Приобье) массовые археологические изыскания начались только в послевоенное время.

Нищета отечественной науки сказывается на качестве исследований. Большинство открытых памятников представлено разведочными материалами, что затрудняет их культурно-хронологическую атрибуцию. Практически нет полностью раскопанных поселений, а значительная часть материалов из раскопок не опубликована. За редким исключением отсутствуют естественнонаучные данные, катастрофически мало радиоуглеродных дат. По таким отрывочным сведениям приходит-

ся судить об эпохе, которая, по современным представлениям, продолжалась около 2,5 тыс. лет (с конца VI—V по IV — начало III тыс. до н. э.).

В этой статье основное внимание уделено северным районам как менее изученным. Особенности культурных процессов древности не позволяют ограничиться рассмотрением материалов собственно Приуралья и Зауралья. Для их понимания необходим обзор прилегающих к Уралу равнинных территорий, включающих реки Полярного бассейна: Печору, Мезень, Вычегду и отчасти Северную Двину на Европейском Северо-Востоке (ЕСВ), Среднюю и Нижнюю Обь на севере Западной Сибири (СЗС). Придется коснуться и ситуации в подтаежной и лесостепной зонах, в древности тесно связанных с северными районами.

Памятники таежной зоны обладают рядом особенностей. Располагаются они, как правило, на песчаных боровых террасах рек и озер. Культурные слои залегают в подзолистых почвах, характеризующихся медленным почвообразованием, интенсивным промывным режимом, кислотностью. Это приводит к полному уничтожению органических культурных остатков в слое. В руки археологов попадают лишь изделия из "вечных" материалов: камня и обожженной глины, изредка — фрагменты кальцинированных костей. От деревянных конструкций древних построек сохраняются только обугленные следы. Таким образом, оказывается утраченной значительная часть инвентаря неолитического (и не только неолитического) времени, изготовлявшаяся из материалов растительного (дерево, кора, травянистые растения) и животного (кость, рог, кожа) происхождения. О богатстве этой части древней материальной культуры можно судить по находкам из памятников Среднего Зауралья, культурный слой которых залегает в торфяных отложениях³.

Начало эпохи неолита в таежной зоне ознаменовалось появлением глиняной посуды — керамики. Именно особенности керамики — технология, формы, декор — лежат в основе объединения памятников в культуры или — при недостатке данных — в культурные группы (типы). Важную информацию содержит и другая массовая категория источников — каменный инвентарь. Состав используемых пород, особенности техники расщепления и вторичной обработки, некоторые характерные типы изделий, как и керамика, дают сведения о культурно-хронологической принадлежности, происхождении и связях групп древнего населения. По каменному инвентарю можно судить о хозяйственных занятиях, о степени освоения местных минеральных ресурсов. Для реконструкции образа жизни, быта и некоторых сторон социальной организации древних коллективов разработана специальная методика анализа самих поселений и жилищ. При этом учитывается их топография, размеры, планиграфическая организация жилой среды, конструктивные элементы построек и т. д.

На ЕСВ выделено несколько культурных групп памятников, отражающих разные стадии неолитического периода. Исследователи расходятся во мнениях относительно статуса, наименования и датировки некоторых из них, но общей картины это не меняет. На роль наиболее ранних претендуют памятники с так называемой накольчатой (ямчатой, ямчато-гребенчатой, ямчато-валиковой) керамикой, выявленные на Вычегде, Северной Двине, Мезени и Печоре. Их объединяют в черноборскую группу или культуру, названную по первой исследованной стоянке Черноборская III⁴. Керамика этих поселений представлена остро- и плоскодонными сосудами с примесью шамота в тесте, тщательно заглаженной или подлощенной поверхностью и в большинстве случаев разреженным орнаментом. Ряды наколов или отступающей палочки покрывают верхнюю и придонную части сосудов. Иногда наколы дополняются отгисками тонкого и длинного гребенчатого штампа, а под венчиком — глубокими ямками или сквозными проколами. Верх некоторых сосудов профилирован, узор дополнен вытяжными валиками (рис. 2, 1—7). Известны и неорнаментированные сосуды. Керамика на поселениях немногочисленна, а часто и вовсе отсутствует. Комплексы черноборской группы различаются по характеру кремневой индустрии, которая варьирует от микропластинчатой мезолитоидного облика до крупнопластинчато-отщеповой. Ее отличают некоторые свое-

образные типы орудий, в частности, наконечники стрел оленеостровского, черноборского типов и поперечнолезвийные в виде мелких высоких трапеций (рис. 2, 8—21). Различия в керамике и каменном инвентаре заставляют предполагать разновозрастность или разнокультурность древностей черноборского типа. Их происхождение связывают либо с Верхним Поволжьем⁵, где сходная керамика относится к верхневолжской раннеэнеолитической культуре конца VI — середины IV тыс. до н. э.⁶, либо с Волго-Камьем⁷, где комплексы с накольчатой керамикой большинством исследователей датируются поздним неолитом — энеолитом⁸. Как бы то ни было, с каждым новым открытым памятником становится все более очевидно, что носители черноборского культурного типа не были случайными гостями на Севере. Они освоили огромные пространства и существовали как общность достаточно долго, внося свой вклад в формирование местных энеолитических культур.

Памятники, относимые к развитому и позднему неолиту ЕСВ, представлены комплексами трех типов: с гребенчатой керамикой камской (хutorской) культуры, с ямочно-гребенчатой керамикой волго-окского типа и с гребенчато-ямочной синкретического облика, сочетающей признаки первых двух.

Комплексы камского типа⁹ характеризуются остродонными сосудами полуяйцевидной формы с утолщениями-наплывами на внутренней стороне венчика. В тесто — примесь шмота, поверхность подлощена, причем лощение часто производилось после нанесения орнамента. Последний состоит из горизонтальных рядов разнонаклонных оттисков длинного и короткого гребенчатого штампа, иногда шагающей гребенки и наколов. Кремневая индустрия сочетает пластинчатую и отщеповую технику. Наконечники стрел на пластинах и отщепах оформлены частичной и полной ретушью; встречаются шлифованные рубящие орудия (рис. 3, 1—9). Основной массив памятников камской (хutorской) культуры располагается в Прикамье и на Вятке, захватывая современную южнотаежную, подтаежную и лесостепную зоны (см. рис. 1). На ЕСВ их известно пока немного, причем только на Вычегде¹⁰.

География памятников с ямочно-гребенчатой керамикой гораздо шире. Помимо Вычегды, они известны на Печоре и в Большеземельской тундре. Но это лишь северо-восточная часть их ареала, охватывающего весь Европейский Север, Верхнее и Среднее Поволжье и доходящего до Украины и Прибалтики. Сосуды этого типа — полуяйцевидные, круглодонные, но без наплыва по венчику, заменяемого часто бортиком. Тесто содержит примесь дресвы или песка. Вся поверхность покрыта узорами из чередующихся горизонтальных поясков глубоких ямок с негативами-“жемчужинами” и оттисков укороченных гребенчатых и гладких штампов. В каменном инвентаре преобладает техника отщепа. Наконечники стрел преимущественно листовидные и ромбовидные, с частичной и сплошной ретушью. Встречаются шлифованные рубящие орудия (рис. 3, 10—14). Однослойные поселения с ямочно-гребенчатой керамикой единичны, большая часть материала происходит с многослойных поселений водораздельных озер Вычегды и Печоры¹¹.

Памятники с гребенчато-ямочной керамикой равным образом представлены в долинах рек и на водораздельных озерах. Их посуда очень разнообразна, так как несет признаки и камской, и ямочно-гребенчатой. В кремневой индустрии преобладает техника отщепа (рис. 3, 15—21). В данном случае не вызывает сомнения, что носители двух культурных типов, не связанных общностью происхождения, долгое время взаимодействовали, развивая новую, синкретическую по своему облику, культуру, существовавшую вплоть до энеолита¹². Вместе с тем, исследователи не отмечают признаков взаимодействия средне- и позднеэнеолитического населения с носителями черноборского типа, что, на наш взгляд, может объясняться либо существованием их в разное время, либо слабостью или отсутствием по какой-то причине контактов между этими группами.

Во многом сходные процессы развивались в Среднем Приуралье — области распространения камской (хutorской) неолитической культуры. Ранняя камская керамика проявляет некоторое сходство с верхневолжской и северной накольчатой: сосуды без наплывов по венчикам украшены оттисками длинной, в том числе

пунктирной, гребенки, встречаются насечки и прочерченные линии; кремневая индустрия сохраняет мезолитоидный облик¹³. С развитого, а возможно и с раннего неолита вместе с камской встречается накольчатая остро- и плоскодонная керамика, основной ареал которой лежит в Среднем Поволжье. К концу эпохи в Прикамье наблюдается слияние гребенчатой и накольчатой традиций, а на Вятке — гребенчатой и ямочно-гребенчатой, как и на ЕСВ.

Анализ поселений и жилищ ЕСВ показывает довольно сложную организацию хозяйственной жизни неолитического населения¹⁴. Среди памятников с накольчатой и гребенчато-ямочной керамикой выделяются поселения со стационарными жилищами и разнообразным кремневым инвентарем (скребки, скобели, ножи, резцы и резчики, проколки и сверла, наконечники стрел и дротиков, шлифованные топоры и долота, стамески, абразивные инструменты и т. п.). Эти поселения располагались по краям речных террас (обе культурные группы) и на водораздельных озерах (комплексы с гребенчато-ямочной керамикой) и были обитаемы в зимнее время или круглый год. Жилища на них довольно крупные, с несколькими очагами, наземные (черноборская группа) или слегка углубленные (памятники с гребенчато-ямочной керамикой). В долинах рек известны и небольшие сезонные поселения, а также промысловые охотничьи стоянки с легкими наземными жилищами типа шалашей и ограниченным набором инвентаря. Последние принадлежат всем четырем культурным группам. Характер памятников на водораздельных озерах трудно определить из-за специфики культурного слоя, но, судя по количеству керамики, носители накольчатой и камской традиций не имели там крупных поселений.

Следует отметить, что на стоянках и большинстве поселений обнаружено по одному жилищу. В тех случаях, когда их больше (2—5), исследователи не приводят доказательств их одновременного функционирования. Таким образом, существование неолитических поселков с несколькими домами в Северном Приуралье кажется весьма проблематичным. Видимо, производственные коллективы не были многочисленными (5—10 чел. на сезонных стоянках, до 40—50 чел. на крупных зимних и постоянных поселениях) и не задерживались подолгу на одном месте. Разнообразие типов поселений свидетельствует о довольно подвижном образе жизни, что могло быть обусловлено потребностями сезонных промыслов. Важная роль охоты документируется не только предметами вооружения (наконечники стрел, дротиков, разделочные ножи), но и немалыми сохранившимися остеологическими находками. Основными промысловыми видами были лось, северный олень и бобр. Добывали также медведя, пушных зверей, птиц. Другая отрасль хозяйства — рыболовство — могла быть ведущим промыслом у обитателей водораздельных озер. Приуроченность их поселений к протокам или впадающим в озера речкам наводит на мысль о возможности запорного лова рыбы. Остатки неолитических запоров известны в торфяниковых стоянках Европейского Севера и Прибалтики¹⁵. Такой способ добычи рыбы мог обеспечивать значительную часть пищевого рациона, особенно групп с ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой, господствовавших на озерах.

Перевалив через Уральский хребет, мы увидим сходную, хотя и во многом своеобразную картину. Существенное расширение полевых исследований за последние два десятилетия дало новые материалы с прежде почти не изученных территорий. Это привело к кардинальному пересмотру ранее выработанных концепций и схем. В частности, развеялось представление о единообразии неолитической культуры от восточных склонов Урала до Енисея. Предположение о том, что памятники этой территории объединяет общность более высокого порядка, чем археологическая культура, высказывалось и раньше. Но наполнить его конкретным содержанием стало возможно только в наши дни.

Полнее всего обследована южнотаежная часть Северного Зауралья. Бассейны Конды и Верхней Тавды заняты массивом памятников сумпаньинской культуры¹⁶. Раскопанные жилищные комплексы датируются по С¹⁴ V тыс. до н. э. Сосуды имеют полуяйцевидную форму с округлым дном и слабовыраженным наплывом по

венчику изнутри. Тщательно заглаженную вплоть до лощения поверхность покрывают узоры из прочерченных линий и шагающей (реже — штампованной) гребенки. Отличительная черта сумпаньинской керамики — ряд ямок или сквозных проколов под венчиком; встречается вертикальное членение орнаментального поля и выступы — «ушки» на венчике. В каменном инвентаре преобладают разнообразные шлифованные орудия (наконечники стрел, ножи, рубящие орудия и др.), кремневых изделий мало (рис. 4, 1—10).

В заполнении жилищ встречаются еще две группы керамики — кошкинского и немнелского типов, хронологическое соотношение которых с сумпаньинскими комплексами до сих пор не ясно¹⁷. Первая из них напоминает посуду кошкинского типа Среднего Зауралья¹⁸ наличием плоскодонных форм и неполной орнаментацией отдельных сосудов, но отличается отсутствием «воротничков» на внешней стороне венчика, использованием техники накола и более сложным орнаментом. Посуда немнелского типа отчасти близка зауральской козловской и полуденской¹⁹ (массивные наплывы на венчике и плотный орнамент, сочетающий прочерченные, отступающие и гребенчатые мотивы, хотя встречаются и сосуды без узоров).

При раскопках жилищ поселения Чэстыйяг на Северной Сосьве обнаружены своеобразные круглодонные полуяйцевидные и ладьевидные сосуды, орнаментированные в верхней части волнисто-прочерченными, накольчатыми и гребенчатыми узорами (рис. 4, 11, 12). Керамику сопровождают разнообразные шлифованные орудия и изделия из отщепов²⁰. Прямых аналогий этим материалам на СЗС пока нет, хотя отдельными чертами посуда Чэстыйяга напоминает сумпаньинскую, раннюю среднезауральскую и среднеобскую.

Не менее оригинальны керамические комплексы трех памятников, расположенных на Казыме и Северной Сосьве. Их можно выделить в амнинскую культурную группу (по наиболее яркому памятнику — городищу Амня I, древнейшему укрепленному поселению на СЗС)²¹. Керамика амнинского типа — кругло- и плоскодонные сосуды с мощным наплывом изнутри по венчику. Орнамент, как правило, покрывает верхнюю и среднюю часть тулова и состоит либо из горизонтальных поясков оттисков гребенки, либо из горизонтальных и вертикальных зон прочерченно-накольчатых узоров. Каменная индустрия таежного облика (отщеповая кварцевая в сочетании со сланцевыми шлифованными орудиями) дополняется пластинчатым комплексом (рис. 5, 6—18). Памятники амнинского типа их исследователи предварительно относят к концу неолита — началу энеолита (конец IV — первая половина III тыс. до н. э.), усматривая в керамике сочетание местной гребенчатой и пришлой, вероятно, боборыкинской или кошкинской традиций²².

В таежной части Среднего Приобья неолитические поселения с разнотипной посудой выявлены под г. Сургутом, на Вахе и Васюгане. Наиболее ранними выглядят комплексы Сургутского Приобья с прочерченной керамикой. Сосуды имеют полуяйцевидную форму; приостренные днища часто увенчаны шипом, а лишенные наплывов венчики иногда украшены выступами — «ушками». Гладкую подлощенную поверхность покрывают горизонтальные и вертикальные зоны прочерченных волнистых линий, изредка дополняемых ямками и ямчатыми вдавлениями (рис. 4, 13—15). Вероятно, к несколько более позднему периоду относятся жилища с круглодонной посудой, на которой сходные узоры выполнены приемом отступающей палочки (рис. 4, 16). Во второй половине неолита, наряду с полуяйцевидными, появляются ладьевидные сосуды. В их орнаменте сочетаются прочерчивание, отступление, накол и шагающая гребенка (рис. 5, 1—5). Эти комплексы выделяются в барсовогорскую группу памятников²³. Каменный инвентарь всех сургутских поселений чрезвычайно беден и представлен преимущественно шлифованными орудиями.

Очень близки сургутским неолитические материалы Ваха (рис. 4, 17—18), Васюгана и Томского Приобья, которые исследователи связывают с верхнеобской неолитической культурой²⁴. С появлением первых радиоуглеродных дат возраст среднеобского неолита определяют V—IV тыс. до н. э.

О хозяйстве и образе жизни неолитического населения СЗС приходится судить

по немногочисленным памятникам, раскопанным к тому же не полностью и имеющим различную культурную принадлежность. Больше данных накоплено по сумпаньинской культуре. Ее создатели вели комплексное присваивающее хозяйство. На поселениях находят кости лося, северного оленя, бобра; на некоторых — много наконечников стрел. О значительной роли рыболовства говорят не только костные остатки рыб, но и приуроченность памятников к берегам речных и озерных протоков, устьям мелких речек²⁵. Среди поселений выявлены летние промысловые охотничье-рыболовецкие стоянки без жилищ, небольшие поселения (с одним жилищем) — как сезонные, так, видимо, и постоянные. В отличие от ЕСВ, пока не известны специализированные охотничьи лагеря. Для большинства культурных типов (кроме амнинского и чэстыйягского) остается открытым вопрос о существовании поселков. На раскопанных под Сургутом поселениях с небольшими жилищами хронологическое соотношение построек (одно- или разновременность) не установлено²⁶.

Обращает на себя внимание обилие керамики в жилищах сумпаньинской культуры, что резко отличает их как от памятников остальных неолитических типов СЗС, так и от поселений ЕСВ. Конечно, это может быть культурной особенностью данной группы населения, но может указывать и на более прочную оседлость, связанную с ведущей ролью в хозяйстве рыболовства.

Отличительная черта неолита СЗС — малое количество камня на поселениях, как орудий, так и отходов их производства. Некоторые категории изделий, обычно массовые в кремневых индустриях (скребки, ножи, разнообразные острия, скобели), здесь единичны. Создается впечатление, что значительная часть инструментария изготавливалась не из камня, а из других материалов (вероятно, кости, рога). Если это так, то в таежной Сибири сложилась своеобразная технологическая традиция, адаптированная к особенностям местной сырьевой базы (кварцево-сланцевая индустрия)²⁷. Кроме того, видимо, в большинстве случаев камнеобрабатывающие мастерские были вынесены за пределы известных нам сезонных поселений.

Таким образом, хозяйство и образ жизни неолитических обитателей тайги по обе стороны Урала не слишком различались. И тут, и там для большинства культурных групп охотничий и рыболовный промыслы играли существенную роль, и лишь у некоторых можно предполагать преобладание рыболовства над охотой. Такое хозяйство не способствовало образованию крупных производственных коллективов, поэтому размеры поселений и жилищ, за редким исключением, были очень небольшими, рассчитанными на 10—20 чел. Конечно, эти выводы не окончательны, и дальнейшие исследования могут внести в них существенные коррективы.

Можно заметить много общего и в тенденциях культурного развития по обе стороны Уральского хребта. На ранних этапах неолитической эпохи повсюду как бы внезапно появляется технологически совершенная керамика с устоявшимися системами декора. Наряду с остро- и круглодонной посудой встречается плоскодонная. Господствуют различные варианты орнаментации “палочкой” (ямчатые вдавления, накол, отступающая палочка, прочерчивание), но используются и зубчатые орнаменты. Узоры часто разрежены и не полностью покрывают внешнюю сторону сосудов. Позднее, с развитого неолита, почти повсеместно исчезают плоские днища, а в орнаментации все большую роль начинает играть гребенчатая техника. Та же тенденция прослеживается в подтаежной зоне Зауралья и Западной Сибири.

Аналогии ранней северной посуде всегда обнаруживаются в южных, степных и лесостепных районах: в Северном Причерноморье и на Украине, в Поволжье и Прикаспии, Казахстане и Средней Азии. Простейший путь объяснения этого феномена — предположение о миграциях южного неолитического населения на север, в лесную зону. Однако многие факты не укладываются в рамки миграционной гипотезы. Во-первых, ранняя таежная керамика нигде не повторяет “дословно” предполагаемые исходные образцы — она везде своеобразна и в чем-то отличается даже от посуды смежных районов. Отсюда напрашивается вывод: южные гон-

чарные традиции дошли в тайгу видоизмененными и переработанными, причем их источник не может считаться узко локализованным, поскольку охватывает всю полосу евразийских степей.

Во-вторых, каменный инвентарь таежного неолита повсеместно и разительно отличается от индустрий степных территорий, для которых характерна микролитовидная пластинчатая техника с разнообразными геометрическими формами, а шлифованных орудий почти нет. Кроме того, в тех таежных районах, где выявлен мезолит, прослеживается определенная преемственность в развитии каменного инвентаря от позднего мезолита к раннему неолиту. Следовательно, трудно предполагать здесь смену населения за счет вытеснения или полной ассимиляции аборигенов.

В-третьих, для массовых миграций из степной в лесную зону должна была существовать какая-то веская причина, вероятнее всего, ухудшение природных условий в степях в результате иссушения климата. Только это могло вынудить их обитателей сменить привычные открытые ландшафты на глухие лесные дебри, что требовало от мигрантов максимальных усилий для адаптации к незнакомой среде. Но палеогеографические данные не фиксируют катастрофических ухудшений условий в интересующий нас период (конец VI—IV тыс. до н. э.), хотя они не были неизменными.

Конечно, полностью отрицать миграционный фактор нельзя, но и преувеличивать его роль для объяснения феномена ранних керамических культур таежной зоны было бы некорректно. Думается, что этап массовых миграций (расселение на новых, еще неосвоенных землях) следует отнести к среднему периоду каменного века — мезолиту, а процесс “неолитизации” северных культур рассматривать в более широком контексте. Вспомним, что неолит степной зоны (VII/VI — V/IV тыс. до н. э.) по меньшей мере на тысячелетие старше лесного. Со времени “неолитической революции”, когда появились первые образцы глиняной посуды в раннеземледельческих обществах, искусство керамического производства постепенно и неуклонно распространялось из области Ближнего Востока и Средиземноморья на север, охватывая все новые территории. Появление керамики в таежной зоне — последняя стадия этого процесса.

Накопленные данные позволяют противопоставить гипотезе сквозных массовых миграций другую модель. Не следует забывать, что между двумя мирами — лесным и степным — существует “буферная” зона лесостепей, постоянно “пульсирующая” (расширяющаяся и сужающаяся) под влиянием климатических колебаний. Именно здесь должны были “тормозиться” группы мигрирующих, более подвижных степняков и проще всего осуществляться контакты. Действительно, ареал многих “лесных” культур в Прикамье, Среднем Зауралье, Томском Приобье охватывает не только современную подтаежную, но и лесостепную зоны, а собственно лесостепной неолит сочетает как лесные, так и степные черты в керамике и каменном инвентаре. Яркий пример тому кошкинские и боборыкинские древности²⁸. Боборыкинская культура, памятники которой распространены по Тоболу и его притокам в Южном и Среднем Зауралье, не заходит дальше южной кромки таежной зоны²⁹. В отличие от нее, комплексы кошкинского типа, хотя и видоизмененные, распространяются вплоть до Северного Зауралья. К сожалению, недостаточность и противоречивость данных не позволяют завершить дискуссию о культурном и хронологическом соотношении кошкинских и боборыкинских комплексов³⁰, что затрудняет понимание культурогенеза и роли кошкинского типа в развитии неолита СЗС.

Таким образом, массив лесостепного населения мог служить “передающим звеном” в процессе трансляции культурных достижений в глубь таежной зоны. Одной из таких инноваций и был навык изготовления глиняной посуды, который быстро распространялся в среде родственных лесных групп.

Исходя из особенностей керамики и каменного инвентаря северных культур и учитывая традиционные связи, сложившиеся еще в мезолите, можно наметить возможные пути распространения гончарства. В древности главными лесными “доро-

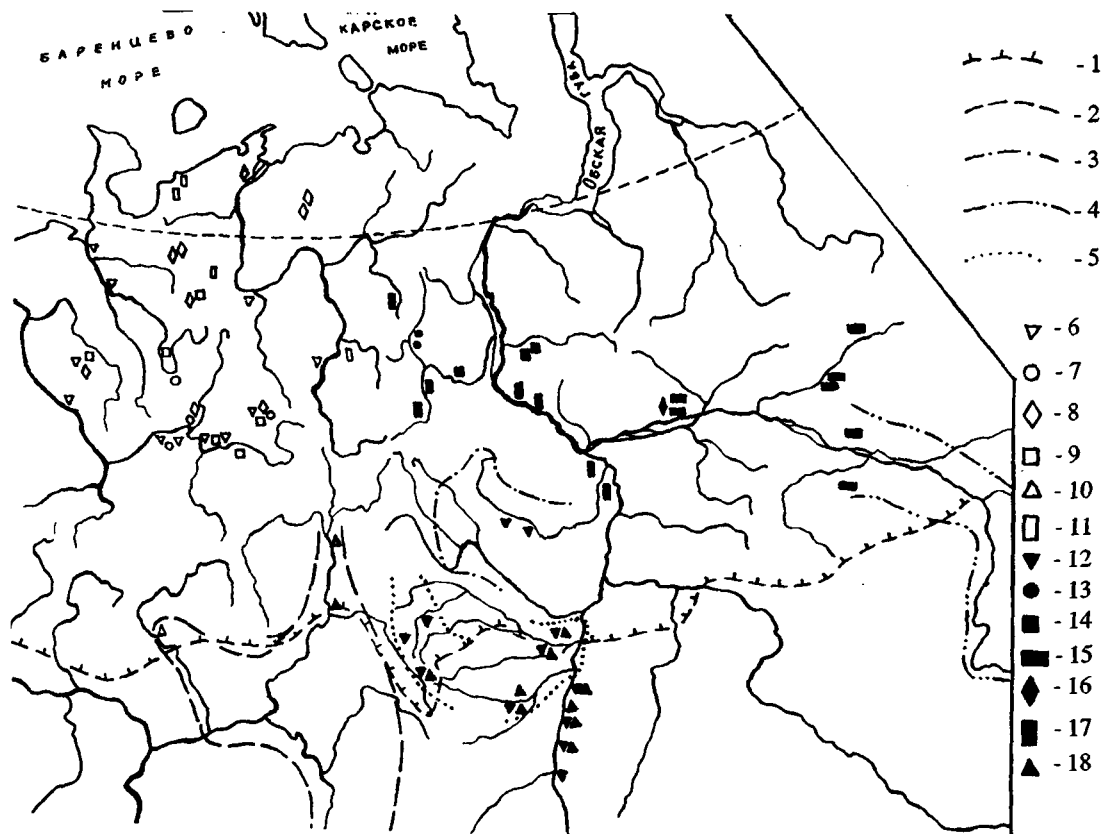

Рис. 1. Неолитические культуры и культурные типы тасжой зоны Уральского региона.

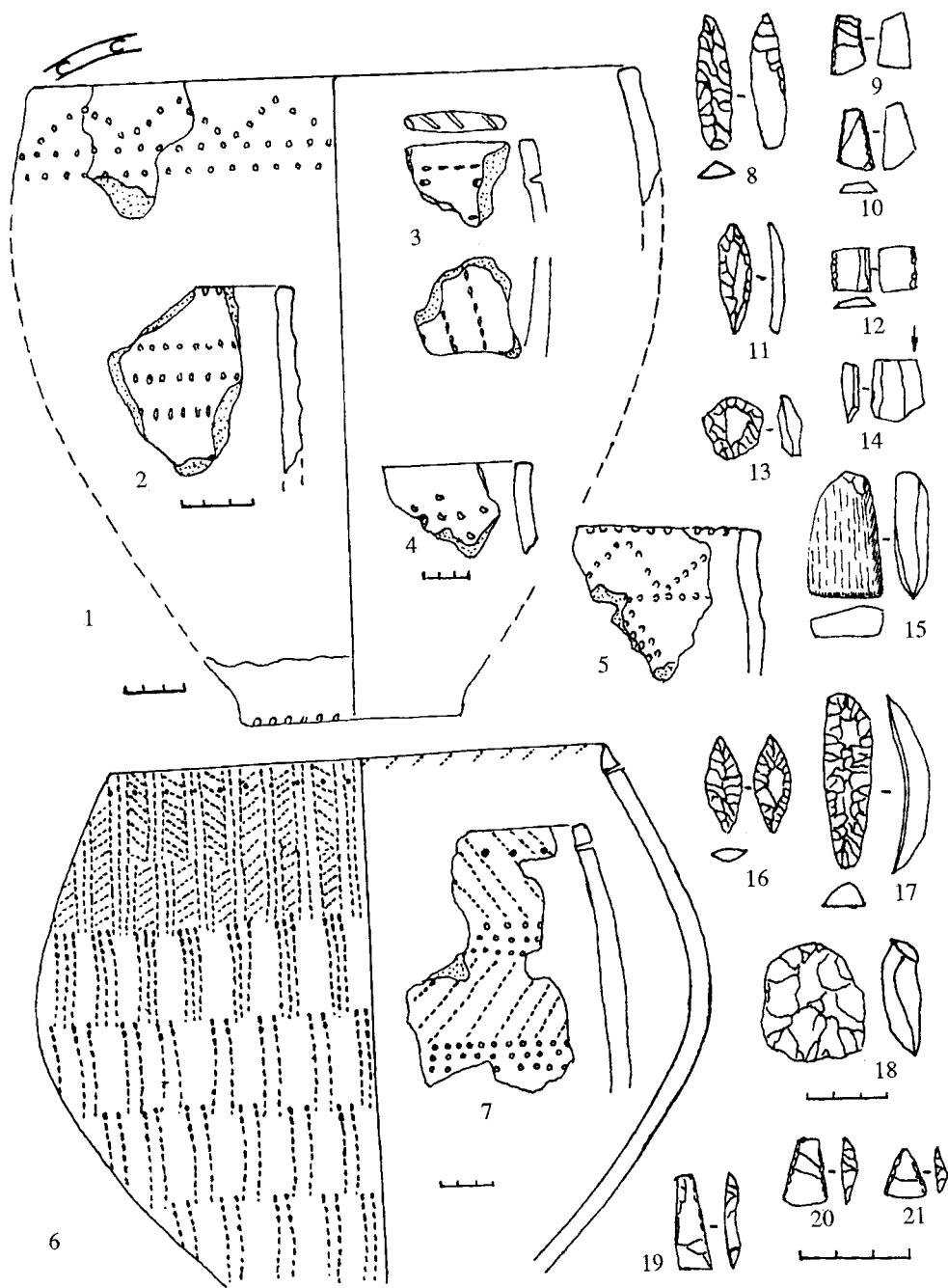

Рис. 2. Европейский Северо-Восток. Керамика и каменный инвентарь памятников черноборской группы (по И. В. Верещагиной, Л. Л. Косинской, Э. С. Логиновой, В. С. Стоколосу).
Объяснение 1—21 см. в тексте.

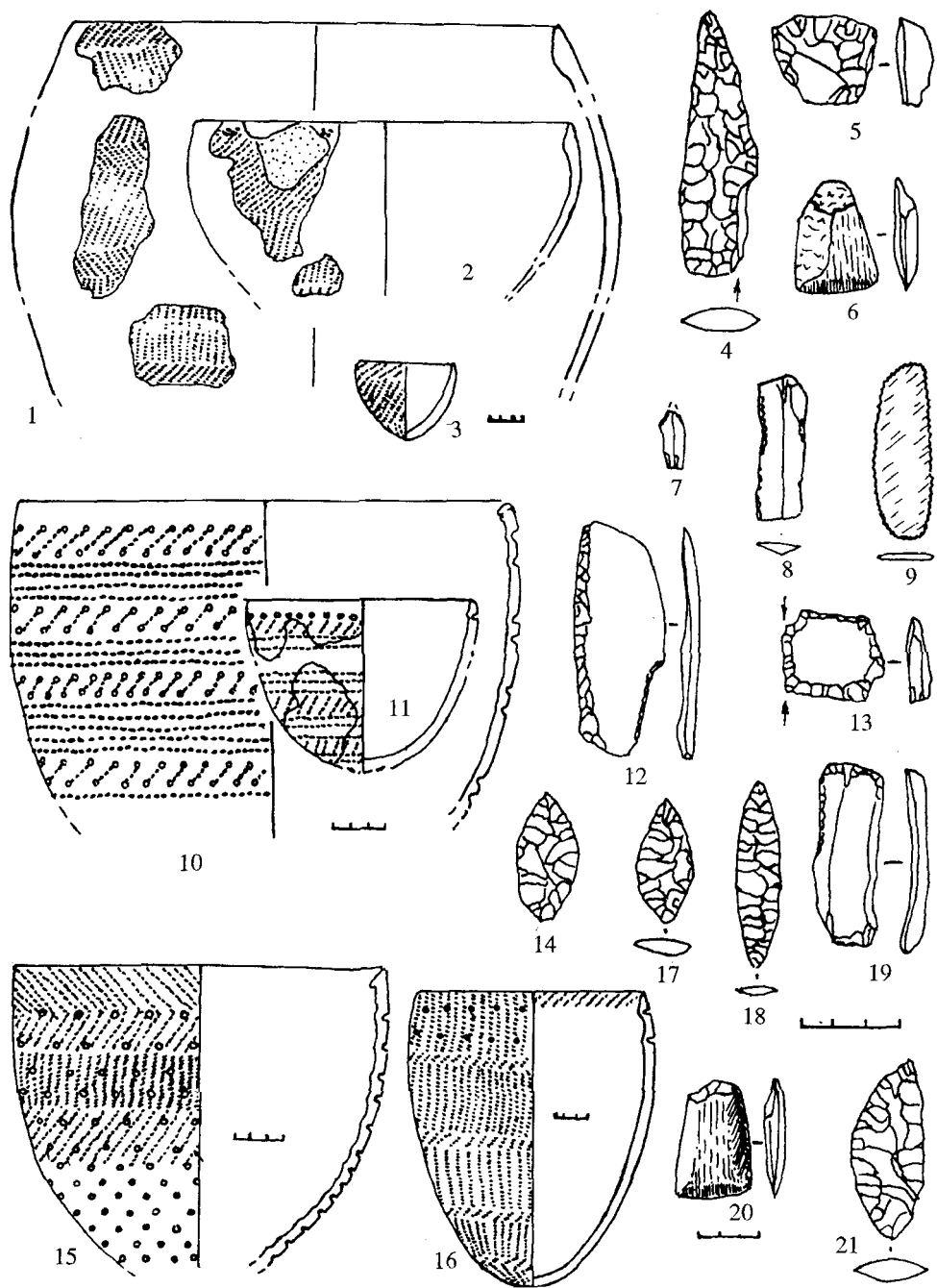

Рис. 3. Европейский Северо-Восток. Керамика и каменный инвентарь памятников:
 1—9 — камского типа; 10—14 — с ямочно-гребсчатой керамикой; 15—21 — с гребсчато-ямочной керамикой
 (по Л. Л. Косинской, Э. С. Логиновой).

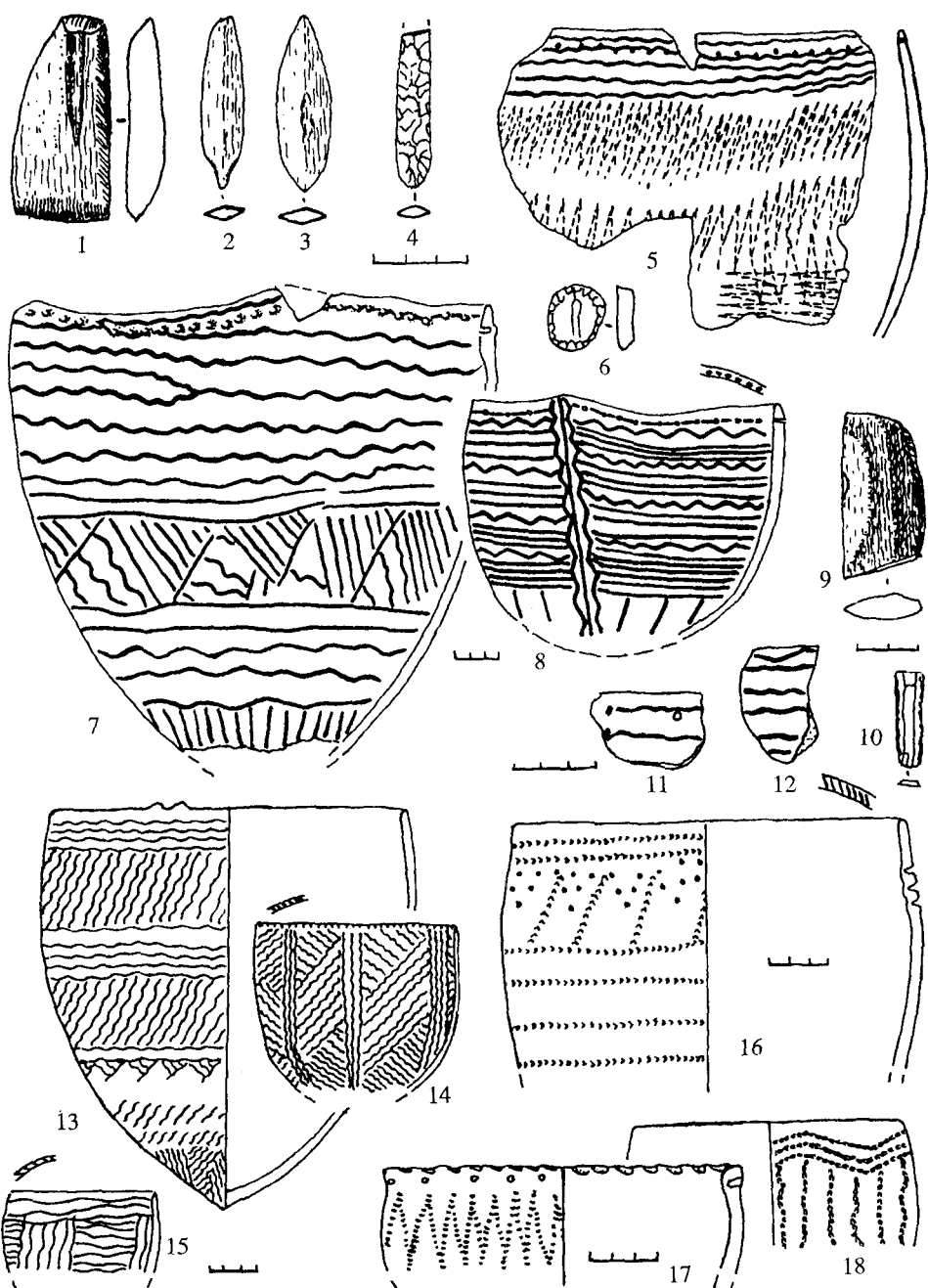

Рис. 4. Север Западной Сибири. Керамика и каменный инвентарь памятников:
 1—10 — сумганьинской культуры; 11—12 — чусгейского типа; 13—18 — средисобских с прочерченно-отступающей
 керамикой (по В. Т. Ковалевой, Е. А. Устиновой и Л. П. Хлобыстину; Л. Л. Косинской; Л. Я. Крижевской и
 Е. А. Гаджиевой; В. А. Посредникову, В. Ф. Старкову).

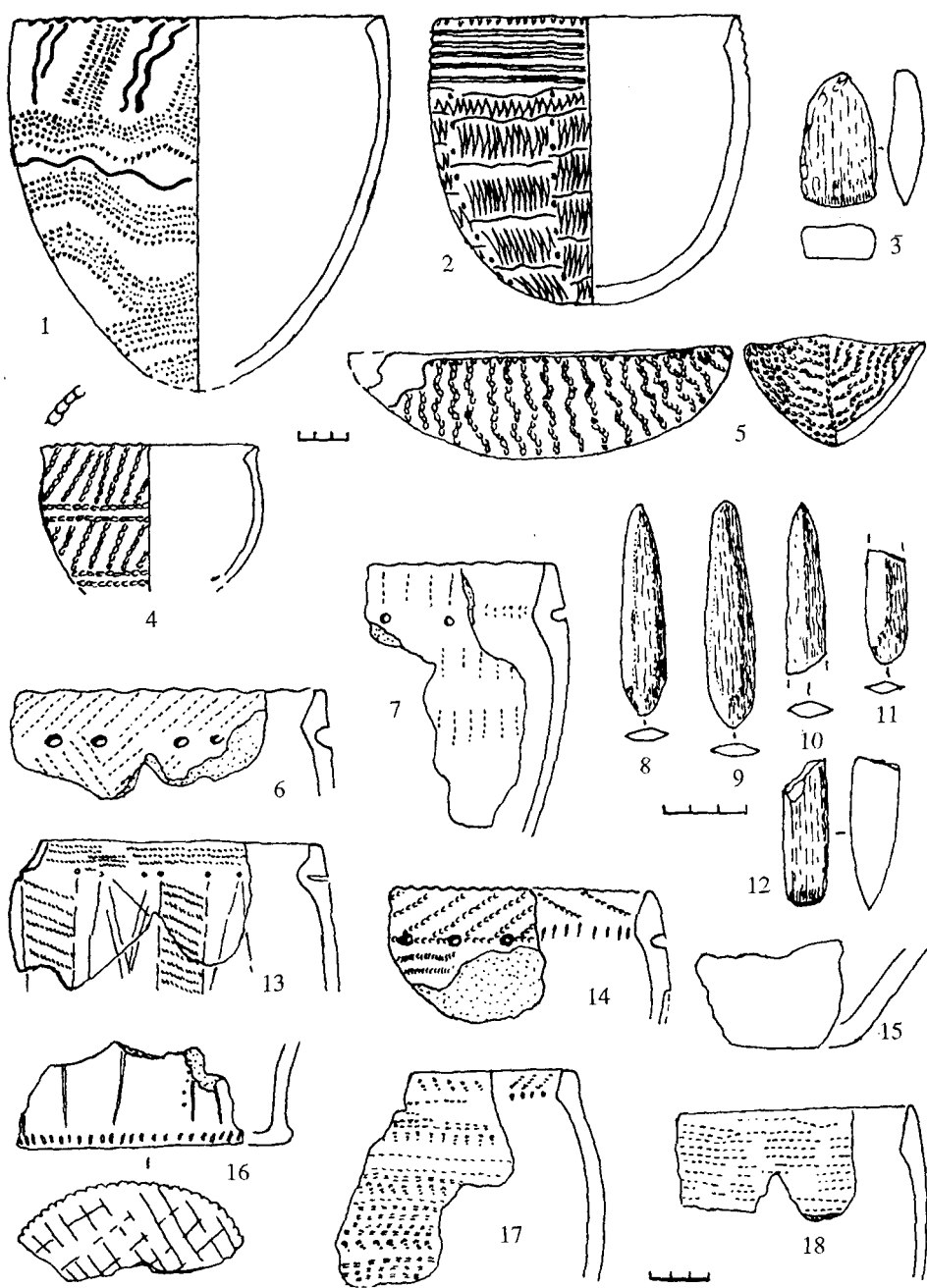

Рис. 5. Север Западной Сибири. Керамика и каменный инвентарь памятников:
1—5 — барановогородского типа; 6—18 — амнинского типа (по В. М. Морозову и В. И. Стефанову; Ю. П. Чемякину).

гами" были речные системы и доступные для переходов водоразделы. В европейской части один из таких путей мог пролегать из степей Причерноморья по Днестро-Днестровской водной артерии в бассейн Верхней Волги и далее на Северную Двину, Вычегду, Мезень и Печору. Другой путь — из Прикаспия и волжских степей по Волго-Камской речной системе на Вычегду и Печору. Оба направления связей прослеживаются как в мезолите, так и в неолите. Тоболо-Иртышская водная артерия соединяла Прикаспий и Казахстан с восточными склонами Урала. В мезолите это прослеживается по распространению некоторых типов геометрических микролитов вплоть до Среднего Зауралья, а в неолите — по сходству прочерченно-накольчатой орнаментации керамики Южного и Среднего, Среднего и Северного Зауралья. Наконец, в позднем мезолите и неолите Средняя Азия и Казахстан были тесно связаны с Алтаем, откуда через Верхнее Приобье культурные влияния распространялись вниз по Оби. Этот путь документируется "цепочкой" комплексов с волнисто-прочерченной керамикой от Катунь вплоть до Сургута и Северной Сосьвы.

Таким образом, процесс распространения навыков керамического производства в таежную зону сравним с принципом домино. Однако он мог сработать лишь тогда, когда северное население оказалось готовым к усвоению этого технологического новшества, достигнув определенной степени оседлости и обеспеченности продовольствием. Это стало возможным в результате превращения рыболовства в равноправную с охотой отрасль комплексного хозяйства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бадер О. Н. Уральский неолит // МИА, 1970. № 166. С. 157—172; Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М., 1980; Буров Г. М. Вычегодский край. М., 1965; Он же. Древний Синдор. М., 1967.
2. Хотинский Н. А. Голоцен Северной Евразии. М., 1977.
3. Раушенбах В. М. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы // Тр. ГИМ, 1956. Вып. 29.
4. Лузгин В. Е. Древние культуры Ижмы. М., 1972.
5. Верецагина И. В. Ранний неолит на Северной Двине // Археологические памятники Печоры, Северной Двины и Мезени. Сыктывкар, 1977. С. 11—21; Логинова Э. С. Последние Звенья I // Археологические памятники палеометалла в Северном Приуралье. Сыктывкар, 1978. С. 3—22.
6. Крайнов Д. А., Хотинский Н. А. Верхневолжская ранненеолитическая культура // СА, 1977. № 3. С. 42—67.
7. Стоколас В. С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М., 1988.
8. Наговицын Л. А. Проблемы изучения раннего неолита Волго-Камья // Проблемы изучения раннего неолита Европейской части СССР. Ижевск, 1988. С. 67—77.
9. Косинская Л. Л. Неолитическая стоянка Кочмас на Нижней Вычегде // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991. С. 4—20.
10. Стоянку Усть-Ляга I на Верхней Печоре следует исключить из числа памятников камского типа из-за особенностей ее керамики: венчики без наплывов, заглаживание внутренней поверхности гребенчатым штампом, орнамент по торцу и изнутри (См.: Канивец В. И., Лузгин В. Е. Археологическая разведка на Южно-Печорской равнине // МАЕСВ, 1963. Вып. 2. С. 22—26).
11. Лузгин В. Е. Поселение Ружникова на Косминских озерах и вопросы неолита Европейского Северо-Востока // МАЕСВ, 1973. Вып. 5. С. 29—30; Буров Г. М. Древний Синдор...
12. Верецагина И. В. Мезолит и неолит Крайнего Европейского Северо-Востока. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Л., 1989.
13. Выборнов А. А., Крижевская Л. Я. Ранненеолитическая стоянка Зиарат в низовьях р. Белая // КСИА, 1988. Вып. 193. С. 71—75; Наговицын Л. А. Указ. соч.
14. Косинская Л. Л. О типах поселений эпохи камня на европейском Северо-Востоке // ВАУ, 1993. Вып. 21. С. 41—59.
15. Буров Г. М. Запорный лов рыбы в эпоху неолита в Восточной Европе // СА, 1988. № 3. С. 145—160.
16. Крижевская Л. Я., Гаджиева Е. А. Неолитическое поселение Сумпанья VI и его место в неолите Восточного Зауралья // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991. С. 80—99.

17. Гаджиева Е. А. Неолит бассейна р. Конды. Автореф. дисс.... канд. ист. наук. С.-Пб., 1993.
18. Ковалева В. Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск, 1989. С. 26—37.
19. Там же. С. 20—26, 37—48.
20. Васильев Е. А. Поздний неолит Нижнего Приобья (к вопросу о периодизации и культурной принадлежности памятников) // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. М., 1987. С. 59—60; Старков В. Ф. Неолитические памятники Нижнего Приобья // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975. С. 151—157.
21. Морозов В. М., Стефанов В. И. Амня I — древнейшее городище Северной Евразии? // ВАУ, 1993. Вып. 21. С. 142—170.
22. Васильев Е. А. Указ. соч.; Морозов В. М., Стефанов В. И. Указ. соч.
23. Чемякин Ю. П. Неолитическая стоянка Барсова Гора II/17 в Сургутском Приобье // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991. С. 184—196.
24. Посредников В. А. Бальшеларьякское поселение II — археологический памятник Сургутского Приобья // ИИС, 1973. Вып. 5. С. 64—93.
25. Гаджиева Е. А. Указ. соч. С. 13—14.
26. Чемякин Ю. П. Указ. соч.; Матвеева Н. А. Неолитический памятник в Сургутском Приобье // СА, 1990. № 2. С. 127—135.
27. Крижевская Л. Я., Гаджиева Е. А. Указ. соч. С. 97.
28. Ковалева В. Т. Указ. соч. С. 26—37; 48—59.
29. Атрибуция северной керамики боборыкинского облика пересмотрена Л. П. Хлобыстиным, выделившим ее в сатыгинский тип ранней бронзы (Хлобыстин Л. П. Сатыгинский тип керамики Западной Сибири // Ad polus. С.-Пб., 1993. С. 29—35).
30. Ковалева В. Т. Указ. соч.; Зах В. А. К периодизации неолита Притоболья // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: Тез. докл. XII УАС. Екатеринбург, 1993. С. 59—60.

THE NEOLITHIC AGE — ECONOMY AND WAY OF LIFE OF THE POPULATION ALONG THE GREAT URALS.

The author analysed archaeological materials of the Neolithic period from both slopes of the Urals. The brief essay of the Neolithic antiquities of the region (settlements, dwellings, stone tools and ceramics) was done. An interpretation on the problems of the Neolithic cultures' origin in taiga zone of the Great Urals was given.

L. L. Kosinskaya

Н. М. Чаиркина

**ЗАУРАЛЬСКО-СЕВЕРОКАЗАХСТАНСКАЯ
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЛАСТЬ
ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА
(проблемы энеолита Среднего Зауралья)**

В исследованиях последних лет отмечается наличие общих, объединяющих черт в культурах и типах памятников эпохи энеолита обширной зоны восточного склона Урала и прилегающих территорий: терсекско-ботайских северо-, отчасти, центрально-казахстанских; кысыкульско-суртандинских южно-уральских; липчинско-аятских среднезауральских; андреевских, шапкульских притобольских; чужъяельских (ортинских), конецборских, йоркутинских, пернашорских, атымьинско-волвончинских североуральских и нижнепритобольских; александровских и ирских приишимских. Подобная ситуация привела к вычленению на восточном склоне Урала, в прилегающих районах Западной Сибири и Северного Казахстана обширной культурно-исторической области (КИО) эпохи энеолита — восточно-уральской (по О. Н. Бадеру, С. Ф. Кокшарову¹), зауральско-североказахстанской (по Н. М. Чаиркиной²), зауральско-казахстанской (по А. Ф. Шорину³).

Термин “восточноуральская” впервые был употреблен А. П. Окладниковым, а позднее О. Н. Бадером⁴ для обозначения культурной области эпохи неолита, занимающей Среднее и Северное Зауралье, Приобье, прилегающие районы Западной Сибири и не совпадающей по своим параметрам с границами анализируемого энеолитического образования. О. Н. Бадер рассматривал энеолит Зауралья как заключительную стадию восточноуральской общности, усматривая ее генетическую связь с неолитом. В последние годы исследователями несколько уточнено содержание эпохи энеолита рассматриваемой территории. Формирование его происходило в целом автохтонно, отчасти было обусловлено явлениями миграционного характера. Расширение культурных связей, появление металла, изменения в хозяйственной и мировоззренческой сферах, трудности природопользования определили своеобразие культур восточного склона Урала в эпоху энеолита. Поэтому, вероятно, оправдано их рассмотрение в рамках самостоятельного образования — зауральско-североказахстанской области, генетически и хронологически взаимосвязанной с восточноуральской общностью эпохи неолита.

Решение проблем генезиса, динамики и синхронизации культурных образований, входящих в КИО, вопросы этнической принадлежности и определение ее места среди однопорядковых объединений затрудняет объективная неоднородность фонда источников в отдельных районах области. Сопоставления по совокупности элементов материальной и духовной культур пока невозможны. В этой ситуации оправдан и корректен анализ наиболее массового археологического источника — керамических комплексов КИО по основным декоративно-морфологическим характеристикам. Наиболее близки показатели формы, включающие сосуды баночных пропорций с округлым, реже — уплощенным или плоским дном. Различия проявляются в способах формовки и составе формовочных масс, обусловленных комплексом традиций и принадлежностью к различным сырьевым провинциям.

Значима и принципиальна дифференциация керамических комплексов КИО по технико-морфологическим характеристикам орнамента, которые послужили ос-

новой подразделения зауральско-североказахстанской области (ЗСК КИО) на три провинции: центральную, северную и южную.

Центральная провинция

Локализуется в районах Северного и Среднего Зауралья, Среднего Притоболья, Южноуральского Приозерья. Характерно использование двух технических приемов орнаментации керамики: отступающе-прокатанного (липчинского) и гребенчатого в нескольких вариантах. Включает четыре локальных района: среднеуральский, южноуральский, притобольский, североуральский.

Среднеуральский локальный район

В эпоху неолита на территории Среднего Зауралья известны памятники кошкинско-боборыкинского и козловско-полуденковского типов (соответствующих линий развития). Генезис комплексов в этом районе определялся периодами их отнесенной интеграции на стадии раннего неолита (кошкинско-козловские комплексы) или относительной дезинтеграции (полуденско-боборыкинские).

В рамках козловско-полуденских комплексов существование гребенчатой и отступающе-прочерченной традиций декора посуды на протяжении всей эпохи носило динамичный характер. В позднем неолите наблюдается существование комплексов с преобладанием техники шагающей гребенки в декоре посуды и некоторое обособление накольчато-отступающе-прочерченной традиции. Происходит, вероятно, своеобразное соединение отступающе-прочерченного, выработанного в автохтонной козловско-полуденковской среде, и накольчато-прочерченного декора кошкинско-боборыкинских комплексов, генезис которых проходил под влиянием ареала степных и лесостепных культур. В итоге формируются памятники (культура) липчинского типа. Основой выступил отступающе-прочерченный компонент, что проявилось в сохранении основных морфологических признаков посуды — формы и технологии ее изготовления, отчасти — приема орнаментации и композиционного построения орнамента. Компонентом являлась кошкинско-боборыкинская традиция, привнесшая специфичный декор, отдельные элементы формы — уплощенное дно. В результате вырабатывается синкретичная накольчато-прокатанно-отступающая техника, усложненная своеобразной геометрической зональностью. Предложенная версия предполагает формирование липчинских комплексов на рубеже эпох неолита и энеолита в местной среде на основе автохтонных, но культурно разнородных компонентов.

Возможно, своеобразным катализатором интеграции накольчатых традиций Зауралья явилось проникновение из лесной зоны Восточной Европы, Приуралья группы населения (или комплекса идей?) с крупнозубой гребенчатой, рамчатой, "гусеничной" орнаментикой посуды.

Впервые керамика этого типа на территории Среднего Зауралья исследована Е. М. Берс⁵ в составе двух жилищ, нескольких хозяйственных построек Аятского поселения. Посуда представлена сосудами баночной формы с округлыми, реже уплощенными, единично-плоскими днищами. Своеобразна форма — крупнозубый овальный, "гусеничный", рамчатый, пунктирный гребенчатый штамп, а также мажера его постановки — штампование, прокатка (?), отступание. Присутствуют движущиеся и штампованные оттиски средних размеров. Характерны линейные композиции узора. Е. М. Берс назвала этот тип керамики андреевским, вероятно, по элементам формального сходства с материалами андреевской культуры Тюменского Притоболья. Исследования последних лет показали, что обозначение его андреевским или аятским (по первому исследованному памятнику) не совсем верно, так как под ними понимаются несколько отличные от анализируемого типы керамики. Вероятно, корректно обозначение рассматриваемого типа "шувакишским", по названию поселения Шувакиш I, где он был заново открыт. На пос. Шувакиш XI-Д он стратифицирован, залегал ниже слоя с отступающе-прокатанной и гребенчатой керамикой.

Форма штампа, манера его нанесения не типичны для зауральской гребенчатой керамики полуденковско-сосновоостровской группы памятников и не может, на наш взгляд, рассматриваться как производная, трансформированная форма поздненеолитической керамики.

Памятники шuvaкишского типа Зауралья по ряду признаков сопоставимы с шапукульскими, вычлененными В. Ф. Старковым для районов Нижнего Притоболья и Прииртышья, раннеэнеолитическими новоильинскими и борскими комплексами Приуралья. Близки морфологические показатели керамики: форма, манера постановки гребенчатого штампа (нехарактерность техники шагающей гребенки), композиции орнамента. Близок характер каменной индустрии: своеобразное сочетание пластинчатой и отщеповой техник при некоторой доминанте первой в зауральских шuvaкишских и шапукульских, прикамских борских памятниках. Отмечаются общие формы и типы каменного инвентаря: наконечники стрел (кельтеминарские в шuvaкишских, шапукульских, борских комплексах), грузила, подвески каплевидной формы.

Вопрос о конкретных путях формирования шuvaкишских комплексов Среднего Зауралья чрезвычайно сложен. Решение его вплетено в канву обширной проблемы взаимодействия лесных культур эпох неолита-энеолита Восточной Европы и Зауралья. В контексте предлагаемого исследования наметим лишь частные аспекты проблемы.

Если рассматривать шuvaкишские и шапукульские (протошапукульские?) комплексы своеобразной восточной периферией волосовско-гаринской историко-культурной общности, вернее ее раннего пласта (новоильинско-красномостовского), то теоретически можно допустить сложение зауральских образований аналогично восточноевропейско-приуральским на местной неолитической основе (полуденковско-сосновоостровские, близкие хutorским) при участии культур ямочно-гребенчатого круга. В Тюменском Притоболье в роли последней, возможно, выступала андреевская культура, если допустить ее достаточно ранний — поздненеолитический или раннеэнеолитический — возраст. Однако в этом случае объясняется лишь механизм формирования шапукульских (протошапукульских?) комплексов. В Среднем Зауралье культуры ямочно-гребенчатого круга не фиксируются.

На территории Среднего Зауралья шuvaкишские комплексы датируются по крайней мере второй четвертью — серединой III тыс. до н. э. Субстратная основа их в автохтонной неолитической среде отсутствует. В горно-лесную часть Зауралья произошла, вероятно, инфильтрация группы западного населения. Проникновение осуществлялось, возможно, через р. Чусовую, в устье которой концентрируется основная масса борских памятников. Это могла быть какая-то группа новоильинского или раннеборского населения. Не исключена возможность продвижения по северной кромке лесостепных районов населения раннетурганинского типа.

Ареал распространения памятников шuvaкишского типа достаточно велик, он охватывает весь исследуемый район. Впрочем, было ли это прямое расселение группы западных мигрантов, либо на периферии района из Свердловско-Тагильского округа была трансформирована идея декоративных новаций, сказать пока сложно.

Во второй-третьей четверти III тыс. до н. э. на территории Среднего Зауралья проходило взаимодействие различных групп населения — липчинского и шuvaкишского. В середине III тыс. до н. э. в условиях изменившейся климатической ситуации и складывающихся трудностей природопользования наблюдается активизация этих процессов. Происходит своеобразный синкретизм отступающе-прокатанной и гребенчатой техник орнаментации. Уменьшается доля накольчатых приемов, увеличивается вариабельность форм гребенчатого штампа, появляются оттиски средних размеров, близкие аятским. Фиксируется керамика типа гребенчатой липчинки, переходного облика, присутствие на одном сосуде гребенчатого штампа и геометрического липчинского узора, имитация гребенкой отступающе-прокатанной техники. В итоге формируется гребенчатый комплекс аятского типа.

В каменной индустрии наблюдается постепенный переход от сочетания пластинчатой и отщеповой к отщеповой технике.

Таким образом, формирование аятской культуры на территории Зауралья происходило автохтонно на базе липчинских и шувакишских комплексов в середине — третьей четверти III тыс. до н. э., чему не противоречит радиоуглеродная дата, полученная по углю из аятского жилища пос. Макуша III — 4525 ± 125 (ИЭРЖ-130).

Южноуральский локальный район

Кысыкульский тип памятников. Локализуется в лесостепной зоне Зауралья, южноуральском Приозерье. Впервые выявлен К. В. Сальниковым⁶, специфика обоснована Л. Я. Крижевской⁷. Г. Н. Матюшин⁸ рассматривает их как самостоятельную культуру с сочетанием липчинских и суртандинских элементов, либо как памятники, отражающие контакты этих культур. Близкой точки зрения придерживается А. Ф. Шорин⁹, рассматривающий кысыкульские комплексы не как принципиально новую археологическую культуру, а как результат взаимодействий и контактов аятского, липчинского и, в меньшей степени, суртандинского населения.

Для кысыкульского типа памятников характерны сосуды, декорированные гребенчатой, веревочной и отступающе-прокатанной (липчинской) техникой. В каменной индустрии наблюдается переход к отщеповой технике, появляются металлические изделия.

Суртандинская культура локализована Г. Н. Матюшиным в Южном Зауралье. Посуда круглодонная, реже встречается ушловатое дно. Орнамент, нанесенный преимущественно гребенчатым штампом, покрывает всю поверхность. Композиции узора сложны, преобладают геометрические элементы. Для каменной индустрии характерна отщеповая техника, обнаружены единичные изделия из металла.

Аргументированная критика ряда позиций Г. Н. Матюшина о содержании суртандинской культуры, синхронизации ее с энеолитическими культурами сопредельных территорий высказана рядом исследователей¹⁰. А. Ф. Шорин¹¹ предполагает, что она представляла собой не самостоятельное явление, а результат симбиоза двух лесных зауральских культур — липчинской и аятской. Впрочем, исследователь не исключает возможности формирования суртандинской культуры на местной неолитической гребенчатой основе, единой или близкой для всех зауральских культур. В. С. Мосин¹² рассматривает суртандинскую и кысыкульскую керамику как два компонента ("простой" и геометрический) одного типа гребенчатой посуды.

Анализируя проблему соотношения кысыкульских и суртандинских комплексов, обратимся к истокам проблемы. Поселения кысыкульского типа получили название по эпонимному памятнику, содержащему, по мнению исследователей, посуду, декорированную исключительно гребенчатым штампом, включенную впоследствии Г. Н. Матюшиным в состав суртандинской культуры. Далее термин был перенесен на группы памятников, расположенных в лесостепном Зауралье, керамические комплексы которых двух (трех?) компонентны. Они содержат посуду, декорированную гребенчатым и веревочным, по терминологии Л. Я. Крижевской, штампом. Морфология инструментов, используемого для нанесения штампа, не всегда ясна: в большинстве случаев это отступающе-прокатанная липчинская техника, в других — не исключены собственно веревочные оттиски. Эта ситуация определяет первую проблему соотношения суртандинских и кысыкульских комплексов, имеет терминологический характер. Признавая в целом неудачное название кысыкульского типа памятников, отметим факт бесспорного присутствия на территории Южного Зауралья двух групп памятников. Первая, содержащая посуду, орнаментированную гребенчатой и отступающе-прокатанной техникой (кысыкульская, по Л. Я. Крижевской), локализуется в лесостепном Зауралье и горно-озерной части Южного Урала. Вторая — Суртандинская керамика с гребенчатой орнаментацией занимает все Южное Зауралье.

Отступающе-прокатанный компонент первой группы памятников (будем условно называть их кысыкульскими, учитывая изложенные выше нюансы) идентичен липчинскому типу керамики и, следовательно, может быть включен в ареал распространения последней, отнесен к центральной провинции ЗСК КИО. Требуется уточнения характер гребенчатых комплексов, сопровождающих отступающе-прокатанную керамику Южного Зауралья. В последние годы В. С. Мосиным на этой территории выявлены комплексы близкие шувакишским. Учитывая факт частичного совпадения ареалов суртандинских и кысыкульских памятников, а также типологическое сходство, с одной стороны, липчинских и кысыкульских, с другой — аятских и суртандинских комплексов, можно предположить в лесостепных районах Южного Зауралья культурно-генетические процессы, аналогичные (но не тождественные) среднезауральским, то есть — сложение суртандинской культуры с гребенчатым декором посуды на основе многокомпонентных кысыкульских (логичнее дать последним иное название) комплексов. В этом случае суртандинская культура — самостоятельное явление, хотя во многом близкое аятской культуре. Некоторая аморфность и расплывчатость ее характеристик обусловлена, на наш взгляд, слабым и специфичным фондом источников.

В итоге в аятской и суртандинской керамике вырабатываются близкие, но не идентичные геометрические декоративные идеи: если на южноуральской посуде отмечаются факты построения узоров на основе “сотовых” композиций, то в среднезауральской среде они практически неизвестны. Облик культур проявился и в специфике ХКТ: комплексное присваивающее с доминантой охоты у лесной аятской и комплексное присваивающее с элементами производящей экономики у лесостепной суртандинской культуры. Предложенная версия формирования суртандинской культуры предполагает ее синхронизацию с аятской и датировку серединой — второй половиной III тыс. до н. э.

Притобольский локальный район

В анализируемый период в Притоболье фиксируется по существу тот же “набор” типов памятников, что в средне- и южноуральском локальных районах: двухкомпонентные комплексы, содержащие отступающе-прокатанную керамику липчинского и гребенчатого (протошапкульского(?), андреевского) типов и “чистые” гребенчатые — шапкульские.

Своеобразие липчинских комплексов на территории Нижнего и Среднего Притоболья определено взаимодействием с ареалом культур гребенчатой и гребенчато-ямочной орнаментации. В декоре посуды существенную роль играют ямочные вдавления. По остальным показателям — композиционное построение узора, техника орнаментации — она близка керамике средне- и южноуральского районов.

Трудна проблема идентификации комплексов шапкульского типа. Характеристика их дана В. Ф. Старковым¹³ в нескольких публикациях, мал фонд источников для их развернутой и полной характеристики. М. Ф. Косаревым¹⁴ отмечается факт отнесения к шапкульской керамике всей гребенчатой энеолитической посуды от лесостепного Притоболья до Полярного Круга. В результате культура потеряла свое своеобразие, набор специфических признаков. Подобная тенденция проявляется и в исследовании гребенчатой керамики районов Тюменского Притоболья. Не исключена вероятность ее расчленения по крайней мере на две группы — протошапкульскую(?) и шапкульскую (по В. Ф. Старкову). Первая по технике орнаментации (крупный “гусеничный”, рамчатый, пунктирный штамп), манере его нанесения (печатание, прокатка(?), минимум отступания) и композиционному построению (преобладание линейной зональности) близка керамике шувакишского типа. К числу памятников, содержащих керамику протошапкульского типа, вероятно, будут отнесены пос. ЮАО VIII, Ташково I, где она обнаружена вместе с керамикой липчинского и андреевского типов.

В собственно шапкульской посуде возрастает доля отступающей гребенки (подражание липчинской традиции), уменьшается роль “гусеничных” и рамчатых

оттисков, появляются уголкового вдавления штампа, получившие впоследствии распространение на коптяковской керамике. Косвенным показателем существования протошапкульских и шапкульских памятников в различные хронологические отрезки является геоморфология их расположения: протошапкульские вместе с липчинскими занимают пониженные участки террас, шапкульские — повышенные.

Сложна и, вероятно, далека от решения проблема происхождения и генезиса андреевской культуры. Слабо аргументированы позиции исследователей, сторонников миграционного и автохтонного вариантов ее сложения. На наш взгляд, рассматривать ее следует в контексте взаимодействий лесных восточно-европейских и зауральских культур.

Не решена также проблема датировки андреевских комплексов. Данные о совместном залегании в одном слое керамики липчинского, андреевского, шапкульского(?) типов¹⁵ указывают на время бытования культуры в первой половине III тыс. до н. э. С другой стороны, единственный факт перекрывания шапкульского(?) слоя андреевским (ст. Малый Барашек I)¹⁶, совместное залегание волвончинской и андреевской керамики¹⁷ не исключают вероятность существования культуры до конца III — начала II тыс. до н. э.

Североуральский локальный район

Культурно-хронологическая модель для энеолита — бронзового века бассейна р. Конды — разработана С. Ф. Кокшаровым. Он оперирует не самостоятельными культурами, а группами памятников, отражающими, на взгляд исследователя, основные этапы развития культуры кондинского населения. К энеолиту С. Ф. Кокшаров относит атымьинский и волвончинский типы памятников, составляющие соответственно два последовательных этапа.

Первый атрибутируется круглодонными сосудами открытыми и закрытыми форм, ладьевидными чашами. Узор наносился преимущественно гребенчатым штампом в различных модификациях: отступление, шагание, штамповка. Реже для декорирования сосудов использовалась ложношнуровая (отступающе-прокатанная) техника, ямочные наколы. Каменный инвентарь немногочислен. Исходной заготовкой для орудий служил отщеп¹⁸.

Памятники волвончинского типа представлены сосудами баночной формы с круглым дном, встречаются чаши — четырехугольные и ладьевидные. Декорирование производилось гребенчатым и гладким штампом. Характерны сетчатые и линейные орнаменты, нередко рассеянные вертикальными колонками. Вещевой инвентарь немногочислен: скребки на отщепах, шлифованные орудия, глиняные рыболовные грузила сигаровидной формы¹⁹.

Таким образом, и в северном локальном районе, как и в среднезауральском, южноуральском и пригобольском, существовали две группы памятников: ранняя атымьинская, сочетающая в декоре посуды гребенчатую и накольчато-отступающую технику, и поздняя — волвончинская с гребенчатой керамикой. Факт присутствия в рассматриваемом районе керамики, декорированной накольчато-отступающей техникой липчинского типа, дал возможность включить его памятники в центральную провинцию ЗСК КИО. Впрочем, общий облик культуры, явное доминирование гребенчатой техники орнаментации посуды, хронологические позиции комплексов (вторая половина III — начало II тыс. до н. э.) указывают на явную близость северной провинции.

Северная провинция

Локализуется в районах Северного Зауралья и Приуралья (Приполярная и Заполярная зоны), Нижнего Приобья. Включает чужъяёльские (ортинские), конец-борские памятники²⁰, комплексы типа Салехардской (шапкульской), Йоркутинской стоянок, пернашорские (ортинские) памятники²¹, ранний гребенчатый ком-

плекс пос. Сартынья I²². Культурно-историческая ситуация провинции на протяжении эпохи энеолита чрезвычайно мозаична, осложнена явлениями миграционного характера, шедшими, по мнению исследователей, с территории Зауралья. Вычленяются по крайней мере два локальных района — северо-приуральский и зауральско-нижнеприобский.

Северо-приуральский локальный район

В эпоху позднего неолита — ранней бронзы фиксируется несколько археологических культур и типов памятников, культурно-хронологическая специфика и генезис которых определяются исследователями по-разному. Чужьяёльская культура локализуется В. С. Стоколосом²¹ в бассейне Мезени, Большеземельской тундре, на Средней Вычегде. В тундровых районах выделяется ортинский локальный вариант. По мнению В. С. Стоколоса, формирования культуры происходило в позднем неолите (последняя четверть IV начало III тыс. до н. э.) на базе волго-камской культуры при некотором влиянии южных культур с накольчатой орнаментацией керамики. Геометризм, чешуйчатый, в меньшей степени сотовый, орнамент распространяется на чужьяёльской керамике около середины III тыс. до н. э. в результате воздействия зауральских групп населения. Поздний — постчужьяёльский — период отражен в памятниках конецборского типа — первая четверть II тыс. до н. э. Наблюдается спад и трансформация гребенчатой традиции в декоре посуды.

Г. М. Буров предполагает формирование в эпоху энеолита на рассматриваемой территории нескольких культурных типов: конецборского (вторая-третья четверти III тыс. до н. э.) и ортинского (рубеж III — II тыс. до н. э.), галовского (конец III — первая половина II тыс. до н. э.), мармугинского (последняя четверть III тыс. до н. э.) и синхронного с позднегаловским ниремского. Чужьяёльская и чойновтинская культуры соответствуют, по мнению Г. М. Букова, ортинскому типу памятников по Л. П. Хлобыстину, галовскому — по О. Н. Бадеру. Ортинский и конецборский типы памятников, которые не имеют заметных местных корней, исследователь рассматривает как два последовательных этапа синдорской культуры, включает их в зауральскую историко-культурную общность²⁴.

Л. Л. Косинская относит памятники конецборского типа ко второй половине III — первой четверти II тыс. до н. э., истоки усматривает в одном из вариантов местного гребенчато-ямочного неолита²⁵. Чужьяёльскую культуру рассматривает как периферийное образование огромного культурного массива, простиравшегося от Южного Зауралья и Северного Казахстана до Северного Зауралья, датирует его в целом III тыс. до н. э.²⁶

Зауральско-нижнеприобский локальный район

Е. А. Васильев маркирует эпоху позднего неолита — раннего энеолита памятниками северо-сосвинского типа, рассматривает их как северный вариант восточно-уральской неолитической культуры. В эпоху энеолита, в середине второй половины III тыс. до н. э., по мнению исследователя, на базе северо-сосвинских комплексов при участии зауральских мигрантов формируется культурный тип униега, локализующийся в центральной части Нижнего Приобья. Характерны круглодонные сосуды с прямыми стенками, по краю венчика — поясок ямок, поверхность орнаментирована гребенчатым и движущимся штампом, роль геометрических мотивов в композиции орнамента невелика²⁷. Эпоха ранней бронзы, по Е. А. Васильеву, характеризуется распространением на территории Нижнего Приобья сартыньинской культуры, сформировавшейся на базе северо-сосвинских комплексов при участии культурного типа униега²⁸.

В целом для энеолитических комплексов северной провинции характерно одновременное развитие нескольких орнаментальных традиций: гребенчатой, ямочно-гребенчатой, накольчатой. Доминантным, более устойчивым компонентом выступала гребенчатая традиция, распространенная на всей территории провинции.

Структура орнаментальных композиций этого типа керамики варьирует в пределах локальных районов, что проявилось в преобладании “чешуйчатых” мотивов при наличии “сотовых” в чужьяльском гончарстве и в обратном соотношении в нижнеобских комплексах. Время появления отличительных черт декора гребенчатой керамики — геометрического “сотового” и “чешуйчатого” орнаментов на территории Северного Приуралья относится исследователями к середине III тыс. до н. э., этим периодом маркируется начало эпохи энеолита. В районе Нижнего Приобья аналогичные процессы датируются началом — первой половиной II тыс. до н. э. Однако с учетом хронологии волончинских памятников, типологически близких ранним гребенчатым сартыньинским комплексам, последняя дата, вероятно, должна быть несколько удревлена. Так или иначе, энеолит северной провинции был смещен во времени, не совпадал с рамками эпохи в центральных районах области. Формирование его связано с зауральскими импульсами, пришедшими, вероятно, на середину — третью четверть III тыс. до н. э.

Южная провинция

Занимает районы Южного Зауралья, Приишимско-Притобольскую зону, возможно, восточную часть Центрального Казахстана. Маркируется ботайской и терсекской культурами.

Терсекская культура исследуется В. Н. Логвиным. Локализована в районе Казахстанского Притоболья. Характерны сосуды вытянутых пропорций с округло-приостренным дном, декорированные зубчатым штампом, иногда — в отступающей манере, присутствуют всереочные оттиски. На памятниках обнаружены кости лошади и быка. На основе серии радиоуглеродных дат В. Н. Логвин датирует терсекские и, по его мнению, однотипные им ботайские комплексы второй третью III — началом II тыс. до н. э.²⁹

Ботайская культура открыта и исследуется В. Ф. Зайбертом³⁰. Локализована в бассейне Ишима. Наряду с кысыкульско-суртандинской и усть-нарымской, включена исследователем в Урало-Иртышскую историко-культурную область эпохи энеолита. По мнению В. Ф. Зайберта, ботайская культура сформировалась на местной неолитической основе при участии среднеазиатских новаций, что проявлялось в основных культуuroобразующих признаках: глинобитно-древесная архитектура, групповой характер погребений на поселениях, обычай трепанации, изготовление погребальных масок; сосуществование гребенчатой и веревочной техник орнаментации керамики; отщеповый характер каменной индустрии. Хронологические рамки ботайской культуры определены исследователем концом IV — III тыс. до н. э. Приведенные им радиоуглеродные даты — 4340 ± 120 л. н. и 3350 ± 160 л. н. — указывают на более поздний хронологический диапазон.

Вопрос о культурной принадлежности суртандинских, терсекских и ботайских памятников рассматривался неоднократно. По мнению Г. Н. Матюшина, ботайская культура сформировалась в результате продвижения в Приишимье суртандинского населения. В. Ф. Зайберт и В. Н. Логвин отстаивают самобытность ботайской и терсекской культур, отмечая признаки их сходства и отличия от суртандинской.

В специализированном исследовании В. С. Мосина, посвященном энеолитической керамике Северного Казахстана и Южного Зауралья, отмечается наличие целого ряда общих признаков, объединяющих посуду ботайской и суртандинской культур, что позволило ему объединить их в одну культурно-историческую общность гребенчатой керамики с простыми и геометрическими мотивами. В качестве специфично ботайских черт исследователь отмечает присутствие веревочной и текстильной керамики. Аналогичи последней он находит в культурах лесной полосы северо-запада Восточной Европы³¹. Иная трактовка ботайской текстильной керамики предложена И. Г. и Т. Н. Глушковыми, которые связывают ее не с местным генезисом, а с более северными пришлыми компонентами. Ботайская культура, по их мнению, не имеет специфического облика, а является симбиозом западносибирских

и южноуральских традиций³². В. Ф. Зайберт отмечает сосуществование и хронологическую нерасчлененность двух традиций в орнаментации посуды — гребенчатой и веревочной³³. О. И. Мартынюк не исключает более раннюю датировку посуды с отпечатками ткани на поверхности, орнаментированной оттисками “гусенички” и гребенчатого штампа с узким или широким зубом, и позднюю — для нетекстильной посуды, орнаментированной веревочным штампом и гребенкой с поперечным зубом. Оба типа керамики сочетают композиции из простых и геометрических узоров³⁴. В итоге складывается впечатление о совмещении в ботайском гончарстве нескольких декоративно-морфологических компонентов.

На энеолитической керамике Среднего Зауралья отпечатки текстиля единичны, встречаются на раннеаятском сосуде пос. Макуша III. Неизвестны они, по всей видимости, и в суртандинских комплексах. Веревоочный декор, напротив, не является сугубо специфично ботайским. В небольшом количестве он присутствует на суртандинской³⁵ и среднеуральской посуде. Специализированные исследования по морфологии инструментов, которыми декорирована энеолитическая керамика Зауралья, практически отсутствуют. Учитывая характеристику веревочных штампов, приведенную О. И. Мартынюком, не исключена возможность вхождения в эту группу части керамики, орнаментированной “гусеничным” штампом и так называемой гребенкой с косой нарезкой зубцов. Однако наиболее поразительно сходство, порой тождество, схем композиционного построения узора на энеолитической керамике Северного Казахстана, Южного и Среднего Зауралья³⁶. Такой специфичный декор, сочетающий элементы липчинского и раннеаятского, складывается в Зауралье около середины III тыс. до н. э. Отсутствие в ботайской керамике прототипа этого феномена заставляет предполагать в его формировании раннеаятско(?)—суртандинские импульсы.

Выводы

Итак, в середине III тыс. до н. э. в обширной зоне Заурало-Североказахстанского района формируется культурно-историческая область, включающая центральную, северную и южную провинции, сегментированные на локальные районы. Ядром образования выступила центральная провинция, где в начале III тыс. до н. э. оформляется ряд культур и типов памятников: липчинско-шувакишские в Средне-Зауральском районе, атымьинские — в бассейне Конды; липчинские, протошапкульские(?) и андреевские — в Тюменском Притоболье; кысыкульские (двукомпонентные) — в лесной зоне Южно-Уральского Приозерья. Специфика провинции определена размещением в таежной и южно-таежной зоне Урала в эпоху позднего атлантика, что привело к существованию близких ХКТ, основанных на комплексной присваивающей экономике с некоторой доминантой рыболовства. Вырабатываются близкие формы каменных и глиняных орудий — биконические грузила, молоты, перфорированные диски, каплевидные подвески; появляются первые металлические изделия — ножи листовидной формы, проволока, шпилья (?).

Для гончарного производства провинции характерна бинарность основных технико-морфологических показателей орнамента. Наблюдается сосуществование отступающе-прокатанной специфично геометрической липчинской традиции и гребенчатой в нескольких вариантах, сочетающей линейные, в меньшей степени простейшие геометрические мотивы. Формирование первой произошло в начале энеолита и явилось своеобразным итогом взаимодействий накольчато-отступающе-прочерченных традиций, выработанных в автохтонной среде, осложненных системой связей со среднеазиатскими и прикаспийскими культурами. Субстратом вторых выступало поздненеолитическое автохтонное население с гребенчатым декором посуды. В районах горно-лесного Зауралья и Тюменского Притоболья не исключена возможность миграций из лесной зоны Восточной Европы и Приуралья.

В намеченных локальных образованиях взаимодействие традиций носило динамичный и своеобразный характер. Наиболее органичное сочетание, выработка синкретичных технико-морфологических показателей характерны для керамиче-

ских комплексов бассейна Конды — атымьинская группа памятников. В Тюменском Притоболье (восточный район) в выработке специфичного декора приняли участие комплексы с ямочно-гребенчатым орнаментом.

На раннем этапе функционирования провинции сложилась, вероятно, устойчивая, сбалансированная связь социума с экосистемой, что проявилось в резком увеличении численности населения, фиксируемом по крайней мере в районах горно-лесного Зауралья и Тюменского Притоболья. Однако около середины III тыс. до н. э., в финале атлантика, изменяется природно-климатическая ситуация района. Происходит повсеместное заторфовывание озер, что отрицательно отражается на продуктивности гидросети. Складывающиеся трудности природопользования и демографический дисбаланс явились, возможно, одной из причин объединительных тенденций. В результате почти во всех локальных районах провинции многокомпонентные керамические комплексы трансформируются в гребенчатые: липчинско-шубакишские — в аятские; атымьинские — в волвончинские; кысыкульские — в суртандинские; липчинские и протошапкульские(?) — в шапкульские(?). В ранних гребенчатых комплексах геометризм имел выраженный липчинский колорит. Позже в локальных районах вырабатывается специфический гребенчатый декор: на южной (суртандинская культура) и северной (волвончинские памятники) перифериях — с элементами сотового геометризма, в горно-лесном Зауралье (аятская культура) — гребенчатого геометризма.

Судя по серии радиоуглеродных дат, известных для районов Среднего Зауралья, палинологическим и стратиграфическим данным, рамки раннего энеолита, который имеет смысл называть липчинским, могут быть ограничены первой — началом третьей четверти III тыс. до н. э. Они, вероятно, несколько асинхронны в различных локальных районах. В Тюменском Притоболье не исключена вероятность достаточно длительного сосуществования андреевских, липчинских и шапкульских традиций.

На липчинском этапе наблюдается доминирование связей широтного характера — с районами лесной зоны Восточной Европы, Приуралья и Западной Сибири.

В середине III тыс. до н. э., помимо отмеченных культурных трансформаций, в центральной провинции (по крайней мере в ее горно-лесной части) наблюдается сокращение численности населения района (меньший фонд источников) и появление на обширной территории приуральско-североказахстанского региона керамики гребенчатого геометризма зауральского облика. Формируется ЗСК КИО с тремя провинциями — *центральной* (волвончинские памятники, аятская и шапкульская культуры); *северной*, включающей чужьяльскую (ортинскую) культуру, йоркутинские, конецборские(?) типы памятников, комплексы типа унига(?), пернашорский, ваховский типы памятников, ранний гребенчатый комплекс сартынской культуры; *южной* (суртандинская, ботайская и терсекская культуры).

Реальность существования области проявилась в наличии устойчивых черт сходства керамики, отдельных типов каменного и глиняного инвентаря, в элементах изобразительной деятельности. Своеобразие заключено в локализации образования вдоль восточного склона Уральских гор, в нескольких ландшафтно-климатических зонах. Специфика природно-территориальных комплексов определила специализацию хозяйственных структур: комплексное присваивающее с вариациями в таежной и южнотаежной зоне, многоукладная экономика с доминантой коневодства — на южной периферии области. Вероятно, посылками формирования северной и южной провинций явились импульсы, исходящие из центральных районов, где оформились идеи гребенчатого геометризма. Возможность инфильтрации в районы Северного Казахстана становится более убедительной, если учесть асинхронность палеоклиматогенных показателей в аридной и гумидной зонах в конце атлантика — раннем суббореале. В середине III тыс. до н. э. в степных районах Южного Урала и Северного Казахстана складывались благоприятные условия для многоукладной экономики. Аридизация климата здесь началась в конце III тыс. до н. э.

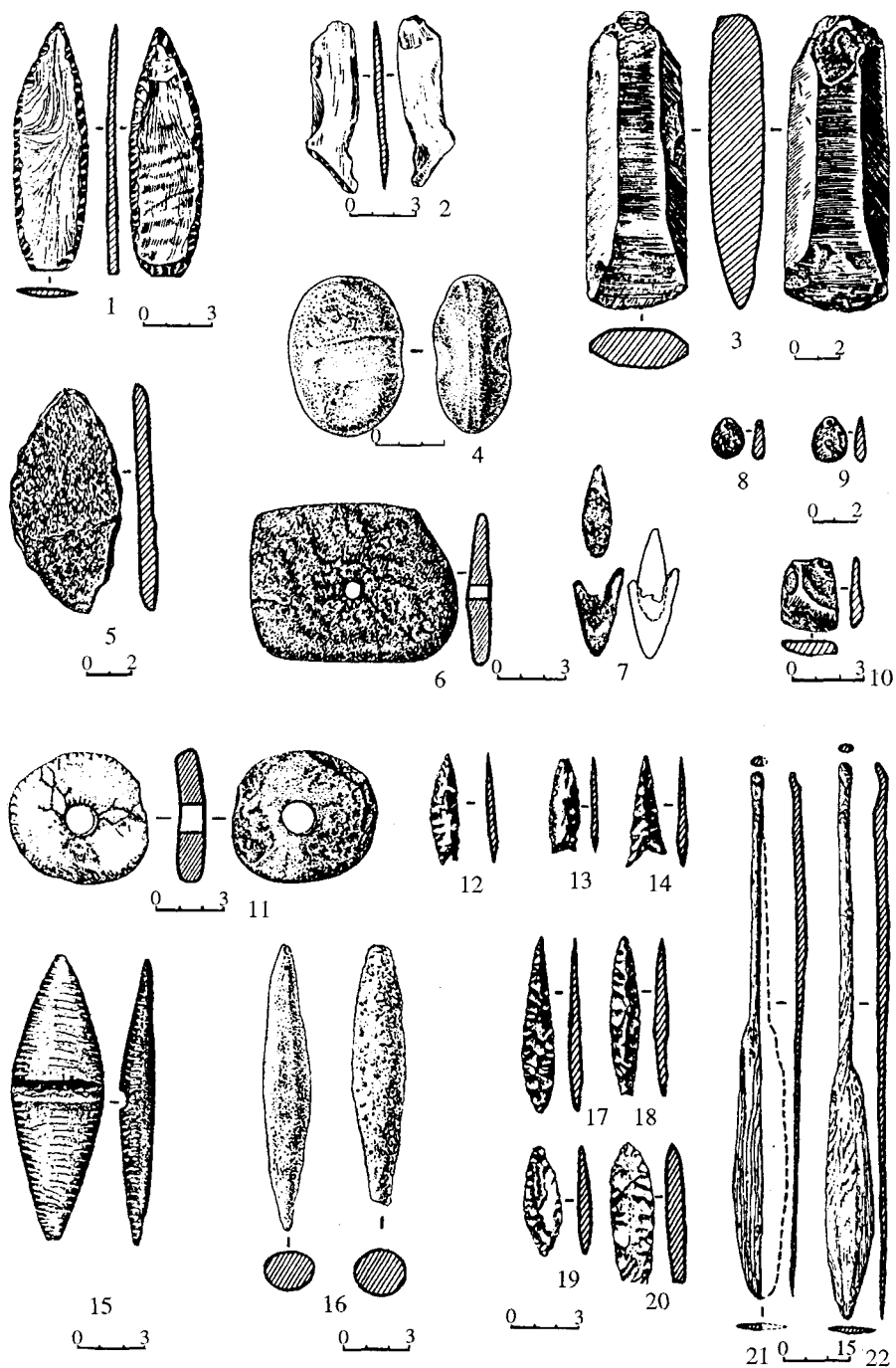

Рис. 1. Производственный инвентарь центральной провинции ЗСК КИО.

Изделия из камня:

1, 2 — ножи; 3, 10 — шлифованные рубящие орудия; 4—6, 11 — грузила; 8, 9 — подвески; 12—14, 17—20 — наконечники стрел. Изделия из металла: 7 — нож. Изделия из глины: 15 — утюжок, 16 — грузила. Изделия из дерева: 21, 22 — весла.

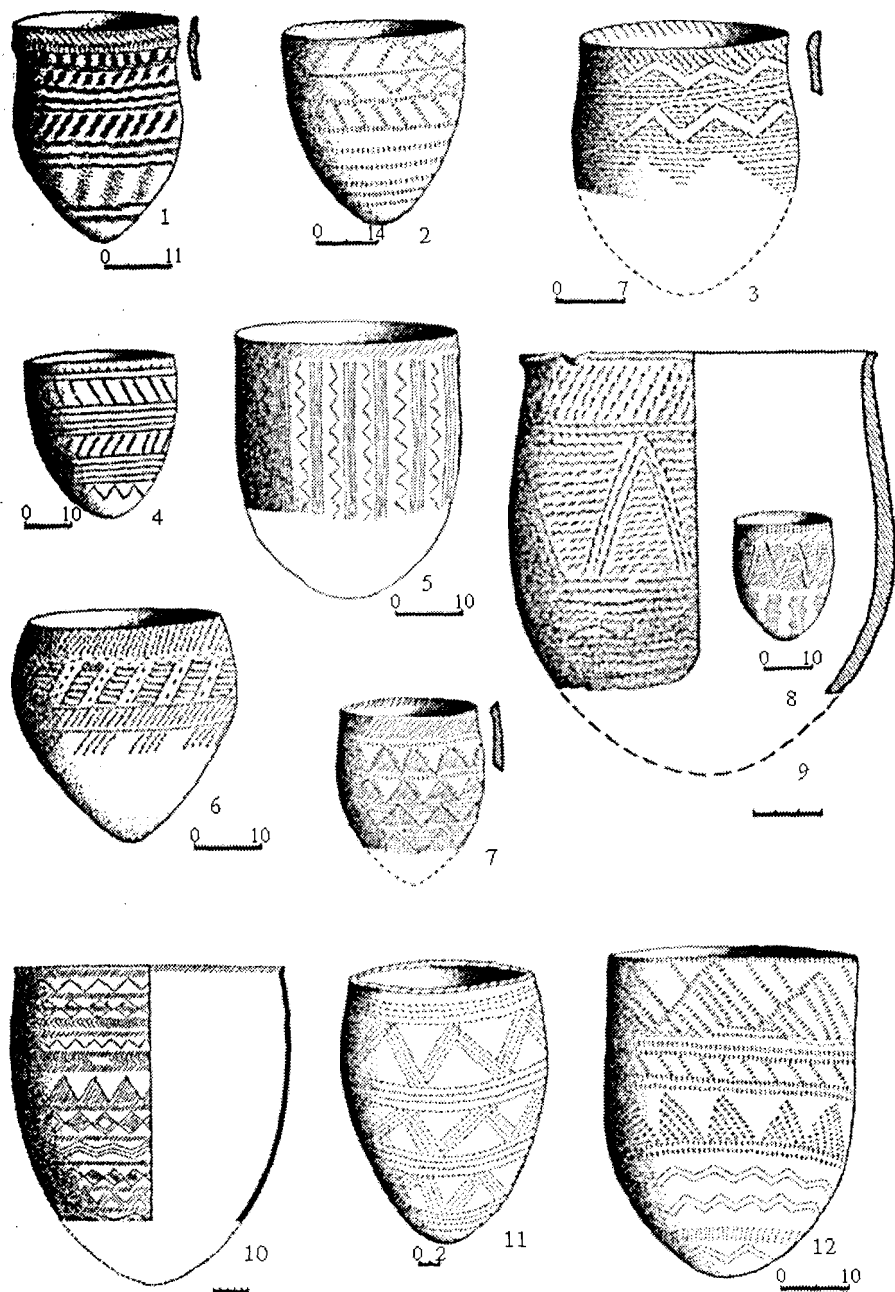

Рис. 2. Глиняная посуда центральной провинции ЗСК КИО

Во второй половине III тыс. до н. э. область представляла собой динамичное явление со сложной системой меридиональных и широтных связей, по которым идеи гребенчатого геометризма продуцировались в районы Западной Сибири, Алтая, Приуралья. Период функционирования ЗСК КИО ограничен рамками середины III — возможно, началом II тыс. до н. э. Он синхронен волосовско-гаринской общности лесной зоны Восточной Европы, восточному ареалу культур с гребенчатым декором посуды.

Относительно стабильное функционирование ЗСК КИО наблюдается во второй половине III тыс. до н. э. В первой трети II тыс. до н. э. на всей исследуемой территории отмечаются процессы дестабилизации культурообразующих компонентов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бадер О. Н. Уральский неолит // МИА, 1970. № 166. С. 157—171; Кокиаров С. Ф. Восточно-уральская культурно-историческая общность эпохи энеолита // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: Тез. докл. XII УАС. Екатеринбург, 1993. С. 88—90.
2. Чаиркина Н. М. Среднее Зауралье в эпоху энеолита (культурно-генетический аспект) // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: Тез. докл. XII УАС. Екатеринбург, 1993. С. 216—217.
3. Шорин А. Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий (проблемы культурогенеза) // Автореф. дисс.... докт. ист. наук. Новосибирск, 1995. С. 15—24.
4. Окладников А. П. К изучению неолита Восточного Приуралья и Западной Сибири // Первое Уральское археологическое совещание. Пермь, 1948. С. 12—14; Бадер О. Н. Уральский неолит... С. 157—171.
5. Берс Е. М. Некоторые данные о древнейшей истории Среднего Зауралья // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1958. № 38. С. 3—21.
6. Сальникова К. В. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы // АЭБ, 1962. Т. 1. С. 26—27.
7. Криженская Л. Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л., 1977. С. 7—48.
8. Матюшин Г. Н. Энеолит Южного Урала. М., 1982. С. 105.
9. Шорин А. Ф. О зауральской области ареала лесных энеолитических культур гребенчатой керамики // ВАУ, 1993. № 21. С. 84—93.
10. Лозин В. Н. О путях сложения энеолита в степях Казахстана // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987. С. 16.
11. Шорин А. Ф. О зауральской области... С. 88—89.
12. Мосин В. С. Энеолитическая керамика Северного Казахстана и Южного Зауралья. Автореф. дисс.... канд. ист. наук. СПб., 1993.
13. Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М., 1980. С. 157—168.
14. Косарев М. Ф. Западная Сибирь в переходное время от неолита к бронзовому веку // Эпоха бронзы лесной полосы СССР: Археология СССР, 1987. С. 258.
15. Ковалева В. Т. Энеолит Среднего Зауралья: андреевская культура. Екатеринбург, 1995.
16. Старков В. Ф. Мезолит и неолит... С. 164—165.
17. Кокиаров С. Ф. Хронология памятников бронзового века р. Конды // ВАУ, 1991. № 20. С. 92—101.
18. Стефанов В. И., Кокиаров С. Ф. Северное Зауралье накануне бронзового века // СА, 1990. № 3. С. 44—63.
19. Кокиаров С. Ф. Хронология памятников... С. 92—101.
20. Стоколос В. С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М., 1988. С. 24—61.
21. Лашук Л. П., Хлобыстин Л. П. Север Западной Сибири в эпоху бронзы // КСИА, 1986. № 185. С. 43—50.
22. Васильев Е. А. Хронология и культурная принадлежность памятников эпохи раннего металла в бассейне Северной Сосьвы // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск, 1983. С. 40—62.
23. Стоколос В. С. Культуры эпохи... С. 24—80.
24. Буров Г. М. Крайний Северо-Восток Европы в III—II тыс. до н. э.: взаимодействие археологических культур // Археологические культуры и культурно-исторические общнос-

ти Большого Урала: Тез. докл. XII УАС. Екатеринбург, 1993. С. 11—12; *Он же*. Крайний Северо-Восток Европы в эпоху мезолита, неолита и раннего металла // Автореф. дисс.... докт. ист. наук. Новосибирск, 1986.

25. *Косинская Л. Л.* Мезолит — ранняя бронза бассейна Нижней Вычегды // Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Л., 1989; *Она же*. К вопросу о связях культур Вычегодского бассейна эпохи камня и ранней бронзы со Средним Приуральем // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы Европейской части СССР. Археология и этнография Марийского края, 1991. Вып. 19. С. 132—134.

26. Устное выступление на I Всероссийской финно-угроведческой конференции (г. Йошкар-Ола, ноябрь 1994 г.).

27. *Васильев Е. А.* Энеолит и ранний бронзовый век средне- и северотаежного Приобья // Автореф. дисс.... канд. ист. наук. М., 1989.

28. *Васильев Е. А.* Хронология и культурная принадлежность... С. 40—62.

29. *Логвин В. Н.* Каменный век Казахского Притоболья (мезолит — энеолит). Алма-Ата, 1991. С. 28—48; *Он же*. Поселение терсекского типа Солёное Озеро I // СА, 1992. № 1. С. 120.

30. *Зайберт В. Ф.* Поселение Ботай и задачи исследования энеолита Северного Казахстана // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1985. С. 3—17; *Он же*. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск, 1993.

31. *Мосин В. С.* Энеолитическая керамика... С. 18.

32. Текстильная керамика как исторический источник (по материалам бронзового века Западной Сибири). Тобольск, 1992. С. 117—118.

33. *Зайберт В. Ф.* Энеолит Урало-Иртышского междуречья... С. 87—95.

34. *Мартынюк О. И.* Керамика поселения Ботай // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1985. С. 59—72.

35. Там же. С. 71.

36. *Зайберт В. Ф.* Энеолит Урало-Иртышского междуречья... С. 92—93; *Матюшин Г. Н.* Энеолит Южного Урала. М., 1982. С. 298, рис. 58.

TRANSURALIAN AND NORTHERN KAZAKHSTAN CULTURAL AND HISTORICAL PROVINCE OF THE NEOLITHIC EPOCH (The problems of the Eneolithic period of the Middle Transurals)

In the middle of the 3rd millennium BC the vast territory of the Transurals and Northern Kazakhstan was an area of cultural and historical province of the Neolithic period. Its reality supported by stable features in similarity of ceramics, stone and clay inventory, elements of graphics. This province was located in several landscape and climate zones providing its distinctivity.

N. M. Chairkina

В. Д. Викторова, Н. М. Чаиркина, В. Н. Широков

ГОРА И ВОДОПЛАВАЮЩАЯ ПТИЦА В МИРОВИДЕНИИ ДРЕВНЕГО УРАЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Как видится пейзаж родного края жителю горно-лесного Урала? Горы, покрытые хвойными и смешанными лесами, причудливые каменные палатки на островах озер или по берегам небольших рек...

Даже в наши дни, зная, что форма многих скал — результат выветривания древних горных пород Урала, трудно удержать фантазию при виде каменной стены Чертова городища, башен у о. Шарташ, столбов Семи братьев в обрамлении лесов, особенно осенней порой.

Эти вопросы не могли не волновать древних жителей края, подтверждение чему мы находим в фольклоре уральских народов. Откуда могли появиться эти удивительные очертания скал? Как возникла Уральская земля — Каменный Пояс?

Ось мира и водоплавающая птица в финно-угорской мифологии

В мифопоэтическом репертуаре различных народов Урала бытовали и передавались различные версии происхождения гор. В башкирском эпосе, уходящем своими корнями к центральноазиатским традициям, Уральские горы возникли там, где батыр Урал проходил на коне и уничтожал дивов¹.

Иначе представлено появление Уральского хребта в мансийской мифологии. Кожистая земля качалась. Крылатая Калм поднялась в небесный чертог Нум-Торума и попросила: “Нум-Торум, отец мой, наша земля, как ни велика стала, а все еще движется, на месте не стоит. Когда появится человек, не устоять ему на погах. Ты укрепи нашу землю, опояшъ ее каким-нибудь поясом”. Нум-Торум спустил на землю свой пояс, украшенный тяжелыми пуговицами. Земля глубоко осела в воду и стала неподвижной. На том месте, где лег пояс, теперь Уральские горы. Это самая середина Земли².

В этом небольшом мансийском мифе таится глубокий смысл. Древние сказания любого народа содержат представление о своей родной земле как о центре, середине Земли, Вселенной. Если народ живет среди гор, это будет гора, возвышенность, сопка; если среди леса — дерево, “мировое дерево”. Аборигенам края, древним финно-уграм Урал представлялся серединой земли. Золотой, светлый Нум-Торум, высшее существо, сидящее на небе с посохом в руке, сотворил эти горы, сбросив в них свой пояс. Функции пояса в финно-угорской мифологии многозначны. В нем может быть заключена жизнь человека³ или его душа. Пояс связывает средний мир человека с верхним, разделяет средний мир и нижний⁴. Пояс Нум-Торума одухотворяет Каменный Пояс Урала, олицетворяет его устойчивость среди сменяющихся времен года и быстротекущих событий человеческой жизни и богатство горных недр (тяжелые металлические пуговицы пояса).

Следует сказать, что угорский миф об опоясывании земли — сравнительно поздний. Он относится к периоду распада первобытно-общинных отношений, для религиозных воззрений был характерен политеизм, а пантеон богов возглавляло существо мужского рода.

В более древних слоях финно-угорского фольклора высвечивается еще ряд мифов, связанных с образом горы. Широко известен и вариативен сюжет о горе (хол-

ме) как доме родовых предков, духов. Гора, холм, остров — это местожительство старухи и старика, откуда во все стороны распространяется земля, поднятая из мировых вод водоплавающей птицей⁵. Гора — дом, где жена Верхнего духа Калтась-эква родила Мир-Суснэ-Хума — “за миром наблюдающего человека”⁶. Калтась-эква, спущенная с Верхнего мира на землю⁷ — это олицетворение самой Земли. Первая мифема — наиболее древняя, в ней сохранились отголоски времен родового общества, так как перечисление предков, живущих на холме, начинается со старухи.

Гора — ось мироздания, как и дом — центр микрокосмоса, имели вертикальное членение. Верх горы — местожительство горного духа Урала Нёр-Ойки, как и верхняя часть дома — чердак — место, запретное для женщин. По нганасанскому мифу на вершине горы-сопки родилось солнце⁸. Полость большой горы — местожительство духов женского рода — Калтась-эквы и ее сестры. Пещера — “дыра в горе” тоже находила свое объяснение в угорских мифах. Дыра в скале, “где небо свисает” — место перехода в иной мир, в южный край, в землю птиц⁹. Важно отметить, что в этом мире предков ведущее место занимает женщина (южная старуха). Миф позволяет усмотреть, во-первых, свидетельство древности сюжета (родовое общество), во-вторых, одно из доказательств южного происхождения предков манси. Есть и иной, хантыйский, вариант объяснения “прохода в горе”. Этот путь для перелета птиц сотворил старик Торстор: семь дней летела костяная стрела, выпущенная им из лука и образовала этот проход¹⁰.

О творящем камне известна лишь одна мифема. Мир-Суснэ-Хум в одном месте поднял два камушка. Хорошенько потер их один о другой — появилась собака с пушистым хвостом¹¹.

Наконец, в множестве мифов финно-угоро-самодийского фольклора варьирует сюжет, объясняющий появление и название отдельных гор, скал, сопок. Когда бог войны Хонт-Торум догнал врага, последний превратился в камень¹². Скала в верховьях Сосьвы получила название Сброшенной Лосиной Головы, потому что осажденные жители городка на вершине горы сбросили голодающим врагам лосенка¹³. Название Оленей Сберегающий Богатырь гора получила потому, что у ее подножия ленивый юноша превратился в бодрого и работающего оленевода¹⁴.

Почитание гор, пещер, скал сохранилось у чердынских, ивдельских, сосьвинских манси до XIX — начала XX в. Этнографы отмечают, что кондинские манси, видимо, принесли эту традицию на равнинную территорию. Там, за неимением гор, местом проведения осеннего праздника служили “шаманские круглые горы” — древние городища¹⁵. Священными считались и сама гора, и растущее на ней дерево (деревья). Почитание гор было характерно и для северных хантов, но у них оно включалось в общий пласт представлений, связанных с культом гор и камней, характерных для саамов, энцев, ненцев, нганасан¹⁶.

Какое место в мифологической картине мира, осью которой является гора, занимала водоплавающая птица? Утка, лебедь, гагара, кулик — чрезвычайно распространенные образы финно-угро-самодийской мифологии.

Прежде всего водоплавающая птица в мифологии евразийских лесных народов — это основной персонаж в творении всего окружающего мира или по крайней мере его земной тверди. Первый вариант этой мифемы — творение неба, земли и светила из яйца утки — наиболее распространен у западных финнов и индоевропейцев Средней и Восточной Европы¹⁷. Второй вариант — мифы о водоплавающей птице, достающей землю со дна первичных вод, встречается в фольклоре урало-алтайских и сибирских народов¹⁸.

В мансийских сказаниях гагара ныряла за землей по собственной инициативе¹⁹, в хантыйском — кулик достал землю по просьбе Кон-Ики (Мир-Суснэ-Хума)²⁰, в нганасанском — утка ныряла в воду по велению Бога²¹. Попутно угорские мифы объясняли причины особенностей внешнего вида конкретных водоплавающих. Трудно было нырять птицам за землей глубоко на дно первичных вод. Только на третий раз гагарам удалось выполнить задачу. Но от напряжения у первой из них

“лопнуло горло”, что объясняет цвет шеи краснозобой гагары, у второй — “макушка лопнула”, в результате чего на голове у рогатой поганки (из отряда гагар) появилось украшение из рыжих и черных перьев²².

Форма тверди-земли, появившейся из кусочков, поднятых водоплавающей птицей, а также представление о центральной оси земли, определялись рельефом тех мест, где обитал народ-создатель мифа: лесистые горы, сопки или равнина, покрытая лесом (“мировая гора”, “мировое дерево”).

Можно увидеть определенную связь между строением мира в мифологической картине и реальными возможностями водоплавающих птиц. Они могут летать в небе (верхний мир), гнездиться на земле (средний мир), нырять в воду (нижний мир). Осеню гуси, лебеди, утки летят на юг, весной — на север. Эта связь хорошо просматривается в направлениях путешествий сыновей Нум-Торума. Орсяк-Ойка в виде златошесого гуся поднялся с земли в верхний мир Нум-Торума²³. Мир-Суснэ-Хум полетел в Южный край — “другой конец света” в облике маленького гуся. Там он женился на дочери южной старухи и старика и получил у них золотые шкуры — гусиную и лебединую — и богатое приданое — перелетных водоплавающих птиц. Сам Мир-Суснэ-Хум влез в золотую гусиную шкуру, его жена влезла в золотую лебединую шкуру. Говорят южные старуха и старик: “Наша дочь, наш зять! настанет на свете человеческий век, настанет на свете человеческое время, этих гусей-уток мы приготовили в приданное нашей дочери. Пока останутся на свете один мужчина, одна женщина, пусть их едят, пусть никогда они не кончатся”. Обнялись, поцеловались и полетели. Гуси-утки присоединились к ним. Через скалу с дырой вылетели на этот свет”²⁴.

Полет сыновей Нум-Торума в облике водоплавающих птиц очерчивает и вертикальную (средний — верхний миры) и горизонтальную (юг — север) структуру мифологической картины мира довольно древнего пласта. В тексте ведущим деятельным началом является женщина: либо южная старуха совершает какие-то магические поступки, например, оживляет уток-чирков, либо южные старуха и старик сидят, говорят и т. п. В мифе содержится также объяснение, почему утки-гуси весной летят с южной стороны.

Калтась-эква, спущенная на землю Нум-Торумом за некую провинность, занимала важное место в пантеоне Высших сил — была Матерью Земли, подательницей детей. Один из образов ее перевоплощения — золотая гусыня. Зооморфные и орнитоморфные изображения — ипостаси высших сил — корнями уходят в раннеродовое общество, когда таковыми представлялись предки-тотемы.

Наконец, еще одна мифема угорского фольклора связана с водоплавающими птицами. У дочери южной старухи накосными украшениями были живые водоплавающие птицы. У сестры семи братьев (женщины-богатыря) косы были украшены медными птичками. Когда братья баловались и сбили сначала одну, потом семь птичек, да еще посмеялись над сестрой, она сначала лишила их добычи, а потом опозорила перед всем народом²⁵. Мифема одна, и связана она с особой значимостью птичек на конце волос. Но два ее варианта различны по времени их сложения. Первый уходит в сказочное время родового общества, второй — в эпическое время богатырей периода разложения первобытного строя. Сюжет оказался столь живуч, потому что, видимо, еще в родовом обществе возникло представление о том, что душа (одна из душ по этнографии обских угров) ассоциируется с дыханием человека, придает человеку силу и мужество. Место ее обитания — волосы человека, а ее облик — птица. Любопытно отметить, что в раннем варианте это ныряющие водоплавающие птицы (черняди, морянки), а в позднем — просто птичка-душа, кукушка, сокол и т. п. Возможно, с таким представлением о местопребывании души связан известный по фольклорным и историческим данным обычай скальпирования врага у обских угров, как способ уничтожения вражеской души²⁶. Разновременность фольклорного текста дает определенные основания для соотнесения сюжетов наиболее древних пластов мифологии с археологическими материалами лесной и горно-лесной полосы Урала.

Общеизвестно, что одним из первых надежных пристанищ древнего человека была пещера, грот. Исследования в гроте Лазаре (Франция) показали, что каменные стены грота использовались и при сооружении первых искусственных жилищ²⁷.

На Урале известны сезонные и кратковременные стоянки палеолитических охотников более, чем в 30 пещерах и гротах. Среди них стоянки в пещерах Медвежьей²⁸ и Студеной²⁹ (Северный Урал), гротах Б. Глухом³⁰, Столбовом³¹ и Бобыльке³² (Средний Урал), в пещерах Ключевой, Бурановской³³, Кульюрт-Тамак³⁴ и гротах у Каменного Кольца³⁵ (Южный Урал).

До сих пор на Урале не открыты захоронения древнекаменного века. Но в других районах палеолитической ойкумены захоронения в пещерах и гротах известны в Западной Европе, на Ближнем Востоке, в Крыму и на Кавказе с мустьерской эпохи. Обнаруженные остатки часто были засыпаны минеральной краской — охрой и перекрыты камнями, сопровождалась каменными изделиями³⁶.

Судя по верхнепалеолитическим захоронениям, на умерших одевали одежду и украшения, снабжали их орудиями и оружием, необходимыми в быту и охоте. По этим свидетельствам можно судить, что уже в древнекаменном веке складывалось представление о двух мирах. Мир умерших находился ниже мира живых, но в нем все свершалось по образу и подобию земного мира. Вполне вероятно, что истоки представлений о пещере в горе как жилище предков могут уходить в глубь веков вплоть до палеолита.

Известный отечественный исследователь фольклора В. Я. Пропп убедительно доказал, что наиболее древние основы волшебной сказки — обряд посвящения, а также идея смерти и возрождения³⁷. Всеобщность института посвящения — инициаций для родового общества подтверждается этнографическими материалами всех материков. Обряд посвящения мальчиков в мужчин при половозрастном разделении труда способствовал организации, сплочению общины. Производились испытания подростков на смелость, ловкость, выносливость, терпение. Юноши знакомились с мифологическим содержанием миропорядка. Для усвоения и закрепления этих знаний ритуальные действия должны были быть эмоционально насыщены, мифы переданы ярко и образно.

Именно таким условиям проведения посвящений отвечали пещеры Франции, Испании и Урала с верхнепалеолитическими рисунками на стенах и потолках. Места посвящений находились в глубине пещер, и нужна была храбрость, чтобы идти во мраке, наполненном тишиной или таинственными звуками. Чтобы достичь палеолитических рисунков верхнего этажа Каповой пещеры Южного Урала, требовалась ловкость и сноровка, так как надо было преодолеть опасный подъем с круто наклоненными и вертикальными стенами высотой в 14 м³⁸. Но какой неожиданный эффект возникал, когда колеблющийся свет факелов выхватывал живописные фигуры мамонтов, лошадей, бизонов... Оживали сказания о предках, посылающих удачу в охоте, а значит — благополучную жизнь общине; мифы о смерти и возрождении как естественном состоянии миропорядка.

Есть ряд гипотез о том, как древнему человеку представлялась полость горы: вход в лоно матери-земли, вход в иной, нижний мир, где происходит общение с предками-тотемами. Эти гипотезы нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть, ибо на земле не сохранились общины эпохи верхнего палеолита. Понятно одно — образ пещеры в горе был многозначен и, видимо, занимал большое место в мировидении древнего человека.

Есть свидетельства того, что уже в эпоху палеолита сложилось особое отношение к камню и, возможно, к самой технологии превращения его в орудие. В центре святилища Игнатьевской пещеры, в Большом зале, наряду с рисунками на стенах, на ребрах выступов и горизонтальных пластах известняка были обнаружены отчетливые негативы крупных сколов; в отдельных случаях наблюдалась упорядоченность в их расположении³⁹. Некоторые исследователи говорят и о сложении в

палеолите культа камня. В доказательство приводят примеры, когда каменные изделия покрывались охрой, или "клады" предметов из камня не имели утилитарного характера⁴⁰.

В эпоху мезолита с наступлением современного климата происходит перестройка предшествующих плейстоценовых ландшафтов. Многие виды животных вымирают, другие откочевывают далеко к северу. Вместе с резким разрушением привычного образа жизни людей палеолита происходят и изменения в картине мира древних уральцев. Эти изменения проявились, в частности, и в отношении к пещерам. Сакральная зона перемещается из глубины подземных полостей к их входной части. Можно строить разные предположения о том, что воображали мезолитические охотники, глядя в отверстие камня Дыроватого или Шайтанской (Лобвинской) пещеры: вход в дом предков? рот каменного великана? Так или иначе, с эпохи мезолита некоторые уральские пещеры превратились в святилища, куда охотники стреляли костяными стрелами с кремневыми вкладышами.

Новая мифологическая картина мира рыболовов и охотников лесной полосы Евразии начала, по всей вероятности, складываться уже в это время. Однако восстановить ее даже фрагментарно пока не представляется возможным — слишком скудны археологические источники.

Значительно больше данных есть для реконструкции мировидения населения последующих эпох.

Образы горы и водоплавающей птицы на памятниках неолита и раннего металла

Традиция украшать костяные, а возможно, и деревянные предметы геометрическим орнаментом появилась еще в эпоху палеолита. Она продолжала развиваться и в мезолитическое время. Исследователи высказывали различное мнение по поводу смыслового содержания орнаментов. Широко бытует точка зрения, что насечки на костяном оружии соответствовали числу убитой этим оружием дичи. Б. А. Фролов видел в меандрах и зигзагах на браслетах, а также в рядах зарубок и ямок, нанесенных по кости или охрой рядом с пещерными рисунками, приемы счета времени верхнепалеолитических охотников по луне и солнцу⁴¹. В. Н. Чернецов полагал, что гравированные узоры на костяных кинжалах и наконечниках дротиков с Шигирского торфяника (Средний Урал) изображают охотничьи засеки и ловушки⁴². Он приводит этнографические свидетельства того, что рисунки наносились лишь тогда, когда орудия приносили удачу в промысле.

С изобретением глиняной посуды в эпоху неолита появилась новая сферическая форма для нанесения узоров. В этот период чаще всего орнаментом покрывалась внешняя поверхность сосуда. Важно отметить, что состав теста, способ нанесения орнамента, узоры и композиции на сосудах населения лесной зоны Евразии имели и общие черты и различия в пределах культурных общностей. На этой территории от Финляндии до Западной Сибири сложились две традиции в технике нанесения орнамента, в которых выполнялись изображения птиц — гребенчатая и ямочно-гребенчатая. В лесной полосе Урала, наряду с гребенчатым, бытовал прочерченно-накольчатый способ орнаментации. Уральский археолог по примесям в глиняном тесте сосудов может различить их культурную и территориальную принадлежность. Горно-зауральская керамика всегда содержит в глине примесь талька, а приуральская — раковины.

Еще больше различий в узорах на сосудах. Даже на одном поселении не встретим двух совершенно идентичных по орнаменту сосудов. Расшифровать орнаментальные композиции можно только крайне предположительно, при условии, что есть некоторое сходство геометрических фигур-знаков с реальными прообразами.

Что могли подразумевать жители неолитического поселения Евстюниха (горно-лесное Зауралье), когда на фоне волнистых линий прорисовывали острые углы, вложенные один в другой? Гору? Жилище в виде чума? Вполне вероятно, что и то, и другое. Почему внешняя сторона угла иногда была покрыта бахромой из

отрезков? Вполне вероятно, что это изображалась гора, покрытая лесом. Подобные узоры-знаки неизвестны на неолитических сосудах равнинной части Зауралья и Западной Сибири. Там нередко изображения, напоминающие схему листовенного дерева: "ствол" — две-три линии, поднимающиеся вертикально от дна сосуда, в его верхней части переходит в "крону" — треугольник, обращенный вершиной вниз.

Можно согласиться с теми исследователями, которые в первой схеме видели космологическую мифему о горе (холме, сопке) среди первичных вод, а во второй — мировом дереве как центре вертикальной оси Вселенной⁴³. И вполне естественно, что представление о горе как доме, центре складывалось в горно-лесном крае, где неолитические поселения рыболовов были расположены либо на островах среди озер (Аннин остров на Шигирском торфянике, бывшем озере), либо на берегах озер у основания каменных палаток (например пос. Нижняя Макуша на оз. Мелком).

Мифема о горе, как и мифема с деревом, исполнялись на поверхности глиняной посуды и в последующую, энеолитическую эпоху. Узор — знак горы — разнообразится в деталях. Так, на памятниках с озер в верховьях Исети, наряду с традиционным (рис. 1, 2), встречается изображение горы с горизонтальным зигзагом по центральной оси и с бахромой по внутреннему контуру. Иногда изображение горы не остроугольное, а с округлой вершиной (рис. 1, 1). Ряд изображений стилистически нерасчленимы, возможно, ассоциированы с древовидными фигурами: высокий треугольник — гора, ствол дерева (?), короткие отрезки на нем — крона, склон горы с растущими деревьями (?) (рис. 1, 3—4). Арсал распространения знака горы расширяется к югу. Угли, вложенные друг в друга, в том числе покрытые бахромой, появляются на посуде горно-лесного района Южного Зауралья. В результате контактов сосуда с подобным орнаментом и тальковой примесью в тесте попадают даже на памятники Северного Казахстана.

В очерченном регионе в этот же период времени на сосудах появляются новые образы. Довольно часто их второй фриз украшался изображениями водоплавающих птиц, реже встречаются человекообразные существа, косули. По технике нанесения узоров керамика делится на две группы. Основную составляет посуда, украшенная гребенчатым штампом. Изобразительные возможности штампа ограничены. Голова и шея птиц моделированы одной-двумя линиями, а туловище — двумя-тремя, составляющими прямоугольник (рис. 2, 5). Судя по пропорциям, основную часть изображений можно отнести к уткам. Детали иконографии птиц разнообразны. Есть фигуры с прямо посаженной, приподнятой вверх или опущенной вниз головой, вертикальной или наклонно вытянутой вперед шеей. Иногда головки птиц выполнены в виде треугольников. Явно выбиваются из общего ряда два сосуда с аятского поселения (Средний Урал), украшенные крупными фигурами. Изображение лебедя(?) имеет высоту 9 см, а весьма непропорциональная фигура утки(?) — 5 см (рис. 2, 1). Моделировка туловищ тоже нестандартна: линии идут по вдоль, а поперек туловища. Выделяется сосуд из пос. Палкино. Изображение утки обозначено неглубокими ямочками, туловище имеет трапецевидную форму (рис. 2, 2). Стилистически единичны изображения водоплавающих птиц, выполненные на керамике липчического типа, орнаментированной накольчато-отступающей техникой, со стоянки Разбойничий Остров. Как и в первой группе посуды изображения птиц занимают вторую орнаментальную зону сосуда. Это крупные фигуры размерами 7—14 см с треугольными туловищами. У птиц на двух сосудах треугольник тулова направлен вершиной к хвосту (рис. 3, 1, 3). Судя по сохранившимся фрагментам, воспроизведен стоящий гусь. На третьем сосуде треугольник-тулово расширяется к хвосту. Фигура напоминает лебедя (рис. 3, 2). Внутреннее заполнение контура фигур тоже различно.

Как вариативность иконографии, так и индивидуальные особенности в способах моделировки фигур на сосудах первой и второй групп могут свидетельствовать, что изображения водоплавающей птицы на описанных сосудах не имели жесткого канона.

Если изображение горы было особенностью орнамента на керамике зауральского горно-лесного населения, иначе дело обстоит с фигурами водоплавающих птиц. В 60-е гг. финский ученый Т. Эдгрен картографировал памятники с гребенчатой орнаментацией сосудов, украшенных фризами плывущих птиц. По мнению этого специалиста, основной территорией распространения данного сюжета является Финляндия⁴⁴. В 70—80-е гг. работами отечественных ученых⁴⁵ было доказано, что локализация керамики с фигурами плывущих птиц широка. Она охватывает лесную зону Евразии от Финляндии до восточных склонов Урала. Были выделены три центра их сосредоточения: озерные края Финляндии, междуречье Оки и Волги (на сосудах с гребенчатой и ямочно-гребенчатой керамикой) и горно-лесное Зауралье.

Возникновение на большой площади трех центров со сходными знаковыми комплексами можно было бы объяснить конвергенцией. И действительно: время одно — III тыс. до н. э.; ландшафт близок — озерные края лесной полосы; формы ведения хозяйства тоже одинаковы — охота и рыболовство. При этом, видимо, особое место в промысле занимала охота на водоплавающую птицу. Однако только одинаковыми условиями обитания и жизнеобеспечения не объяснить того, что птицы на сосудах большой зоны Евразии выполнялись преимущественно техникой гребенчатого штампа и на второй орнаментальной зоне.

Более того, на этой же территории мифы, связанные с водоплавающей птицей, запечатлелись не только на посуде, но и в “каменных книгах”. Так исследователем А. М. Линевским были названы наскальные изображения. Они наносились охрой (писаницы) или выбивались на поверхности скал (петроглифы), расположенных по берегам рек или озер. В горно-лесной зоне Урала известно около 20 писаниц с воспроизведением птиц. Как и на глиняных сосудах, на писаницах представлены исключительно образы водоплавающих: уток, гусей, лебедей.

В рисунках прослеживаются черты иконографического и стилистического сходства, которые позволяют объединить их в различные группы (рис. 4). Первую группу составляют фигуры с прямоугольным туловищем. Разновидности внутри группы определяют рисунки с контурным телом без его заполнения и с корпусом, в контур которого вписаны горизонтальные, вертикальные, наклонные линии и их комбинации, а также зигзаги и округлые пятна. Шея и голова птиц во всех группах моделированы одиночными отрезками. У некоторых фигур первой группы показаны одна или две лапки, в отдельных случаях хвостик и даже хохолок. Для рисунков этой совокупности характерна статичность и даже тяжеловесность.

Во вторую группу вошли изображения, выполненные сочетанием вертикальной линии и горизонтальных линий с некоторыми вариациями. Отличительной особенностью форм в этой группе является отсутствие замкнутого контура. Вертикальной линией показаны шея и грудь птицы, горизонтальными — туловище и крылья. В отдельных случаях две горизонтальные линии могут быть сомкнуты прямыми и дугообразными отрезками, образуя либо корпус, либо крыло (Исетская и Сохаревская писаницы). Очевидно, что рисунки этой группы схематизированы в большей степени, чем у изображений водоплавающих первой группы. Но несмотря на лаконичность и схематизм, многие рисунки великолепно передают динамику движения. Особенно это касается фигур с приподнятой головой, которые удивительно напоминают птиц, разбегающихся по воде перед взлетом. В других случаях выразительность достигается путем наклонной по отношению к горизонту ориентировки фигур, как, например, на Сохаревской писанице и Коптеловском камне.

В третью группу выделены изображения птиц с овальным туловищем. Отдельные их экземпляры не осложнены никакими деталями, у других показаны лапки и крылья, нарисованные либо горизонтальными и наклонными линиями (на Змиевом Камне горизонтальные линии крыльев пересечены небольшими вертикальными и наклонными отрезками, передающими оперение), либо контурной фигурой, напоминающей треугольник.

Четвертая группа представлена двумя фигурами с треугольным туловищем. Обе они воспроизведены на тагильском Писаном Камне. Контур туловища одной из птиц заполнен перпендикулярными друг другу отрезками.

Несмотря на различия, между изображениями различных групп очевидны и черты сходства, видны своеобразные стилистические "переходы" между рядами.

Распространение изображений водоплавающих птиц на глиняных сосудах и скалах образует достаточно однородную область в горно-лесной зоне Урала, что позволяет корректно провести их сравнение и попытаться датировать памятники наскального искусства в рамках рассматриваемого сюжета.

Самые многочисленные параллели в двух видах изобразительной деятельности прослеживаются между рисунками птиц с прямоугольным туловищем и моделированным сочетанием вертикальной и горизонтальных линий. Например, массивные, утяжеленные фигуры водоплавающих птиц Северной писаницы с почти квадратными туловищами и рисунки птицы на Шайтанской писанице с несколько непропорционально вытянутым телом очень близки изображениям на керамике Аятского поселения. Отличие заключается в том, что на писаницах туловище показано контуром, а на керамике оно заполнено оттисками штампа и выглядит силуэтом. В отдельных случаях фигуры тождественны даже в деталях. К таким относятся рисунки птиц на некоторых фрагментах глиняной посуды и изображения на Коптеловом Камне, Соколинских утесах, Зенковской скале, Сохареvской и Исетской писаницах. Другой пример — воспроизведение хохолка у птиц на некоторых писаницах с р. Тагил и на фрагментах керамики (рис. 2, 5; 5, 5). Тот факт, что за небольшим исключением изображения водоплавающих птиц на сосудах выполнены гребенчатым штампом, позволяет считать население с подобной традицией создателями памятников наскального искусства.

"Каменные книги" сохранились не только на Урале. По сюжетному сходству наскальных изображений, центральной фигурой которых являлся лось, А. А. Формозов объединил писаницы Урала с петроглифами Карелии и Сибири⁴⁶. В. Н. Чернецов полагал, что их западная граница доходит до Норвегии⁴⁷.

Если выделять в этом круге памятников сюжеты с водоплавающей птицей, то он сократился. Это будут гравированные изображения Норвегии, Онежские петроглифы Карельской группы и Уральские писаницы. То есть, ареал распространения образа водоплавающей птицы на сосудах и наскальных изображений примерно один. Однако полное совпадение есть только для группы горно-зауральских памятников. В лесной зоне Восточной Европы его и не могло быть — там нет скал. Вместе с тем на памятниках этого района в III тыс. до н. э. широко представлена мелкая кремневая скульптура, в состав которой наряду с фигурами антропоморфных существ и животных, входили изображения водоплавающей птицы. Подобные находки на территории Зауралья единичны: кремневые скульптуры, изображающие, вероятно, тетерева и утку, обнаружены в неолитическом слое стоянок Юрьино IV, VII. Фигурки выполнены на отщепках, обработанных по периметру краевой ретушью⁴⁸. С. Н. Замiatин не только нашел сходство фигур с петроглифами⁴⁹, но и увидел в них функциональный аналог наскальных изображений. Более того, ученый обратил внимание на тот факт, что изготовление фигур из кремня и выбивание их на камне не случайно. Это появление и развитие культа камня в период захоронения его утилитарного использования⁵⁰. Вернее было бы сказать, что эти новые формы продолжения того сакрального отношения к камню, которое возникло в предшествующие эпохи.

Деревянные скульптуры птиц обнаружены на Шигирском пологоозере, в неолитических слоях стоянок на Горбуновском, Кокшаровско-Юрьинском и Карасьеозерском торфяниках Зауралья. Они представляют собой серию деревянных ковшей и ложек с рукоятями, выполненными в виде голов утки, гуся, лебедя и болотной курочки.

Изображения VI Разреза Горбуновского торфяника переданы в силуэтной манере (рис. 6, 1—3). Как правило, отсутствует моделировка глаз, носовых отверстий, не показан разрез клюва. Исключение составляет ложка с рукоятью в виде головы болотной курочки с подчеркнуто выступающей лобной частью, с намеченными серией срезов глазами⁵¹. Ручка деревянного ковшика в виде реалистично выполненной головы утки с проработанными клювом, ноздрями, оперением обнаружена на Кокшаровско-Юрьинском торфянике⁵².

Уральская орнитоморфная скульптура находит аналогии в материалах торфяников лесной зоны Восточной Европы эпох неолита — раннего металла: ковш со стоянки Сарнате⁵³, скульптурная головка водоплавающей птицы, изображенная на рукоятки ложки со стоянки Сахтыш I⁵⁴.

В принципиально иной стилистической манере выполнены деревянные скульптуры птиц, обнаруженные на стоянке Разбойничий Остров (Карасьеозерский торфяник, рис. 6, 1). Форма предметов поразительно близка изображениям летящих (ныряющих?) птиц. Тонкая (2,2 см) шея достигает длины 32 см. Голова подчеркнута двумя насечками. На боковых гранях подпрямоугольной формы тулова вырезаны пазы, в которые могли вставляться берестяные или кожаные пластинки — имитаторы крыльев. На тулове со “спинки” и “брюшка” сделаны насечки, возможно, изображающие оперение. Скульптуры сопоставимы с изображениями мальтийских птичек и с металлическими орнитоморфными фигурами, известными по этнографическим материалам народов Сибири⁵⁵.

Еще один вариант изображения водоплавающей птицы стал известен на Урале сравнительно недавно — в результате раскопок мужского погребения в гроте на Камне Дождевом⁵⁶. Неолитические и энеолитические погребения на Урале встречаются редко. Это, как правило, одиночные погребения в гротах (у Каменного Кольца, Старичного гресня), предходовых частях пещер (Бурановской, Усть-Катавской II), в каменных ящиках (Кокшарово I, Второе Карасье озеро, Березки Vg) или под полом жилищ (Давлеканово)⁵⁷. Погребенные были посыпаны охрой, в обряде большое место занимал огонь. Наиболее распространенными находками в погребениях были каменные орудия и подвески из раковин, кости, камня красного или зеленого цвета. Форма подвесок — округлая, овальная, каплевидная, миндалевидная. Эти украшения повсеместно встречаются и на поселенческих энеолитических памятниках Урала и лесной полосы Восточной Европы.

Одежда мужчины из грота у Камня Дождёвого была украшена каменными подвесками традиционной овальной формы, а также костяными подвесками в виде уток⁵⁸. Кость позволяет выразить профильное изображение птицы любой формы. Тем более удивительно, что подвески-уточки имели прямоугольное, или, даже правильнее сказать, квадратное туловище. Как объяснить столь странную форму? Полагаем, что сложившийся на сосудах при использовании гребенчатого штампа силуэт водоплавающей птицы с прямоугольным туловом, стал тем образцом, кафоном, который древние уральцы воспроизводили как в рисунках на скалах, так и при изготовлении подвесок из кости.

Итак, в III тыс. до н. э. в лесной зоне Евразии от Скандинавии до восточных склонов Урала на скалах, сосудах, в скульптуре и пластике складывается и устойчиво сохраняется образ водоплавающей птицы. Выбор водоплавающих птиц в качестве объектов изображения из большого количества видов пернатых — следует считать культурным выбором. Он показывает важность символического содержания образов водоплавающих птиц в культуре древнего населения этой территории. Попытаться раскрыть семантику этого образа можно только через выявление его места в орнаментальных композициях.

Однако судить о содержании композиций на сосудах крайне сложно. Во-первых, не известно значение остальных узоров: прямых линий, зигзагов, ромбов, треугольников, заштрихованных параллельно одной из сторон. Вода? Суша? Ловушки? Во-вторых, чаще всего мы имеем дело с фрагментами сосудов, по которым не воспроизвести композиционное целое. Можно только с уверенностью говорить о том, что фигуры птиц обычно присутствуют во второй орнаментальной зоне и довольно редко встречается трехкратный повтор фриза на сосуде. Наиболее характерно сочетание изображений птиц с горизонтальными, наклонными линиями, с вертикально или горизонтально расположенным зигзагом, с вдавлениями ямочной формы, ограничивающими зону венчика. Можно согласиться с предположением ряда исследователей о том, что мотив птицы был связан с ритуальной функцией сосудов⁵⁹.

Значительно плодотворней представляется попытка анализа композиции писаниц, тем более, что здесь обнаруживается связь горы и водоплавающей птицы.

Можно предположить, что нанесение изображений на скалах (горе) было одновременно и обрядом, и мифотворчеством — воспроизведением мифа о вертикальном строении Вселенной. Композиции наскальных изображений моделируют два мира: верхний — солярные знаки и линии горизонта (кстати, нередко напоминающие горы с каймой-отростками на сосудах) и средний — копытные, водоплавающие птицы; антропоморфные фигуры, орудия охоты. Нижний мир, возможно, ассоциировался с водой, куда обрывалась скала, с низом горы, полостью пещеры, гротом, где погребались умершие.

В наскальном мифе о строении Вселенной при первом прочтении водоплавающая птица — часть среднего мира. Но это очень существенная часть, потому что она знаменует три временные позиции-события: весну — прилет птиц и гнездование, лето — время линьки и охоты на линную птицу, и осень — отлет птиц. В этих событиях две важнейшие временные точки отсчета — прилет и отлет птиц определяли представление древних о горизонтальном строении мира. Юг — направление, куда сорентирована плоскость скал с писаницами, это место, откуда прилетают птицы весной и куда улетают осенью. В связи понятий: водоплавающая птица — верх (полет птиц) — юг — весна — тепло — гнездование можно усмотреть складывающуюся структуру мифологической картины мира охотников. В ней пространственные понятия — верхний (мир) — южное (направление) связаны с утверждением жизни, воспроизводства.

В облике души-птицы, своеобразными посредниками между мирами выступают, вероятно, костяные скульптурки птиц, обнаруженные в мужском погребении грота Дождевого. Семантический статус их определен тем фактом, что в представлении обских угров жизнь в Нижнем мире является зеркальным отражением земной: там все наоборот. В могилу нередко кладут потревоженные, сломанные вещи, иначе там они не будут целыми⁶¹. Этот мировоззренческий сюжет реконструируется по материалам погребений энеолита Зауралья, где практически все каменные и костяные орудия встречены в обломках. Непотревоженные вещи в представлениях обских угров несут особую смысловую нагрузку. Любопытен тот факт, что в энеолитических погребениях Зауралья, как правило, целыми оказываются костяные и каменные подвески каплевидной и округлой формы с зубчиками или без них по краю. В гроте Дождевом в непотревоженном состоянии встречены, помимо названных предметов, подвески из клыков животных и скульптурные костяные изображения водоплавающих птиц. Возможно, что подвески округлой формы с зубчиками по краю символизировали солнце. Изделия овальной формы: яйцо — прообраз Вселенной. В этом случае структура погребальной обрядности и характер сопровождающего инвентаря (обязательное присутствие подвесок каплевидной и округлой формы, иногда — скульптурных изображений птиц) иллюстрируют мифологический сюжет о происхождении Вселенной, о перемещении души — птицы в Верхний мир, о возрождении новой человеческой жизни. Возможно, именно в это время зародилась система мифов о водоплавающей птице, фрагменты которой сохранились в волшебной сказке о сотворении земной тверди ныряющей уткой (деревянные скульптуры птиц со ст. Разбойничий Остров) и о птичьей стране в южном крае.

Мифологическая картина мира в основных чертах, по всей вероятности, была сходной для прафинно-угорского энеолитического населения от Скандинавии до Западной Сибири. Но Уральская земля сохранила больше свидетельств для воспроизведения ее модели.

Традиционное и новое в мировидении населения эпохи бронзы и железного века

В эпоху бронзы границы производящего хозяйства расширяются к северу, скотоводство, наряду с охотой, распространяется в южной полосе лесной зоны. Устанавливаются тесные контакты, возможно, происходит миграция групп населения с юга Урала в лесной край. Вместе с тем в мировидении горно-зауральского населе-

ния первой половины II тыс. до н. э., вероятно, сохраняется и образный строй мифологии, и ритуальная практика. При всей схематичности изображений, выполненных гребенчатым штампом, на сосудах можно легко определить уток (рис. 7, 1, 2), гусей (рис. 7, 6), лебедя (рис. 7, 3). Особенно выразителен гордо плывущий лебедь. Иконография и стилистика изображений птиц на керамике эпохи бронзы по-прежнему близка рисункам на некоторых писаницах. Так, фигуры птиц писаницы на оз. Мелком вполне сопоставимы с изображениями на сосудах пос. Нижняя Макуша, расположенного на берегу того же озера (рис. 7, 6). Это позволяет судить о том, что наскальные рисунки продолжали создаваться и в бронзовом веке.

Ареал традиционных мотивов сначала сократился до двух районов — Прионезья и Среднего Зауралья. С середины II тыс. до н. э. он расширился к югу и юго-востоку от Приуральской лесостепи и степи до Минусинской котловины. На сосудах андронидных культур лесной полосы (рис. 8, 1—9) и на керамике культур степной зоны индо-иранской андроновской общности “уточка” схематизировалась. Лишь на посуде двух культур⁶¹ узор сохраняется во второй, семантически значимой зоне (рис. 7, 7—12). В остальных он украшает различные части сосудов и, возможно, теряет свой смысл, превращаясь в простой декор.

В раннем железном веке существенно изменяется хозяйственная ситуация на Урале. Складываются четыре больших района с различным направлением форм жизнеобеспечения. Ведущая роль охоты и рыболовства сохраняется только на севере таежной зоны. В Приуралье развивается земледелие и скотоводство, а охотничий промысел носит подсобный характер. Население горно-лесного Зауралья специализировалось на металлургии меди, в южных степях Урала кочевали скотоводы. Специализация приводила к установлению хозяйственных и культурных связей народов Урала. Обмен и накопление богатств, в свою очередь, создавали угрозу нападения, особенно со стороны южных воинственных савромато-сарматских племен.

В таких условиях в каждой из четырех культурных общностей с различным хозяйственным укладом складывались мифологические представления с совершенно новым образным рядом, местные традиции сочетались с инокультурными.

В ананьинской культурной общности лесной полосы Приуралья (VII—III вв. до н. э.) при богатом и разнообразном бестиарии как в бронзе, так и в кости, образы водоплавающей и лесной птицы были единичны⁶². Изменилась их иконография. Она аналогична позе многочисленных для этого времени изображений хищных птиц с распахнутыми в полете крыльями⁶³. В этой же иконографии выполнены птицы, в том числе водоплавающие, со святилищ-костиц Приуралья более позднего времени⁶⁴, а в могильниках Среднего Прикамья появляются подвески, имитирующие лапку водоплавающей птицы⁶⁵.

В материалах памятников горно-лесного Зауралья эпохи раннего железного века изображения водоплавающей птицы неизвестны. Здесь важное место в мировидении занимает гора и хищная птица, выполненная в идентичной с прикамскими геральдической манере. Гора для металлурга — источник руды, место плавки металла, а вершина горы, окруженная рвом и валом, — место жительства и хранения богатств. На горе Караульной, Азов-горе, на вершинах скал у ст. Исеть находились святилища древних металлургов. Так, в гроте Сухореченском, в гнезде хищных птиц обнаружено семь птицевидных фигурок и округлая бляшка⁶⁶. Можно предположить, что хищные птицы, которые летают выше и быстрее других птиц, могли олицетворять движение воздуха, столь необходимое при плавке металла. А округлые бляшки, зеркала — неотъемлемые атрибуты святилищ — солнечный диск, сильный огонь, без которого невозможна удача в работе металлурга.

Почитание горы, а также “дыры в горе” выражалось еще и в том, что в Камне Дыроватом обнаружены медные наконечники стрел. Древние металлурги продолжали традицию, зародившуюся еще в эпоху мезолита и не прекращавшуюся в течение тысячелетий.

В культурах охотников и рыболовов тайги северного Урала, а также лесной зоны Зауралья и Западной Сибири, в раннем железном веке появляется ряд общих черт, имеющих прямое отношение к сюжету с водоплавающей птицей. В лесной

полосе Зауралья еще в финальной бронзе можно проследить становление нового принципа орнаментации посуды — фигурно-штампованного. Первыми видами штампов были змейка и “уточка”, повторяющая простую схему изображений на сосудах предшествующего времени⁶⁷. Новый способ орнаментации “уточкой” становится характерным также для одной из групп сосудов с памятников Средней и Нижней Оби на протяжении раннего железного века⁶⁸. “Уточка” продолжает бытовать наряду с другими видами штампов на посуде лесного Зауралья и Западной Сибири в течение почти всего I тыс. н. э.⁶⁹ “Уточка” с отростками, и без них, наряду с г-образным узором, входит в состав орнаментальных лент для украшений предметов. Подобные ленты наносились на бронзовые кельты и пронизи с памятников раннего железного века Среднего Приобья⁷⁰, а также на костяные гребни, лапидарные пластины, бронзовые перстни со святилищ Нижнего Приобья⁷¹. Пока остается неясным, сохранил ли узор “уточка” на сосудах и предметах этого района свою семантику.

Вместе с тем, В. И. Мошнянская усмотрела прямую преемственность в иконографии рукояток ложки, завершающейся головой краснозобой казарки (святилище Усть-Полуй, Нижняя Обь) с деревянной пластикой зауральских торфяников⁷². Усть-Полуй расположен далеко от горно-лесного Зауралья. Но вполне вероятно, что возникновение аналогичной иконографии не конвергентно. Звено в цепочке связей населения горно-лесного Зауралья и Нижней Оби представляют памятники верховьев р. Лозьвы. Ее начало подходит почти вплотную к истокам Вишеры Камского бассейна, истокам Печоры Северного Урала и истокам рек Северной Сосвы и Ляпин Нижнеобского региона. В верховьях Лозьвы на Туманском святилище (II в. до н. э. — III в. н. э.) антропоморфная фигура с крыльями (поздняя иконография) завершается профильным изображением двух птиц. Нижняя фигура — схематичный контур птицы неопределенного вида. Верхняя — похожа на водоплавающую птицу, собирающуюся взлететь. Можно предположить, что композиция составляет анимистическую мифему, где душа имеет облик водоплавающей птицы.

В чрезвычайно разнообразной кулайской культовой пластике Западной Сибири образ водоплавающих единичен. Это композиция, представляющая мужчину и женщину на профильном изображении гуся — случайная находка с Васюгана⁷³, а также головы водоплавающих, наряду с головами животных в ажурном древовидном литье, выражающем идею возрождения жизни, изобилия⁷⁴.

Вполне вероятно, что в этот период культурных и хозяйственных контактов, а также военных конфликтов лесных финно-угро-самодийских племен с воинственными индо-иранскими южными соседями в финно-угорскую мифологию проникают южные образы. Может быть именно в это время складывается представление о культурных героях. Мир-Суснэ-Хум как аналог восточно-иранского Митры мыслится всадником на коне⁷⁵. Мир-Суснэ-Хум, происходящий от Калташ, имеющей облик гусыни, мог летать на птице и сам превращаться в “золотого гуся, золотую утку”.

В VI—IX вв. в лесной полосе Евразии формируются исторически известные этносы — предки веси, мери, мордвы, муромы, мещеры, удмуртов, коми, манси, хантов, селькупов. В образном строе предметов этого времени от Волго-Окского междуречья до Западной Сибири одной из излюбленных фигур становится “уточка”. В финно-волжской и удмуртской группе памятников подвески — “уточки” — принадлежность женских погребений. Подвески в большинстве случаев полые, реже — плоские, ажурные — отливали из бронзы. Птица изображена схематично, туловище гладкое, либо украшено жгутовым орнаментом. В X—XI вв. подвески-уточки становятся основой шумящих подвесок, которые, в свою очередь, завершаются привесками в виде утиных лапок. Район распространения этих украшений доходит до Приладожья, откуда они проникают в Финляндию⁷⁶.

На предметах с памятников Верхнего Прикамья VI—VII вв. образ водоплавающей птицы выполнен в реалистической манере. В полых подвесках можно хорошо различать утку, болотную курочку, лебедя, гуся⁷⁷. Начало схематизации образа относится к VIII—IX вв., когда “уточки” трансформируются в основу шумящих подвесок. В это же время в третий раз, но уже в металле, происходит возврат к фор-

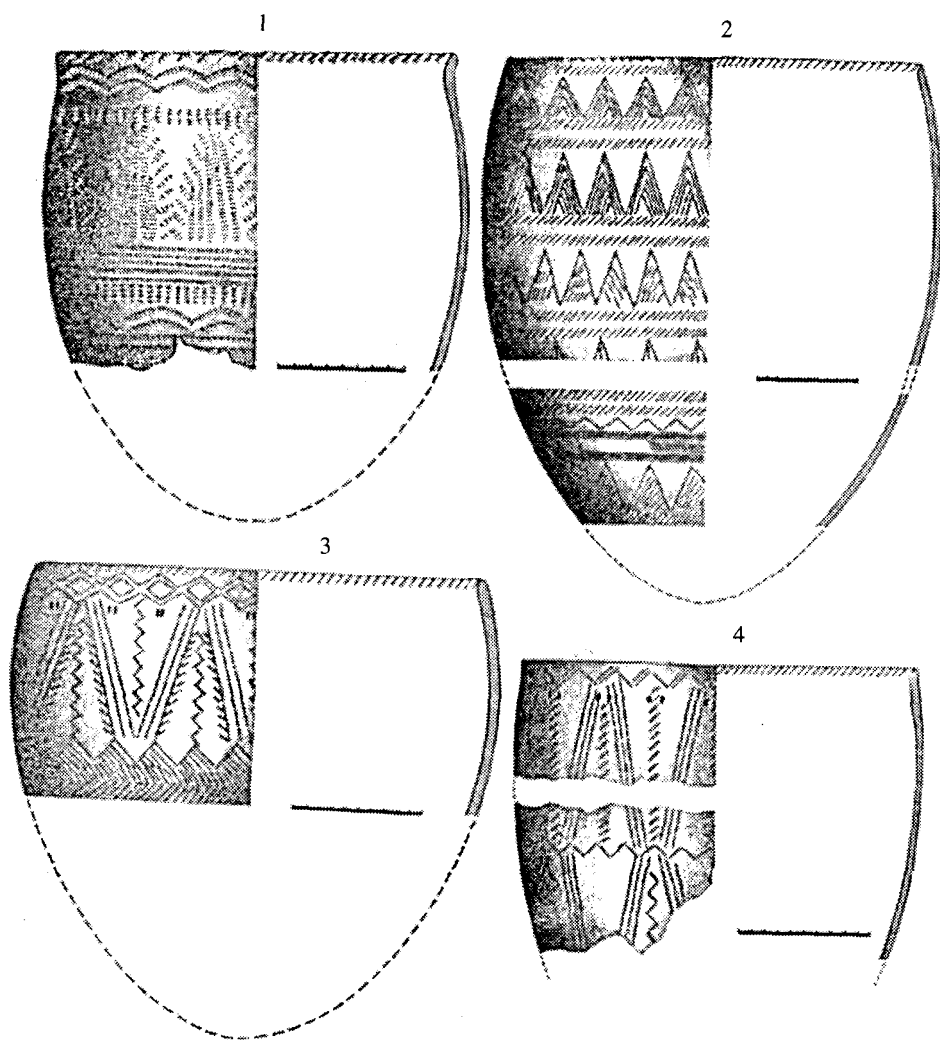

Рис. 1. Мотивы Горы на сосудах эпохи энеолита

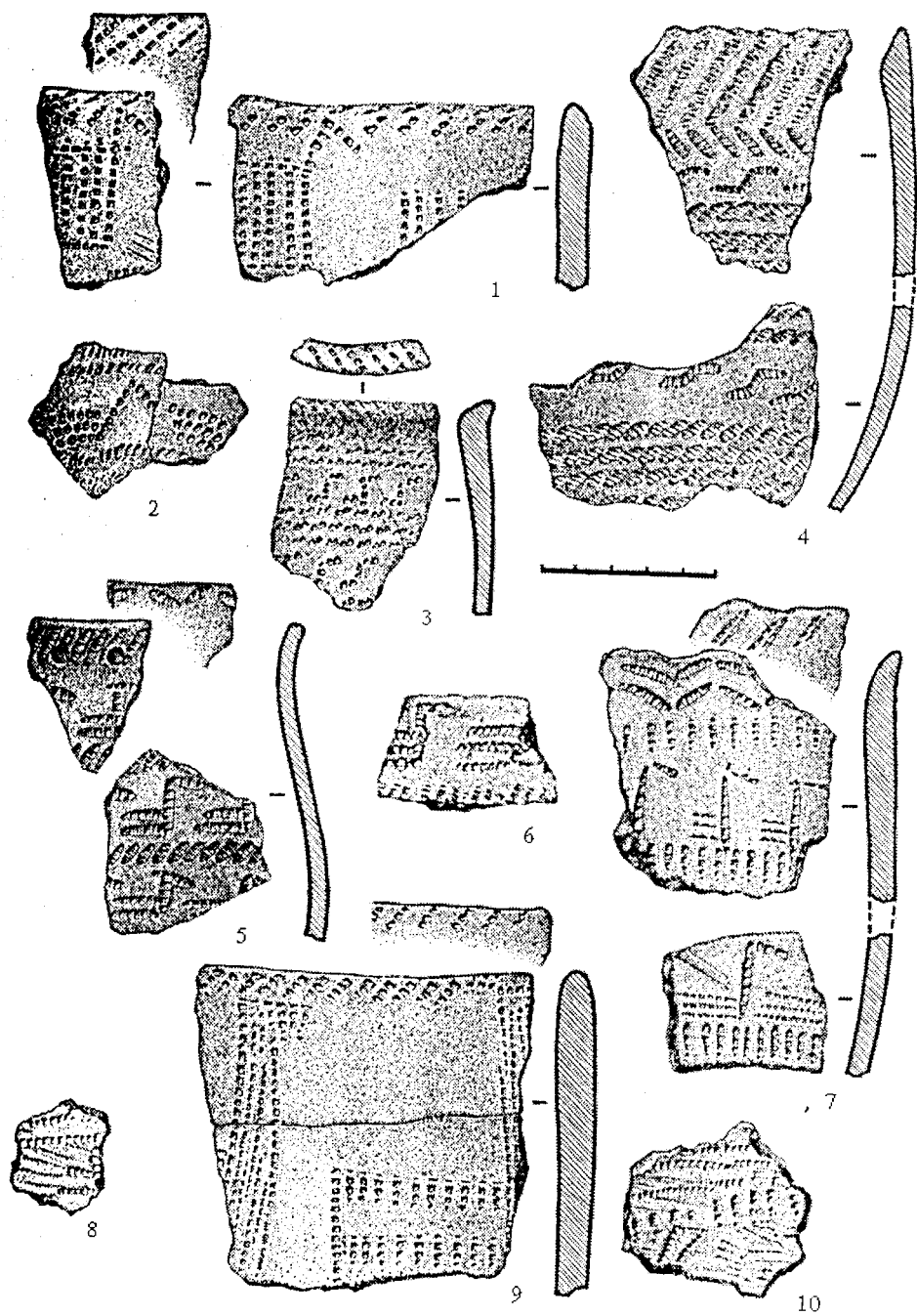

Рис. 2. Изображения птиц на сосудах эпохи энеолита

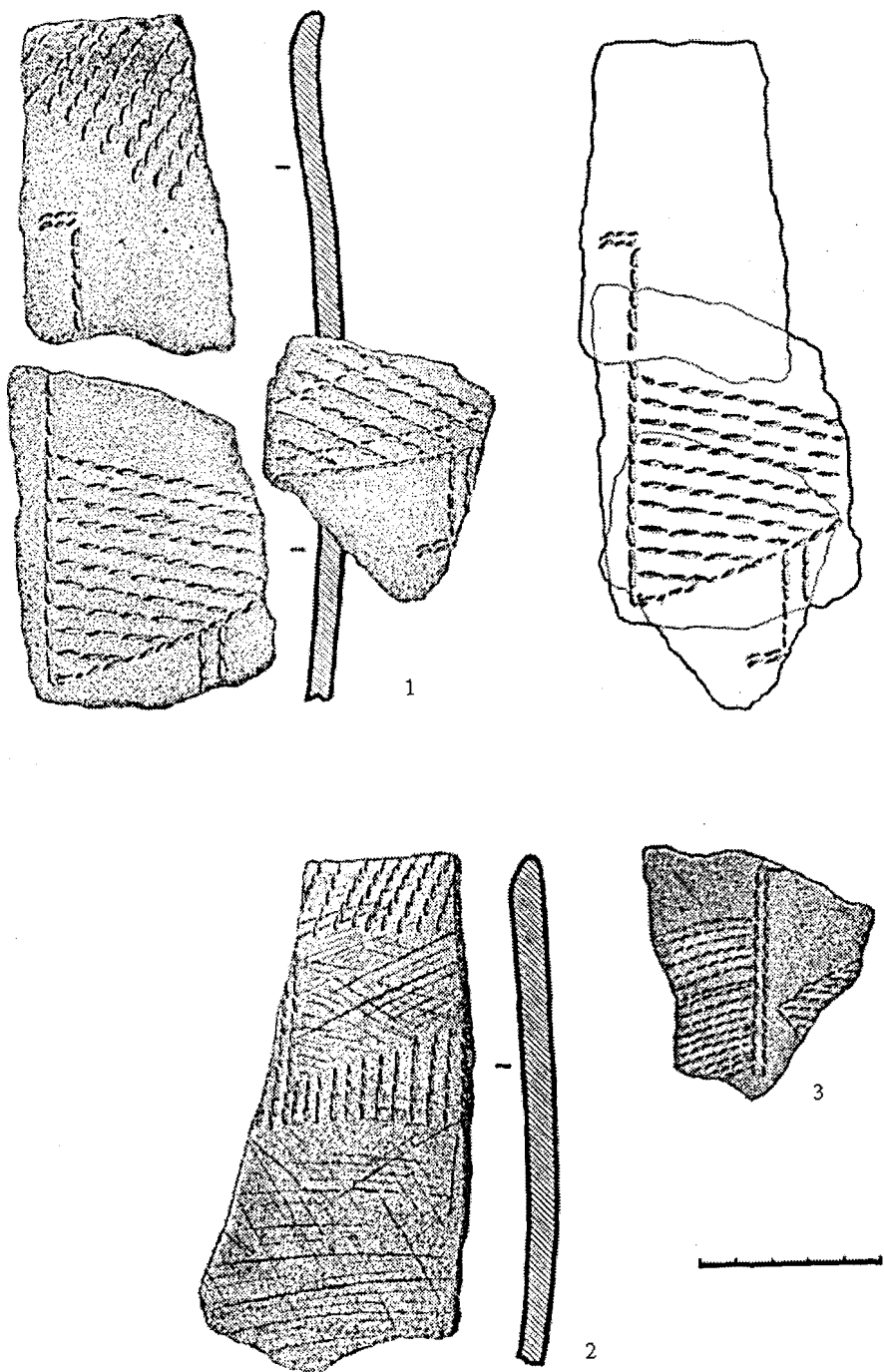

Рис. 3. Фигуры птиц на энеолитических сосудах

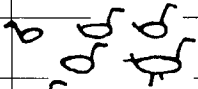
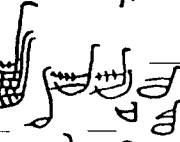
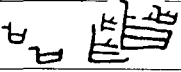
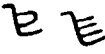
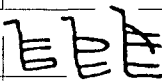
Писаницы	Группы			
	1	2	3	4
Карачинская р. Тура				
Соколинские утёсы р. Тагил				
Писаный камень р. Тагил				
Змиев камень				
Зенковская				
Коптелов камень р. Нейва				
Старичная				
Шайтан камень р. Реж				
Бородинская 2				
Сохаревская				
Раскатихинская				
У оз. Мелкого р. Исеть				
Северская				
Исетская				
Ваняшкинская 2 р. Ай				
Айская Группа				
Кульметовская				
Бурановская 2 р. Юрюзань				
Навесной Гребень				
Идрисовская 3				

Рис. 4. Основные разновидности рисунков птиц в наскальном искусстве Урала

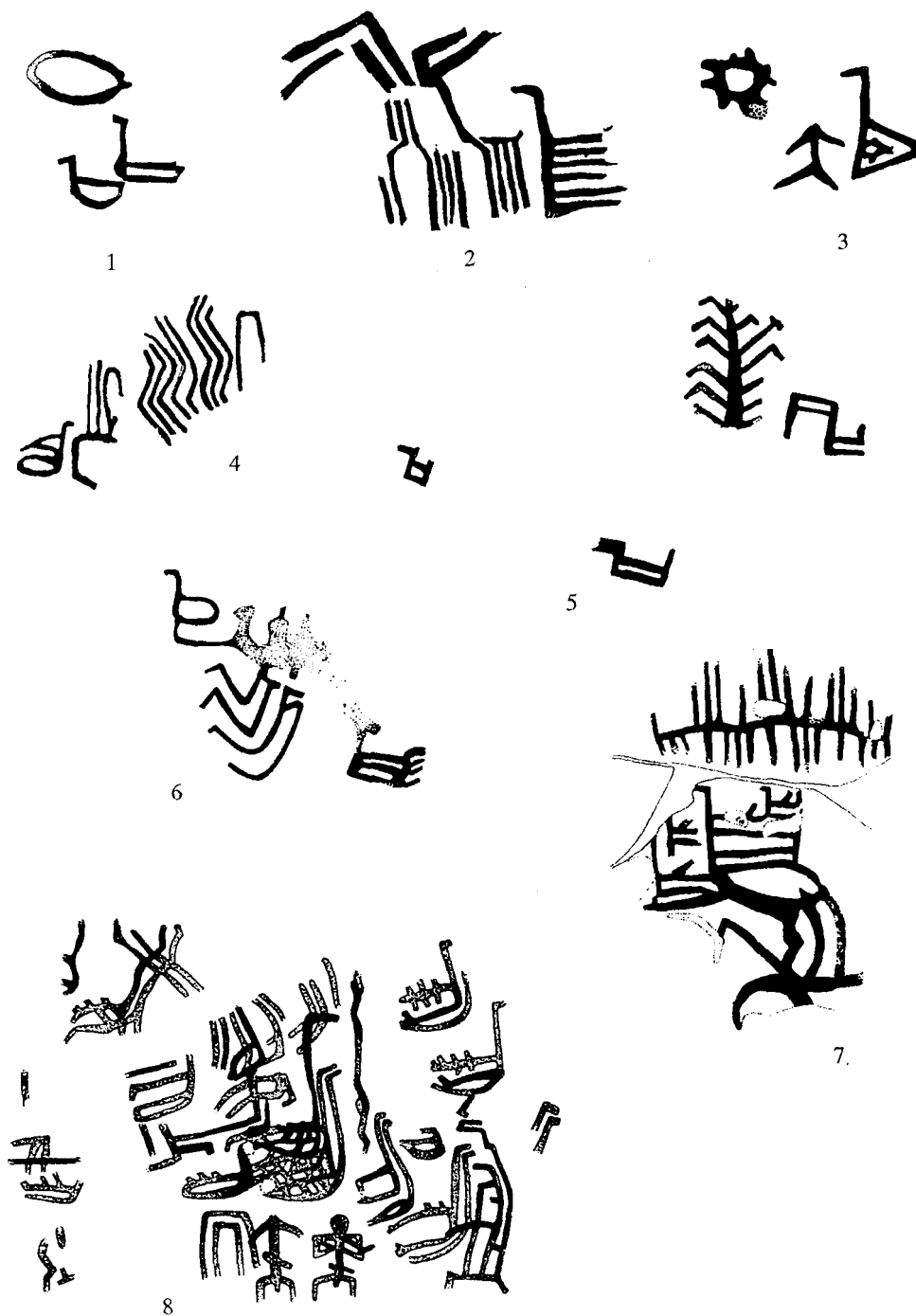

Рис. 5. Группы изображений с фигурами птиц и символических знаков

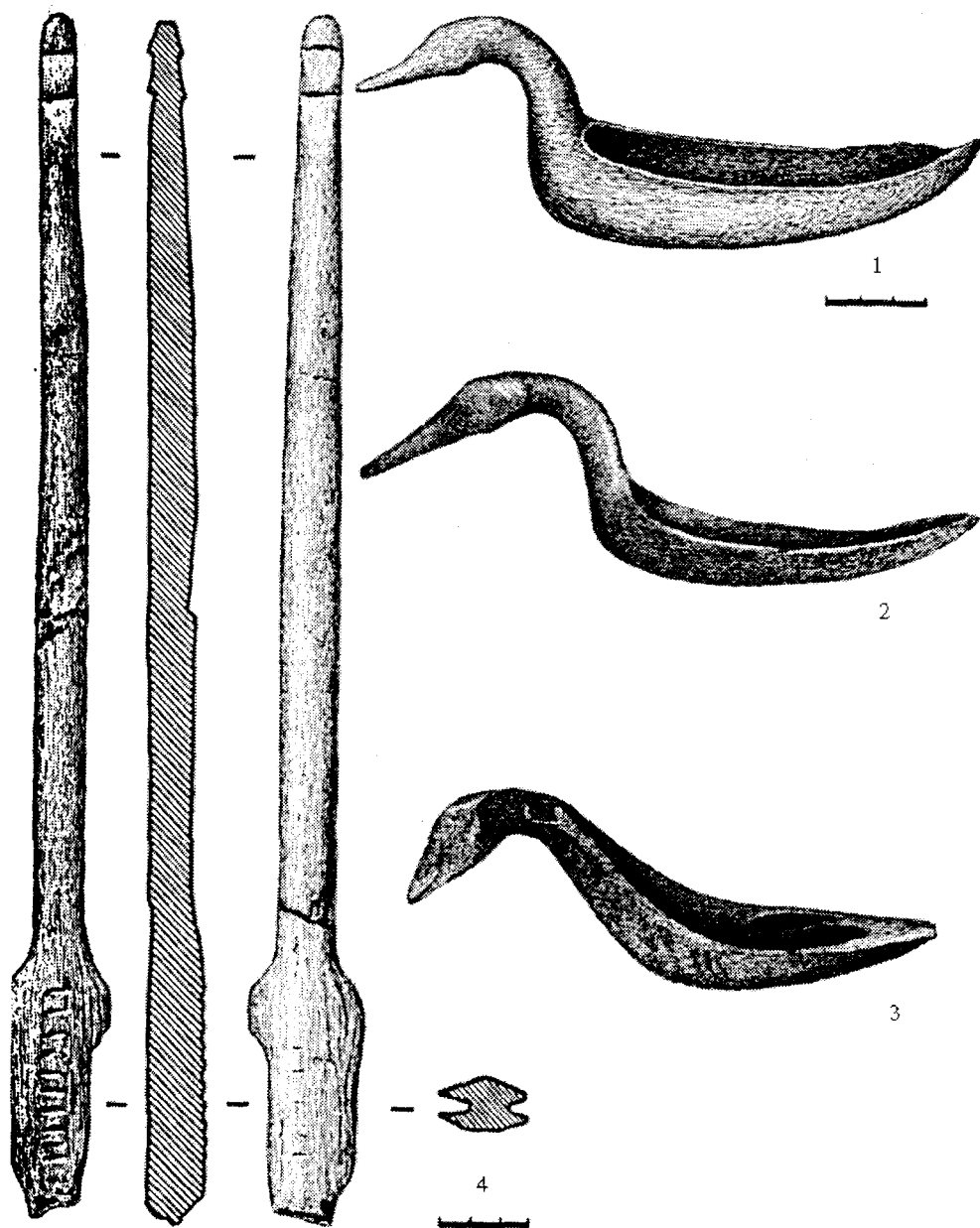

Рис. 6. Деревянные изделия с торфяниковых памятников Урала

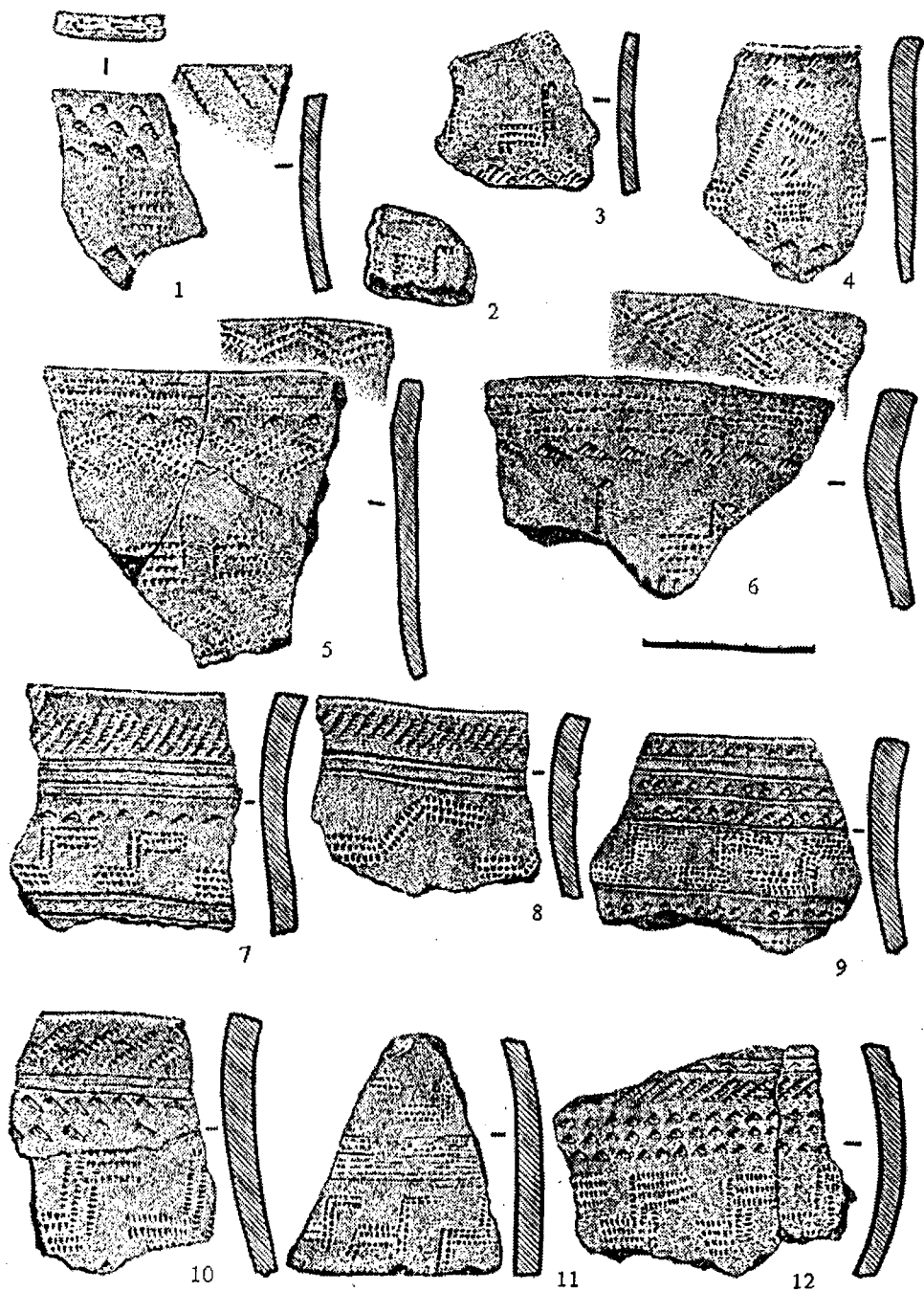

Рис. 7. Орнаментальные композиции на сосудах эпохи бронзы

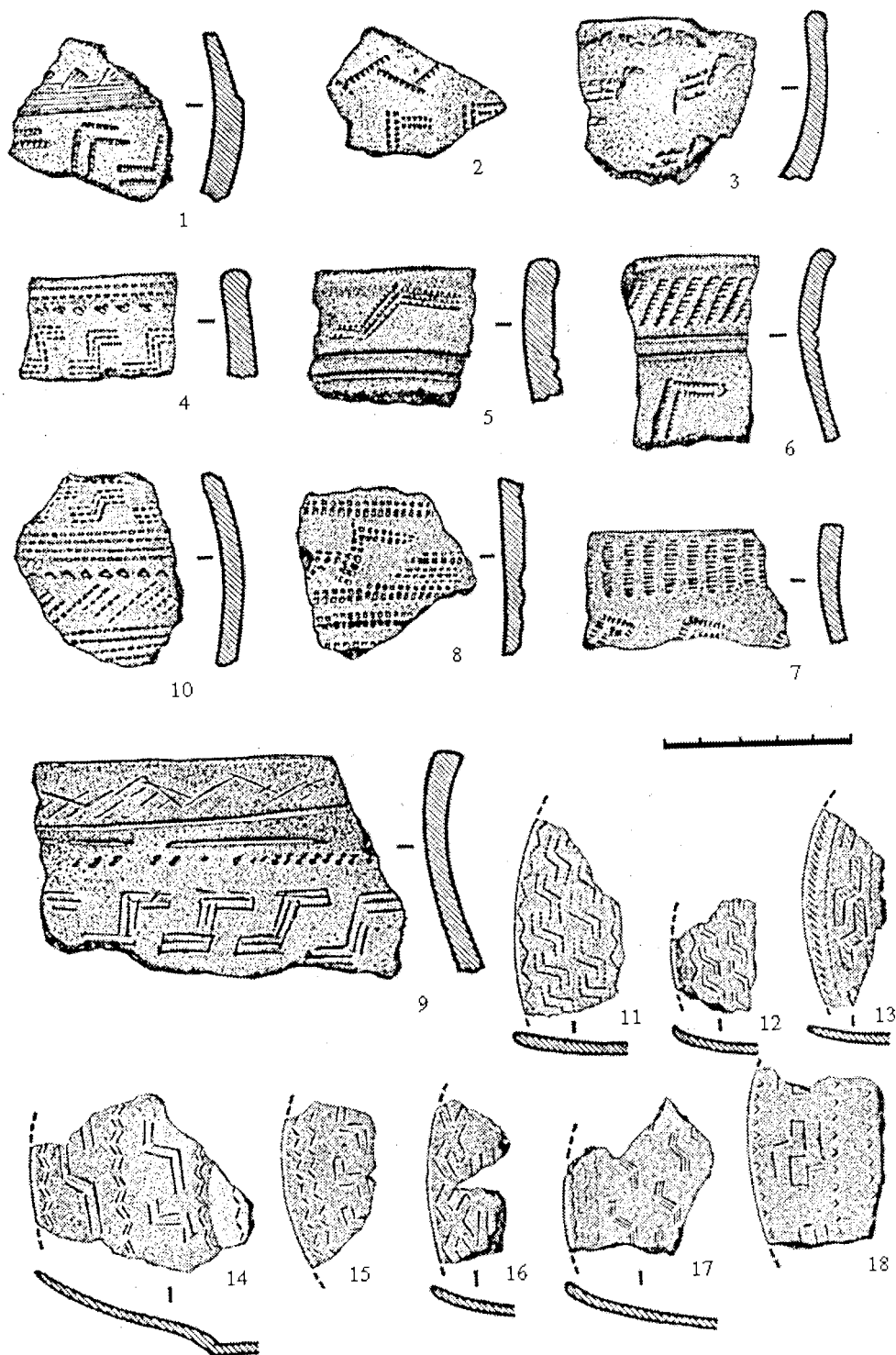

Рис. 8. Изображения птиц на сосудах эпохи бронзы

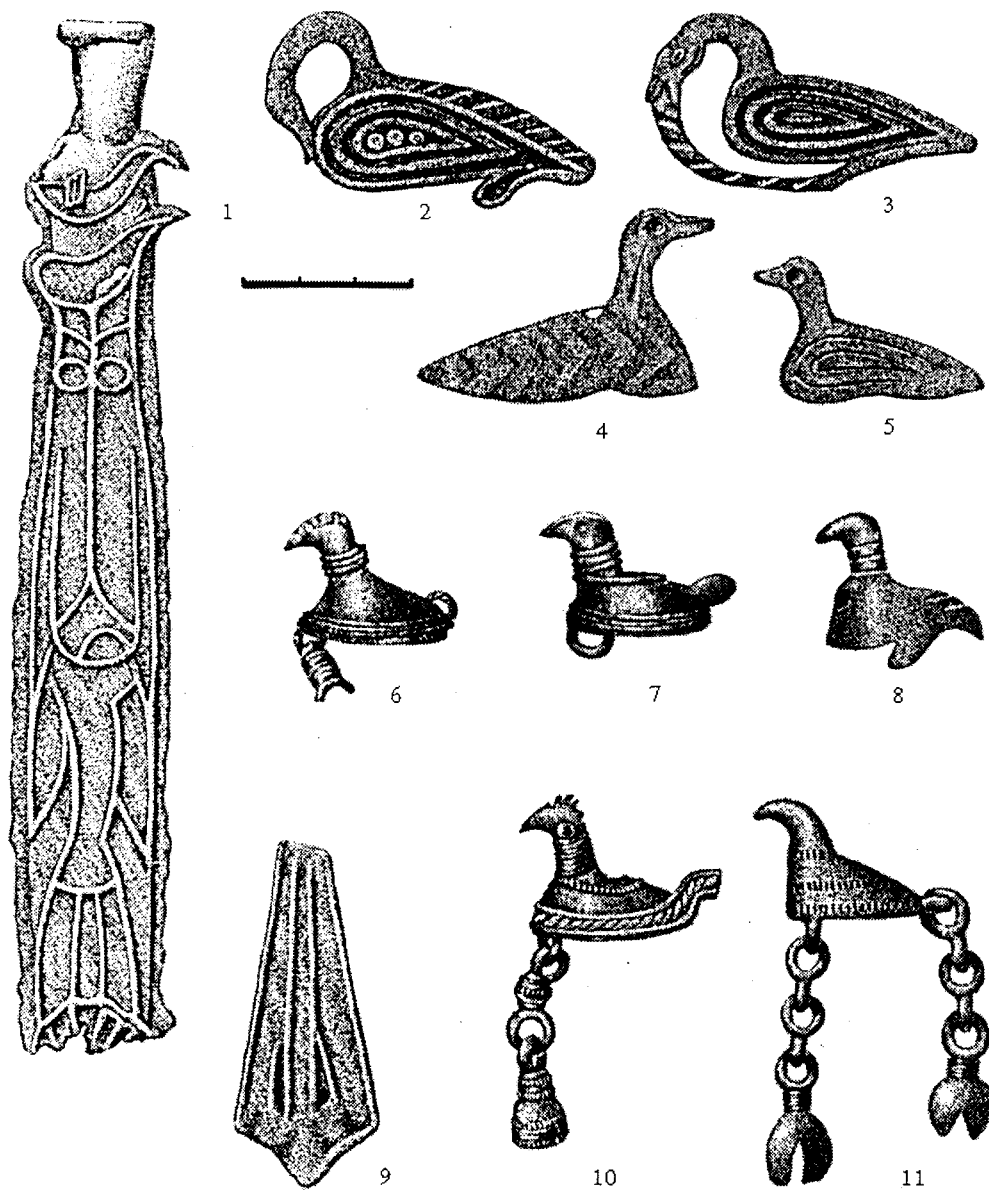

Рис. 9. Птицы в металлической пластике I — начала II тыс. н. э.

ме ритуальной ложки с ручкой в виде головы водоплавающей птицы⁷⁸. Следует отметить, что образ утки почти не встречается в многофигурных мифах культового литья этой культуры. Лишь в круглой бляхе, возможно, имеющей календарный смысл, голова медведя и профильная фигура утки могут быть предположительно поняты как фиксирующие начало весны⁷⁹. В X—XIII вв. “уточка” в качестве основы шумящей подвески или пронизки в поясном украшении широко встречается в женских погребениях приуральского населения (предков коми-пермяков и коми-зырян)⁸⁰. Видимо, в это же время украшение распространяется в лесное Зауралье⁸¹ (рис. 9, 6—8, 10—11) и Западную Сибирь⁸².

Наличие подвесок и пронизок в виде “уточек” в женских погребениях для украшения кос или пояса вполне согласуется с фольклорными текстами об анимистической значимости образа. Возможно, по принципу “часть заменяет целое” такое же значение в культурах XIII—XIV вв. приобрели подвески в виде гусиной лапки⁸³ (рис. 9, 9).

Иной путь развития был у подвески, изображающей водоплавающую птицу в реалистической манере. Речь шла о том, что в приуральских памятниках VI—IX вв. это были фигурки определенного вида птиц с гладким туловом. К этому же времени относятся подвески в виде полых уток, лебедей и гусей, декорированных перлами⁸⁴. Из Релкинского могильника на Средней Оби для этого же периода известны четыре подвески в виде гусей с открытым клювом⁸⁵. Подобные фигурки могли быть личными оберегами.

Эта идея находит подтверждение в материалах Ликинского могильника X—XIII вв. лесного Зауралья. Здесь полые подвески в отличие от подвесок-пронизок и шумящих подвесок X—XIII вв. не утратили черт реализма. Немаловажен и тот факт, что если при погребенном находились подобные подвески, то они в каждом случае были различны: в одном погребении заяц, в другом конь, в третьем гусь (рис. 9, 4), в четвертом — шесть фигурок лебедей, в пятом — три фигурки уток (рис. 9, 5) и т. п. У четырех лебедей из Ликинского могильника изящно выгнутая шея образует полукольцо, соединяющее клюв с туловищем (рис. 9, 2). У двух фигур раскрытый клюв соединен с туловищем округлой полосой (рис. 9, 3). Известны единичные находки фигур лебедей и гусей, выполненных в такой же манере с памятников Приуралья⁸⁶ и Западной Сибири⁸⁷.

Интересно отметить, что район распространения образа водоплавающей птицы на памятниках конца I — начала II тыс. н. э. примерно совпадают с таким же феноменом III тыс. до н. э. Но в эпоху энеолита это была территория охотников и рыболовов, и охота на водоплавающую птицу имела существенное значение в хозяйстве. Чего нельзя предположить при развитии земледелия и скотоводства в Восточной Европе, в том числе, в Приуралье на рубеже I и II тыс. н. э. Как объяснить подобное совпадение?

Возможно, в мифологической картине мира финно-угров лесной полосы Евразии при постоянных контактах различных этнических групп сложился пласт анимистического миропонимания с представлением о душе-птице. О культурных связях и близости мировидения финно-угорских народов этого времени свидетельствует и бытующий в пластике образный ряд: водоплавающая птица, конь, медведь, и широкое распространение на этой территории одинаковых украшений, в том числе шумящих подвесок.

Отголоски подобных связей находим в фольклоре и этнографии современных финно-угорских народов. И опять-таки в культуре народов Уральской земли наиболее рельефно представлено и почитание горы, и многозначный образ водоплавающей птицы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Башкирское народное творчество. Уфа, 1987. Т. 1. С. 14.
2. Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990. С. 297—298.
3. Коми легенды и предания. Сыктывкар, 1984. С. 73.
4. Фольклор народа коми. Архангельск, 1936. С. 53, 111.

5. Мифы, предания, сказки... С. 63, 68, 258, 291.
6. Там же. С. 344.
7. Гемуев И. Н. Вина демиурга // Обские угры (ханты и манси). М., 1991. С. 175—179.
8. Антология фольклора народностей Сибири и Дальнего Востока. Красноярск, 1989. С. 110.
9. Мифы, предания, сказки... С. 270—271.
10. Там же. С. 70.
11. Там же. С. 295.
12. Там же. С. 414.
13. Там же. С. 431.
14. Там же. С. 432.
15. Новикова Н. И. Некоторые этнические особенности календарной обрядности манси // Обские угры (ханты и манси). М., 1991. С. 157.
16. Там же. С. 161.
17. Напольских В. В. Древнейшие финно-угорские мифы о возникновении земли // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990. С. 6.
18. Там же. С. 7.
19. Мифы, предания, сказки... С. 258, 272.
20. Там же. С. 63.
21. Антология фольклора... С. 110.
22. Мифы, предания, сказки... С. 530—531 (примечания Н. В. Лукиной).
23. Мифы, предания, сказки... С. 296.
24. Там же. С. 271.
25. Там же. С. 388—389.
26. Чернецов В. Н. Представления о душе у обских угров // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959. С. 137—138.
27. Елинек Я. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. Прага, 1983. С. 214.
28. Гуслицер Б. Н., Канивец В. И. Пещеры Печорского Урала. М., 1965; Гуслицер Б. Н., Павлов П. Ю. Верхнепалеолитическая стоянка Медвежья пещера (новые данные) // Памятники эпохи камня и металла Северного Приуралья. Сыктывкар, 1988. С. 5—18.
29. Гуслицер Б. Н., Павлов П. Ю., Панюкова Н. Н. Биостратиграфия и возраст отложений пещеры Студеной на Верхней Печоре // Биостратиграфия фанерозоя Тиманско-Печорской провинции. Сыктывкар, 1962. С. 103—144.
30. Гуслицер Б. Н., Павлов П. Ю. О первоначальном заселении Северо-Востока Европы. Сыктывкар, 1987.
31. Бадер О. Н. Палеолит Урала и заселение Севера // VII Международный Конгресс Антропологических наук. М., 1964. С. 1—10.
32. Волокитин А. В., Тихонова Н. Р., Широков В. Н., Смирнов Н. Г., Быкова Г. В., Ражев Д. И., Улитко А. Н. Археологический памятник в гроте Бобылек (Средний Урал) // Археологические открытия Урала и Поволжья. Йошкар-Ола, 1994. С. 33—35.
33. Бибииков С. Н. Пещерные палеолитические местонахождения в нагорной полосе Южного Урала // Советская археология, 1950. Вып. XII. С. 67—104.
34. Нехорошев П. Е. Исследования палеолита на Южном Урале // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989. С. 129—131.
35. Щербакова Т. И. Палеолит Южного и Среднего Урала. Дисс.... канд. ист. наук. Л., 1985.
36. Смирнов Ю. А. Мустьерские погребения Евразии. М., 1991. С. 340.
37. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 1986. С. 354.
38. Щелинский В. Е. Настенная живопись Каповой пещеры на Южном Урале (датировка, размещение, культурная принадлежность) // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М., 1990. С. 47—55.
39. Петрин В. Т. Палеолитическое святилище в Игнатьевской пещере на Южном Урале. Новосибирск, 1992. С. 73.
40. Там же. С. 82.
41. Фролов Б. А. Астральные мифы и рисунки // Очерки истории естественно-научных знаний в древности. М., 1982. С. 42—43.
42. Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала // САИ, 1971. Вып. В4—12(2). С. 108.
43. Ковалева В. Т., Ивасько Л. В. О реконструкции мифологической картины мира древнего населения Зауралья // Проблемы культуругенеза и культурное наследие. СПб., 1993.

44. Ошибкина С. В. Об изображении птиц на керамике эпохи бронзы в Восточном Прионежье // КСИА, 1980. Вып. 161. С. 46.
45. Гурина Н. Н. Водоплавающая птица в искусстве неолитических лесных племен // КСИА, 1972. Вып. 131. С. 36; Мошинская В. И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М., 1976. С. 30—31.
46. Формозов А. А. О наскальных изображениях эпохи камня и бронзы в Прибайкалье и на Енисее // СЭ, 1967. № 3. С. 83.
47. Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала. С. 106.
48. Сериков Ю. Б. О находках произведений искусства на стоянке Юрьино IV (Зауралье) // СА, 1978. № 4. С. 245—248.
49. Замятин С. Н. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы // СА, 1948. Т. X. Рис. 5, 1, 12.
50. Там же. С. 113.
51. Эдинг Д. Н. Резная скульптура Урала // Тр. ГИМ, 1940. Вып. 10. С. 41; Мошинская В. И. Древняя скульптура Урала в Западной Сибири. С. 81.
52. Сериков Ю. Б. Кокшаровско-Юрьинская торфяниковая стоянка в Среднем Зауралье // РА, 1992. № 4. С. 131—147.
53. Ванкина Е. А. Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига, 1970. С. 103.
54. Крайнов Д. А. Стоянка и могильник Сахтыш VIII // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 46—55.
55. Напольских В. В. Древнейшие финно-угорские мифы о возникновении земли... С. 5—12.
56. Сериков Ю. Б. Исследование грота на Камне Дождевом // ВАУ, 1993. Вып. 21. С. 133.
57. Шорин А. Ф. Доандроновское погребение могильника Березки Vg в горно-лесном Зауралье // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991. С. 74—75.
58. Сериков Ю. Б. Исследование грота на Камне Дождевом... Рис. 8, 6, 14, 45.
59. Эдинг Д. Н. Резная скульптура Урала... С. 71.
60. Федорова Е. Г. Мир богов — Мир людей — Мир мертвых (по материалам этнографии и фольклора обских угров) // Научный семинар по теме: "Проблемы изучения духовной культуры древних обществ". Екатеринбург, 1994. С. 20—24.
61. Коптяковская культура горно-лесного Зауралья и федоровская культура андроновской культурно-исторической общности.
62. Корепанов К. И. Особенности генезиса звериного стиля в прикладном искусстве Среднего Поволжья и Прикамья (VII—III вв. до н. э.) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980. С. 297.
63. Збруева А. В. История Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА, 1952. № 30. Табл. IV, 6.
64. Оборин В. А. Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. Пермь, 1976. Табл. 8, 1.
65. Агеев Б. Б. Пьяноборская культура. Уфа, 1992. Табл. 3, 17, 19, 23—25.
66. Смирнов Н. Г., Ерохин Н. Г., Быкова Г. В. и др. Грот Сухореченский — памятник истории природы и культуры в Красноуфимской лесостепи // История современной фауны Южного Урала. Свердловск, 1992. Рис. 5.
67. Викторова В. Д. Этапы развития фигурно-штампованной орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды // ПХКПАТЗС. Томск, 1970. Табл. III.
68. Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья. Томск, 1984. Табл. 5.
69. Викторова В. Д. Этапы развития... Табл. II, 10; Чиндина Л. А. Приобье в эпоху раннего средневековья. Томск, 1991. Рис. 13.
70. Чиндина Л. А. Древняя история... Рис. 8, 7—9; 10, 9.
71. Мошинская В. И. Археологические памятники Севера Западной Сибири // САИ, 1965. Вып. Д. 32—8. Табл. 13, 6; 16, 15; 17, 3, 8.
72. Она же. Древняя скульптура Урала... С. 91.
73. Полосымак Н. В., Шумкова Е. В. Очерки семантики кулайского искусства. Новосибирск, 1991. Рис. 12.
74. Там же. Рис. 33, 3, 4, 5.
75. Там же. С. 61.
76. Голубева Л. А. Зооморфные украшения финно-угров // САИ, 1979. Вып. EI-59. С. 17—19.
77. Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985. Табл. XXIII, 8, 9, 10, 12.
78. Там же. Табл. XXI, 23, 24.
79. Грибова Л. С. Пермский звериный стиль. М., 1975. Табл. V-I.

80. Савельева Э. А. Реконструкция женского костюма по материалам Лоемского могильника // Материальная и духовная культура населения Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1987. Рис. 3, 11, 12; рис. 5, 9.

81. Викторова В. Д. Ликийский могильник X—XIII вв. // ВАУ, 1973. Вып. 12. Табл. XII, 4.

82. Зыков А. П., Кокиаров С. Ф., Терехова Л. М., Федорова Н. В. Угорское наследие. Екатеринбург, 1994. Кат. № 298, 299.

83. Савельева Э. А. Археология Коми АССР. Сыктывкар, 1984. Рис. 19—72; Викторова В. Д. Ликийский могильник., рис.; Зыков А. П., Кокиаров С. Ф., Терехова Л. М., Федорова Н. В. Угорское наследие. Кат. № 147—150, 253.

84. Оборин В. А., Чагин Г. Н. Искусство Прикамья. Чудские древности Рифея. Пермь, 1988. Кат. № 28, 30, 33, 34.

85. Чиндина Л. А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья. Томск, 1991. Рис. 21, 4.

86. Буров Г. М. Бронзовые культовые плакетки западносибирского стиля на Европейском Северо-Востоке // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск. 1984, рис. 3, 12.

87. Зыков А. П., Кокиаров С. Ф., Терехова Л. М., Федорова Н. В. Угорское наследие, Кат. № 120, 121.

MOUNT AND WATER BIRD IMAGES IN THE WORLD VIEW OF ANICENT URALIAN POPULATION

The complicated world of ancient mythology embraced mount and water bird images. Authors analysed mythical repertoire of the Uralian population. Folklore occurring at different times provides to authors to correlate the earliest layers of ancient mythology with archaeological data from forest and moutain-forest zones of the Urals. Roots of multimeaning myths about mount as an universe's heart should be looking in the Paleolithic period. Further they evoluated in Neolithic-Eneolithic periods when appeared image of water bird. Mythology has been enriched at other periods keeps plots of mount, tree and bird in Uralian folklore.

V. D. Victorova, V. N. Shirokov, N. M. Chairkina

В. Т. Ковалева

СКРЫТЫЕ СИМВОЛЫ ДРЕВНЕГО ЗНАНИЯ

“... ни наука, ни техника, ни философия не отразят душу народа. Ее прочтем лишь, отраженную в памятниках искусства”.

Н. Рерих

В изучении первобытных обществ археологами основное внимание традиционно уделяется характеристике материальной культуры и хозяйства. Социальной организации и духовной жизни придается, как правило, меньшее значение. Причина тому — специфика археологического источника, позволяющего порой достаточно убедительно реконструировать уровень технологического развития, формы хозяйственной деятельности отдельных обществ. Изучение духовного творчества, составляющего глубинный пласт культуры, требует от исследователя иных подходов к источнику, дополнительных знаний, умения понимать язык культуры.

Настало время отказаться от излишне упрощенных процедур получения знания, когда сложные проблемы, связанные с генезисом археологических культур, этнокультурных и этногенетических процессов, решаются арифметическим подсчетом сходства элементов или мотивов на керамике, технологий изготовления каменных орудий и т. д. Между тем однотипные технологии фиксируют общее в разных культурах, совсем не обязательно родственных или синхронных.

Специфика культуры отдельного социума (в том числе и археологической культуры) проявляется в ее несхождении с другими культурами одного технологического уровня развития, в ее индивидуальном (единичном) начале. Любой культуре свойственна система идеалов, норм и правил поведения, стандартов и эталонов деятельности, понимание самих себя и окружающего мира, выработанные в совместной трудовой деятельности и передаваемые последующим поколениям. Духовные ценности составляют основу и фундамент культуры.

Человек первобытной эпохи обладал способностью переводить окружающее в символы и строить из них мир. Беспощадное время сохранило для нас лишь те крохи удивительного мира символов, которые воплощены в рисунках, скульптуре, орнаментах, архитектуре и т. д. Красота и увлекательность истории в том и состоит, чтобы, преодолевая трудности научного поиска и лень, познать многообразие, бесчисленные формы культур.

Работая с археологическим источником, нет иного способа понять культуру прошлого, кроме интерпретации, дешифровки знаковых систем. Возможно ли это? Целостное представление о первобытной эпохе зависит от совокупности подходов, методов и приемов, которые позволяют осуществить понимание прошлого. Необходимо восхождение от уровня археологической предметности к уровню социально-исторической целостности, расширение горизонта нашего знания за счет смежных дисциплин гуманитарного цикла — семиотики, исторической психологии, мифологии и т. д.

С конца XIX в. в ходе рефлексии о различиях между науками о природе и науками о духе “диктатуре логоса” был противопоставлен метод истолкования, по-

нимания — герменевтика. К истолкованию произведения интерпретатор подходит с определенным предположением, предпониманием, основанным на опыте, знании, интуиции исследователя. Модель понимания, интерпретация смысла произведения (текста) представляет собой герменевтический круг, когда закономерности постигаются в цепи совпадений: смысл целого выстраивается из частей, а через части познается целое. Принцип интерпретации должен быть многовариантным, направленным на диалог с людьми другой культуры¹.

На ранних этапах человеческой истории всеобщим типом проявления миропонимания была мифология. Древние люди создали духовный мир, поразительный по богатству идей и образов, по красоте его выражения в фольклоре, изобразительном искусстве. Суть вещи или явления передавали геометрическим узором, числом, цветом. Так они осмысливались архаическим сознанием, выражали скрытое содержание реальности, ее значение. Эта реальность не раскрывается сразу, с первого взгляда, но постигается чувством, интуицией, разумом. Выделяют три типа символов: договорные — ограниченные группой людей, принявших то или иное соглашение, обозначение; случайные, индивидуальные по своей природе; и универсальные — когда всеми людьми воспринимается внутренняя связь между символом и тем, что он обозначает².

Язык символов, как отмечает Э. Фромм, единственный универсальный язык, изобретенный человечеством, единый для всех культур во всей истории³. Заключение в символах информацию можно понять только в контексте данной культуры, потому что в разных культурах одни и те же символы могут иметь разное значение. На языке символов создавались мифы, в которых человек реализовал и объяснял свои представления о мире и о себе. Первобытное мышление с его неспособностью провести четкое различие между естественным и сверхъестественным превращало мифологию в своеобразную символическую (знаковую) систему.

Для раннего неолита Среднего Зауралья автором выделены культуры, характеризующие две линии развития: козловская (автохтонная) и кошkinsкая (мигрирующая)⁴. Не прекращаются дискуссии о месте комплексов кошkinsкого типа в кругу неолитических памятников Зауралья. Одни исследователи считают памятники кошkinsкого типа поздними⁵, хотя их ранний возраст подтвержден неоднократно стратиграфией, типологией, абсолютными датами; другие находят их сходство с козловскими и на этом основании считают памятники кошkinsкого типа вариантом козловской культуры. Действительно, если сравнивать технологический уровень этих комплексов, то они во многом сходны. Мало различаются они и по технике орнаментации на керамике. Сходными являются многие мотивы, как и для большинства ранне-неолитических культур Евразии. Однако, обращаясь к анализу мотивов на керамике козловской группы, можно выделить те немногие, которые не встречаются на керамике кошkinsкого типа и являются наиболее семантически значимыми. Такими редкими и специфическими мотивами выступают зооморфные изображения по краю сосудов, вписанные друг в друга углы, зоны из взаимопроникающих и разнотрихированных треугольников и др.

У всех народов мира существуют мифы о происхождении Вселенной, о возникновении мирового порядка, о месте человека в окружающем мире. Природа служила фоном и источником мифотворчества. В определенные эпохи возникали сходные вопросы и близкие по смыслу ответы, но форма воплощения смысла была различной. В поисках лаконичной и выразительной формы постоянно пульсировали человеческая мысль и эмоции.

На поселении Евстюниха I у г. Нижнего Тагила найден сосуд с сочетанием мотивов из вписанных друг в друга углов, горизонтальных поясов из сдвоенных ямочных вдавлений, расположенных между широкими горизонтальными зонами из волнистых линий (рис. 1, 1). Прямой и волнистой линиями у многих древних людей обозначались земля и вода, а фигура из вписанных друг в друга углов (многослойная пирамида) может быть символом горы. В графическом рисунке на сосуде, вполне возможно, передано представление о возникновении и устройстве мира: земля окружена водами Мирового океана. Центром мироздания была гора — мировая ось, разделяющая небо и землю.

По-видимому, уже к началу V тыс. до н. э. у древнего населения Урала сложилось представление о трехчастной вертикальной структуре Вселенной. Гора, располагаясь в среднем мире, вершиной упиралась в небо, а полость горы соединялась с водной стихией. Гора в мифологиях многих народов — средоточение созидательных сил, откуда берет начало упорядоченная жизнь Вселенной. Доминирование мотива из волнистых линий, символизирующих воду, по-видимому, отражает представление о воде как первоэлементе, из которого возникла Вселенная. Мотив “горы среди вод мирового океана” встречается и на других зауральских раннеэнеолитических поселениях (рис. 1, 2).

Горизонтальные зоны на керамике козловского типа иногда разделяются вертикальными столбиками из параллельных линий, вероятно, символизирующих лестницу, соединяющую три мира по вертикали, являясь аналогом мирового дерева (рис. 1 — 6, 8).

На ряде памятников лесного Зауралья — Полуденка I, Кокшаровский холм, Махтыли холм и др. — найдены фрагменты от сосудов с рельефными зооморфными изображениями по краю сосудов с внешней, реже — с внутренней стороны (рис. 1 — 5, 7, 8). На поселениях такие находки единичны, но значительные их серии собраны на памятниках-холмах. Можно предположить использование сосудов с рельефными изображениями в ритуале, связанном с тотемистическим культом предков. Декоративное оформление в данном случае преследовало не столько художественную цель, сколько определялось религиозно-мифологическим содержанием. Схематизированные образы — тотемные предки — это персонификация человеческой общины в зооморфной мифологической форме. Тотемизм был формой групповой солидарности и формой социальной регуляции. Ритуальное поведение выступало средством укрепления единства коллектива, обеспечивало его стабильность через поддержание статуса каждого члена первобытной общины. Сосуды могли быть наполнены ритуальной пищей (мясо или кровь тотемного животного), поедание которой было символом единства кровнородственного коллектива. Интересно отметить, что на ряде сосудов “лестница” или “дерево мировое” вершиной соединялись с зооморфным изображением. Судя по наличию ушей, эти изображения не могут быть птицами — маркерами верхнего мира. Может быть с верхним миром связаны души тотемных предков?

Еще одной важнейшей темой, так или иначе нашедшей отражение во всех ранних мифологиях, является идея рождения, акт творения, осознанная как взаимодействие мужского и женского начал, священный брак — символ жизни. Известны разные символы для их обозначения: у китайцев ян — небо (мужское начало) и инь — земля (женское начало), графически изображались как две равновеликие капли с точкой, заключенные в круг: белая капля с черной точкой (ян) и черная капля с белой точкой (инь). Ян-Инь — символ вечного единения и проникновения друг в друга земли и неба.

На посуде уральского населения эта идея священного брака, порождающего жизнь, передавалась мотивом из взаимопроникающих, треугольников, в котором женское начало — конус вершиной вниз, а мужское — конус вершиной вверх (рис. 1 — 3, 4).

Одним из наиболее известных культовых памятников Среднего Урала является Камень Дыроватый, расположенный на левом берегу р. Чусовой (Пригородный район Свердловской области). Скала Камня, высотой до 80 м, протянулась на целый километр. Пещера труднодоступна, так как расположена на отвесной скале на высоте 20 м от подножия и на 40 м ниже ее вершины (рис. 2). В полости пещеры и около нее археологами найдены многочисленные (более 20 тыс.) целые и со сломанным острием наконечники стрел из кости, камня, бронзы, железа (раскопки А. Н. Прокошева и Ю. Б. Серикова), ранние из которых относятся к мезолиту и неолиту.

Ю. Б. Сериков отмечает уникальность памятника, однако всякая уникальность относительна. Подобные святилища известны в бассейне р. Печоры⁶, у г. Ачинска в Южной Сибири — Айдашинская пещера⁷ и др. С древнейших времен повсемест-

но наконецник стрелы был олицетворением мужского активного начала, полость горы воспринималась как лоно матери-земли (женский детородный орган). Стрельба из лука по пещере была, по-видимому, имитацией священного брака — мужского и женского начал. Идея возрождения природы, размножения животных и была, на наш взгляд, основой ритуала, повторяемого многократно мужским охотничьим коллективом в начале весны. Мир, согласно мифологическим представлениям, возрождается всякий раз, когда имитируется сакральный брак. Такие коллективные оргии, отмечает М. Элиаде, происходят в определенные критические периоды года⁸.

События, связанные с находками у Камня Дыроватого, можно истолковать и несколько иначе. Согласно представлению первобытных коллективов о круговороте времени, акт творения связывался с умиранием и воскрешением. Стреляя в пещеру, олицетворяющую лоно женщины, лоно Земли, через символическую смерть стремились возродить природу, обеспечить всеобщее изобилие. Единичные находки костей животных в пещере не стоят в противоречии с нашей интерпретацией, поскольку ритуал мог завершаться жертвоприношением. Жертва ассоциировалась с жизнью. Многие ритуалы в древности связаны были с жертвоприношением⁹.

Ежегодно участвуя в повторении ритуала, человек архаических обществ чувствовал себя “творцом”, созидателем, причастным к космогоническим актам творения¹⁰. Человек отводил себе в мире роль не пассивного наблюдателя, а активного творца, участника важнейших событий.

Автохтонное население Зауралья в ранненеолитическое время, судя по всему, преимущественно занималось охотой, связанной с подвижным образом жизни. Не случайно гора нашла отражение в мифологии. С переходом к оседлости, связанной с рыболовством, появились аналоги священной горе — искусственные холмы-святилища. Тотемистическая идеология также характерна преимущественно для общества охотников и рыболовов. Мотивы, символизирующие мировое дерево, скорее всего были заимствованы у населения кошкинской культуры, хотя могли сложиться и в местной среде.

У населения, оставившего памятники кошкинского типа, наиболее характерным является мотив “древа мирового” в различных модификациях, но чаще всего — ствол с расходящимися в разные стороны, симметрично расположенными по три, семь и более ветвями (рис. 3 — 1, 2, 4). В парности ветвей, возможно, заключена идея двойственности, противопоставления (мужское и женское начала). В то же время симметричное расположение ветвей, особенно с тремя и семью ветвями, могло символизировать гармонию, устойчивость, равновесие. Особая функция отводилась стволу, соединяющему противоположности (верх-низ, левое-правое) и организующему двойственность в целостность. Центральность ствола символизировала центр земной по отношению к четырем сторонам света, соединяя горизонтальную и вертикальную модели Вселенной.

Интересны по набору культовых сосудов находки на поселении Ташково III в Курганской области, нижний слой которого датирован серединой V тыс. до н. э.¹¹ Наряду с мотивами “древа мирового” ветвями вверх, найден фрагмент сосуда с изображением дерева ветвями вниз (рис. 3, 5). Мифологическое значение образа позволяют уточнить письменные источники. Образ мирового дерева упоминается в древнейшем письменном источнике Индии “Ригведе”:

“В бездонном (пространстве) царь Варуна с чистой силой
Держит прямо вершину дерева.

Ветви направлены вниз. Их основание — наверху”. (РВ I 24, 7).

Образ перевернутого дерева известен по другим древнеиндийским источникам: “С неба корень тянется вниз, с земли он тянется вверх” (Атхарваведа II 7,3). Согласно Бхагавадгите — дерево Жизни и Бытия — атваттха — растет “С корнями вверх, с ветвями вниз” (XV 1, 2). Космическая функция перевернутого дерева подчеркивается в упанишадах:

“Наверху (ее) корень, внизу ветви, это вечная смоковница.

Это чистое, это Брахман, это зовется бессмертным.

В этом утверждены все миры, никто не выходит за его пределы.

Помните, это — То”. (Катха упанишада II 3, 1).

Перевернутое дерево заключало идею некоего начала, первожденного дерева. Древо было опрокинuto, и корни его зарождались в небесах и вырастали из бескорневого корня. Его ствол развивался, оно распространяло во всех направлениях свои роскошные ветви, пока не достигло земного плана. Корни изображают высшую сущность или Первопричину. Древо всегда зеленеющее, ибо оно орошено водами жизни¹².

На этом же поселении найден фрагмент от сосуда — единственный в своем роде — с изображением двух антропоморфных личин (рис. 3, 6). По-видимому, схематически изображены личины или маски предков в антропоморфной форме.

На другом поселении — Андреевское озеро XIII около Тюмени — в слое с керамикой кошкинского типа найдена миниатюрная глиняная антропоморфная головка (рис. 3, 3). Как и на рисунке, схематично переданы черты лица — глаза, рот, нос, а также прическа. В основании головки — отверстие, скорее всего, для установки фигурки на возвышенном месте и использовании ее в ритуале. По всей вероятности, культ священного дерева у населения кошкинской культуры переплетался с культом предков как защитников и признанных регуляторов жизни коллектива.

Интересный сосуд кошкинского типа найден на стоянке Андреевское озеро XIII-A. Круглодонный сосуд диаметром 28 см орнаментирован по верхнему краю внешней поверхности поясом из волнистых линий. На внутренней стороне узор состоит из четырех волнистых линий в верхней части сосуда, от которых спускаются ленты из трех волнистых линий (рис. 3, 7). Судя по расстоянию между лентами, их на сосуде было четыре. Полость перевернутого вверх дном сосуда — аналог полости горы, символизирующей нижний мир. Волнистые линии сверху — вода как хаос, бесформенный мировой океан, из которого истекают подземные реки. В ранних мифологиях река — космический рубеж миров как естественного так и сверхестественного. Четыре космические подземные реки разделили пространство на четыре части по сторонам света, тем самым упорядочив его, сотворив из хаоса космос. Структуре нижнего мира соответствовало мироустройство земной и небесной сфер. По подземным рекам, возможно, уплывали души умерших предков.

Большая часть известных поселений кошкинской культуры расположена на побережье озер, что может свидетельствовать о преимущественно оседлом образе жизни, базирующемся на рыболовстве. По мнению Н. М. Гиренко, “эпоха мирового дерева” должна начинаться с перехода к оседлости и закрепления социумов в пространстве¹³. Мигрирующее в Зауралье из степной зоны Восточной Европы население кошкинской культуры уже имело сложившуюся, отличную от автохтонной, знаковую систему. Основные идеологические воззрения были воплощены в концепции мирового дерева и культе предков в антропоморфной форме.

Различия знаковых систем, образов, использованных в создании картины мира двух групп зауральского населения в начале неолита весьма существенны, что является еще одним, если не главным, аргументом в пользу их разнотуристности и разнотуристности. Знаковые системы формируются в рамках определенного поля взаимодействия и имеют свою специфику. Предложенная интерпретация является лишь попыткой понять мировоззрение, духовный мир архаичных обществ, произведения человеческого духа и мастерства — знаки и символы, в которых неолитическая эпоха обнаруживает свои ценностные представления, понимание окружающего мира и человека в нем.

При всей спорности герменевтического метода исследования он позволяет воссоздать целостный образ, целостную картину мира конкретных коллективов прошлого, постичь своеобразие их духовного мира.

Понять смысл изобразительного творчества первобытных коллективов путем

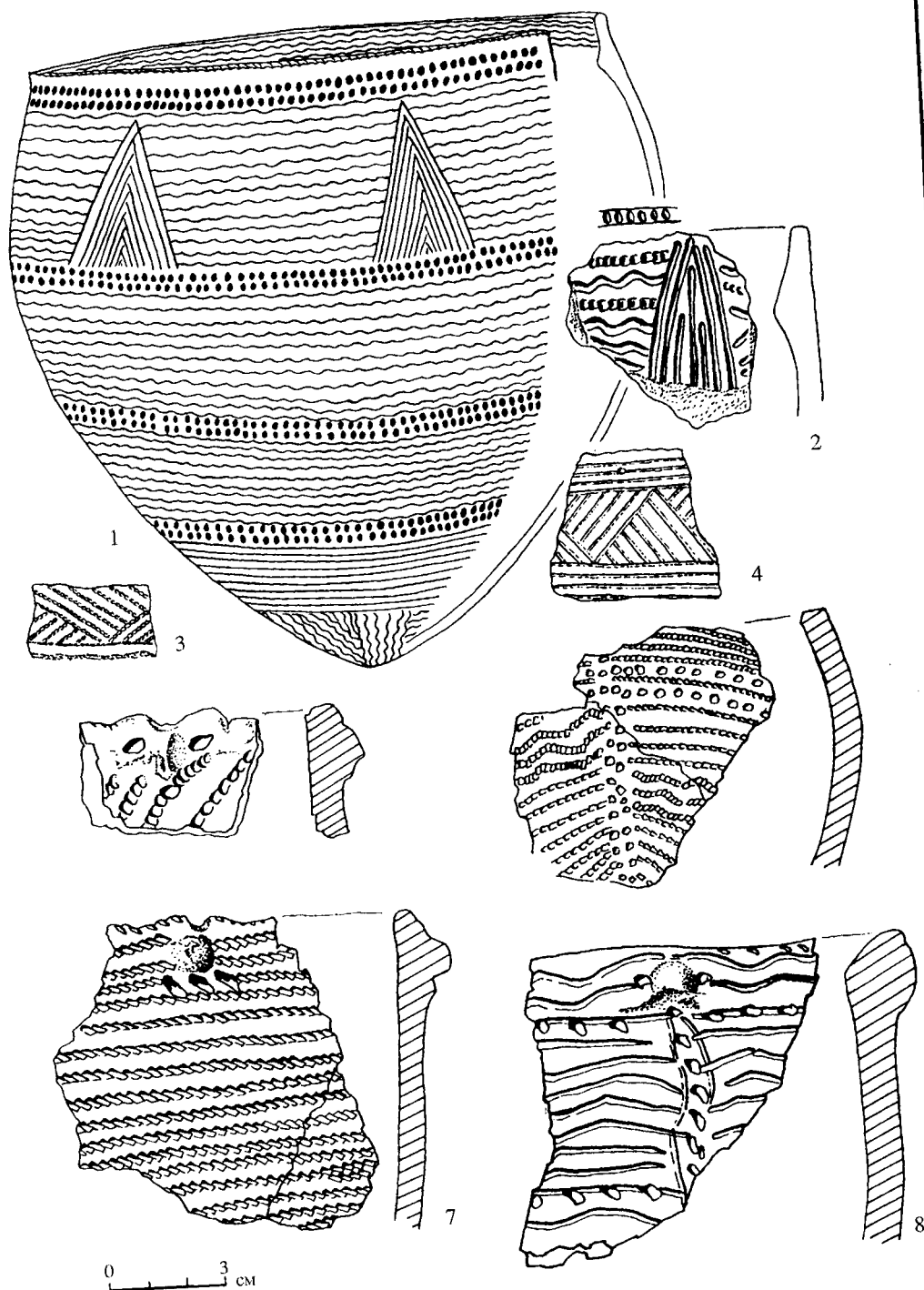

Рис. 1. Керамика козловской культуры:
1 — поселение Евстониha I; 2—4 — Тапково III; 5—8 — Махтыли-холм.

Рис. 2. Пещера Камень Дыроватый.

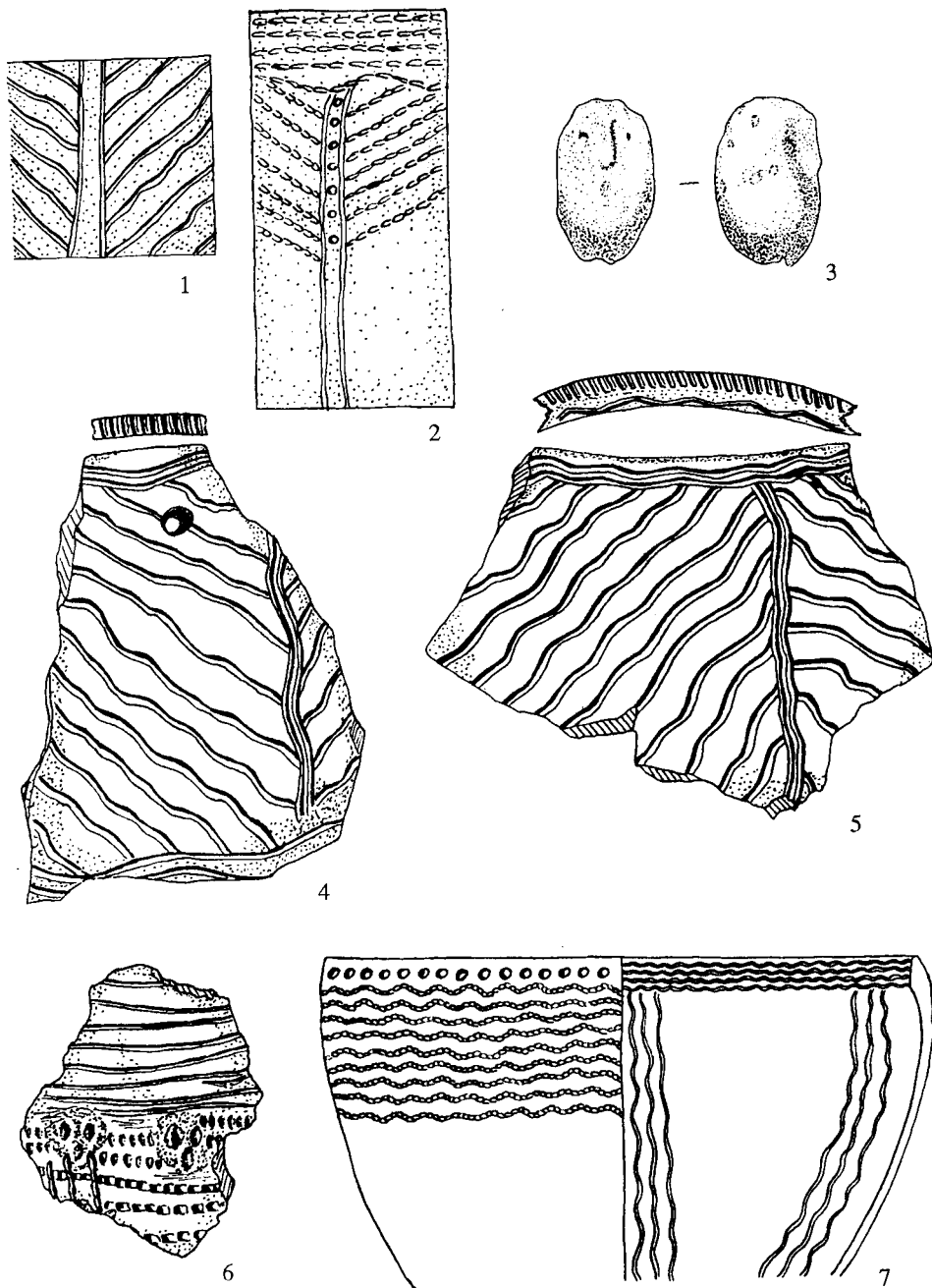

Рис. 3. Керамика кошкинского типа:
1—2, 4—6 — поселение Ташково III; 3, 7 — Андреевское озеро XIII-A.

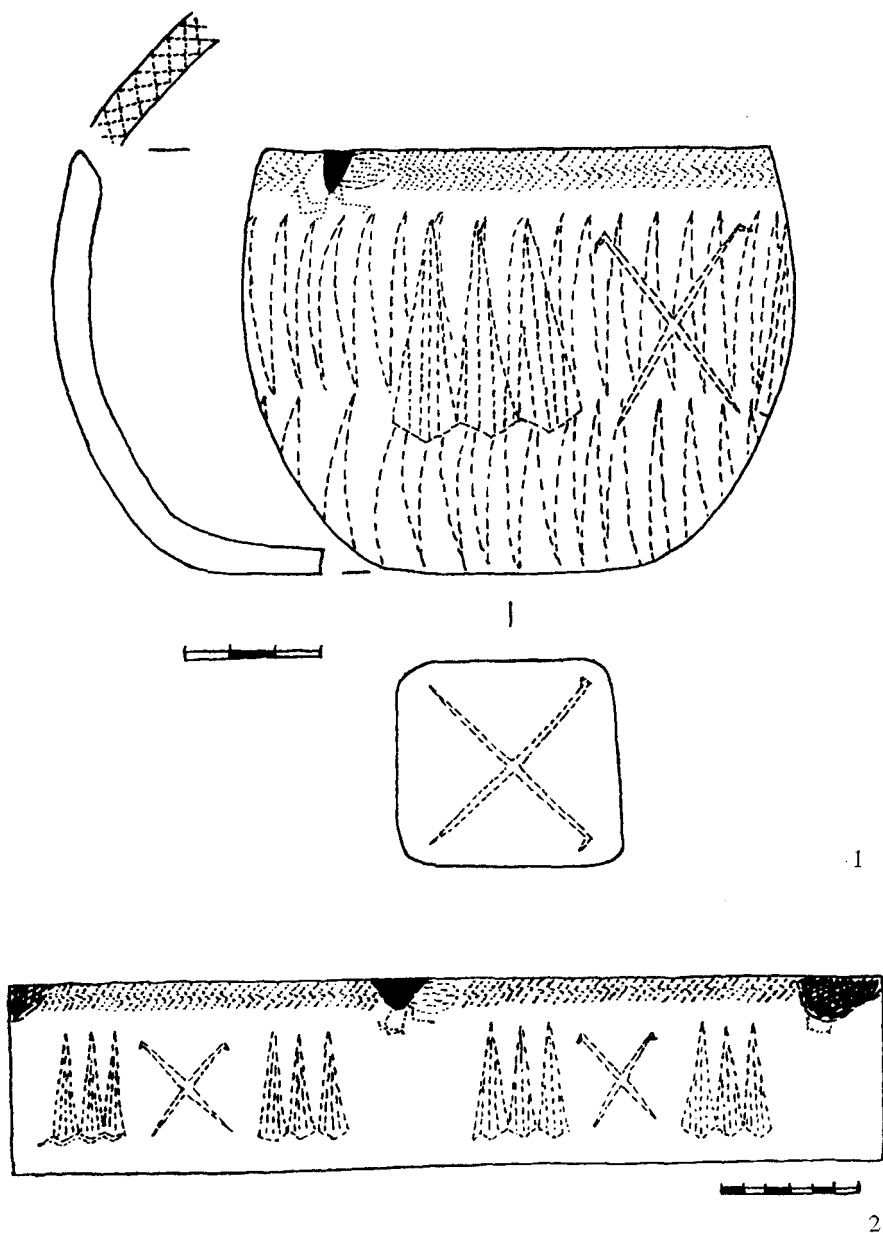

Рис. 4. Поселение Пекол-до-тю.
 1 — сосуд; 2 — развертка орнамента на сосуде (по Ф. И. Мещу, Я. А. Яковлеву).

поиска аналогий и привлечения этнографических параллелей практически невозможно, а сам метод — малоэффективен. Для примера можно взять публикацию коллег из г. Томска¹⁴. На поселении Пекол-до-тю в Томской области найден сосуд, который авторы раскопок справедливо датируют концом энеолита — началом бронзового века (игрековский комплекс). Сосуд оригинальной формы с подквадратным дном, на котором нанесен орнамент в виде креста. Стенки сосуда покрыты отпечатками шагающей гребенки, поверх которых нанесен достаточно выразительный схематический рисунок, основу композиции которого составляют косой крест с двумя фланговыми фигурами стреловидной формы, сгруппированные по три (рис. 4). Такая композиция на сосуде повторена дважды. Под венчиком — поясок из вертикальных ломаных линий. Авторам находки не удалось составить целостного образа, связанного с мировоззрением энеолитической эпохи Западной Сибири. Совершенно некорректно привлечение в качестве аналогии рисунку на сосуде из Пекол-до-тю юкагирского любовного тоса. В верхнем мире оказались птицы, медведь и лось, тогда как практически во всех мифологиях копытные маркируют средний мир, а птицы — верхний.

Трехчастная композиция на сосуде вполне возможно отражает структуру Вселенной. Для “прочтения” орнамента следовало сделать его горизонтальную развертку или считать зоны, начиная со дна, тогда крест на дне окажется в центре и, заключенный в квадрат, будет символом небесной сферы. Крест как бы упорядочил небесное пространство, обозначив основные стороны горизонта. Небесному порядку должен был соответствовать упорядоченный средний мир. Композиция из креста и двух симметрично расположенных строенных стреловидных фигур по структуре близка мировому дереву, отражающему устройство Вселенной и общества. Крест — символ центра. Отростки на двух концах могли обозначать космогонически значимые направления в пространстве, указывать, сколько их в территориальной структуре. В двух симметричных фигурах со связующим их центром может быть заключена идея дуального деления эндогамного коллектива (общины) на экзогамные половины. Это модель племени и модель производственного многогородового коллектива. Фон из горизонтальных поясов гребенки образует замкнутый круг — освоенное пространство — космос, в отличие от неосвоенного — хаоса. В пределах освоенного пространства размещены человеческие коллективы. Некоторые отличия двух одинаковых по композиции рисунков, например, наличие сдвоенного зигзага с отростком по основанию одной из трех стреловидных (антропоморфных?) фигур (рис. 4, 2), могут символизировать какой-то особый статус экзогамной группы или рода.

Завершает трехчастную орнаментальную композицию на сосуде горизонтальный пояс из ломаных линий — символ воды. Непонятные фигуры, отходящие от горизонтального пояса из ломаных линий, возможно, символизируют связь нижнего и среднего миров.

По-видимому, в конце энеолита — начале бронзового века у населения игрековской культуры осуществляется переход к прочной оседлости, возможно, осваивались производящие формы экономики. Оседлость и рост производственных коллективов вызвали к жизни новую форму социальной организации — эндогамные коллективы с экзогамными половинами, что и нашло отражение в изобразительном творчестве.

Для первобытной эпохи характерна космическая парадигма мышления, “космическое мироощущение”. Человек осознавал себя частью космоса, устройством и функционированием которого уподоблялся человеку. “Древние люди, как и современные дикари, всегда рассматривали природу как часть общества, а общество — включенным в природу и зависящим от космических сил. Для них природа и человек не противостоят друг другу, а потому им и не должны соответствовать два различных способа познания...”¹⁵. В рамках космической парадигмы мышления накапливались знания о природе, обществе и человеке. Бесформенный хаос символизировал начала мира, обретая форму и образ, являясь неструктурированной предпосылкой структуры.

Знания фиксировались при помощи стилизованных знаков — символов. В отборе символов орнамент на сосудах сыграл не последнюю роль. Он скрывает в себе множество смыслов, постижение которых требует особого метода — герменевтики.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гадамер Г.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988; *Он же*. О круге понимания // Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991.
2. Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992. С. 185—190.
3. Там же. С. 183.
4. Ковалева В. Т. Неолит Среднего Зауралья. Учебное пособие по спецкурсу. Свердловск, 1989. С. 16—37.
5. Зах В. А. К вопросу о боборыкинской культуре // Роль Тобольска в освоении Сибири. Тобольск, 1987. С. 12.
6. Семенов В. А. Кремневые наконечники стрел из полярных святыщ Урала: семиотический аспект // Проблемы культурогенеза и культурного наследия. СПб., 1993. Часть II. С. 65—67.
7. Молодин В. И., Бобров В. В., Равнушкин В. Н. Айдашинская пещера. Новосибирск, 1980. С. 89, 92.
8. Элиаде М. Космос и гармония. М.: Прогресс, 1987. С. 47—50.
9. Фрейденберг О. М. Миф и литература в древности. М.: Восточная литература, 1978. С. 90—92.
10. Элиаде М. Указ. соч. С. 139—140.
11. Ковалева В. Т., Ивасько Л. В. Раскопки раннеолитического поселения Ташково III на реке Исеть // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989. С. 151—153.
12. Блаватская Е. П. Тайная доктрина. Смоленск, 1993. Т. I. С. 454.
13. Гиренко Н. М. Социология племени. Л.: Наука, 1991. С. 137—141.
14. Мец Ф. И., Яковлев Я. А. Пекол-до-тю — новый памятник энеолита и бронзового века Нарымского Приобья // Тр. ТГПИИИ, 1995. Том. VIII. С. 19—24.
15. Франкфорт Г., Франкфорт Г. А., Дж. Уилсон, Якобсон Т. В предверии философии. М.: Наука, 1984. С. 25.

HIDDEN SYMBOLS OF ANCIENT KNOWLEDGE

The author used hermeneutics as a method to study knowledges of ancient society. A reconstruction of world view of ancient population of the Urals is depended on archaeological and other kind of sources. To provide it materials from archaeological sites of the Urals and Western Siberia have used.

V. T. Kovaleva

Л. Н. Корякова

ЗОЛОТОЙ ВЕК ЗАУРАЛЬСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Так явственно из глубины веков
Пытливый ум готовит к возрождению
Забывтый гул погибших городов
И бытия возвратное движение.

А. Блок

Первое знакомство

После первого курса у нас — студентов исторического факультета была археологическая практика на раскопках Лихачевского городища. Оно находилось в Абатском районе Тюменской области на берегу старицы р. Ишим. Руководил раскопками Владимир Федорович Генинг. Мы собирали многочисленные черепки и кости, делали зачистку, чтобы увидеть контуры когда-то стоявших здесь кругом жилищ. Многое было непонятно, но интересно, весело и романтично. В то время я не могла себе представить, что на этом поселении начинается трудный путь в археологию и, что мне придется провести немало времени в поисках следов утраченной культуры, созданной в последнем тысячелетии до н. э. Позже — уже на втором курсе — я пришла к Владимиру Федоровичу попросить тему для курсовой работы. Он показал мне ящики с неразобранными находками из Лихачевского могильника, раскопанного ранее, и сказал: “Вот Ваша курсовая”.

Лихачевский могильник находился вблизи деревни, давшей ему свое имя, неподалеку от поселения, где мы проходили практику. Он состоял из нескольких земляных курганов, содержащих под насыпями от одной до пятнадцати ям. В большинстве своем они располагались вокруг центральной могилы, как правило, более глубокой и обширной. Иногда могилы перекрывали одна другую, что указывало на их одновременность. К сожалению, многие из них были ограблены ранее и содержали лишь остатки костей, отдельные вещи или же их обломки. В неограбленных захоронениях умершие — мужчины, женщины, дети — были уложены на спину в сопровождении заупокойной пищи и погребального инвентаря. В его состав входили разные вещи: костяные, бронзовые и железные наконечники стрел, железные кинжалы и мечи; удила, пряжки, ножи, зеркала, удивительно красивые бусы и много целых и разбитых глиняных сосудов. Нужно было их описать, найти аналоги в других памятниках, определить возможную дату и дать характеристику погребений. В результате выяснилось, что вероятное время функционирования могильника (скорее всего, с перерывами) могло быть между IV в. до н. э. и II—III вв. н. э. Характер захоронения, способ погребения, состав инвентаря находили параллели в других ранее раскопанных могильниках западно-сибирской лесостепи, в частности, в курганах у сел Коконовка и Саргатское Омской области и у с. Абатское Тюменской. Аналогии вещам и обряду вводили в мир культур степных кочевников, известных под общим именем сарматов. Посуда, найденная в погребениях, была идентична керамике некоторых поселений, открытых на Исети, Тоболе, Ишиме и Иртыше¹.

Так состоялось мое первое знакомство с культурой населения, обитавшего в лесостепной полосе в I тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э. (т. с. 2—2,5 тыс. лет на-

зад). В тот момент эта культура была известна под несколькими названиями: типа Саргатских курганов или Абатских курганов — и имела репутацию бедной и отсталой по сравнению с более развитыми культурами южных районов. Впоследствии за ней окончательно закрепилось название саргатской. Она была представлена поселениями, городищами и курганными могильниками, открытие которых было отмечено драматическими событиями.

Немного предыстории: сибирское бугрование

Еще столетие назад степные и лесостепные ландшафты России были немыслимы без многочисленных курганов. *“Едва переехав через Урал и оказавшись в бассейнах Тобола и Иртыша, мы на каждом шагу встречаем на огромных степных пространствах сохранившиеся с глубокой древности громадные курганы, которые группами возвышаются вдоль высоких речных берегов”*, писал выдающийся русский ученый В. В. Радлов (1837—1918), много времени и сил отдавший изучению сибирских древностей². Курганы останавливали взгляд и вызывали любопытство. Поэты их воспевали, любознательные и любящие свой край люди хотели их понять и сохранить, но таких было мало. Гораздо больше было тех, которые ради любопытства или наживы, грабили и разрушали эти старые могилы. Западной Сибири в этом отношении особенно не повезло. Грабительские раскопки курганов начались здесь еще в XVII в. Об этом есть редкие упоминания в различных документах. В частности, в 1669 г. в одном из донесений, посланных в Москву, говорилось: *“В Тобольском уезде около р. Исети и во окружности оной люди в татарских могилах или кладбищах выкапывают золотыя и серебряныя всякия вещи и посуду”*³. Известно также, что г. Курган расположен на месте основанной в 1663 г. слободы Царево Городище, где находился большой курган, называвшийся Царевым. Кладовщики находили там серебряные сосуды, дорогие украшения и различные вещи. Интересны наблюдения Е. В. Кузнецова-Тобольского, приведенные в статье А. В. Жука: *“Отдельные случаи кладоискательства в Сибири следует относить к первым годам 17 столетия, когда русские насельники, считавшие в первоначальный звероловный и бродячий период колонизации края главной, прибыльной статьею звероловство, с уменьшением улова пушного зверя и удалением инородцев в степи, горы и леса, приступили к хлебопашеству и скотоводству, сибирское кладоискательство дошло до размеров общего, весьма распространянного промысла. Видя на землях, отнятых у инородцев, множество курганов, бугров, могильных насыпей, целые артели так называемых бугровщиков устремили свою деятельность на разрытие их и добычу в них сокровищ”*⁴. Российская администрация пыталась использовать это в своих целях. В 1669 г. тобольский воевода Петр Иванович Годунов получил из Москвы указ узнать, *“откуда татары в прежние лета такое золото и серебро получали”*. Как пишет А. В. Жук, ссылаясь на Известия Археологического Общества: *“Прежде всего был отыскан старец Далматовского монастыря на Исети, Лот, который, сославшись на башикирцев, описал признаки плавильных печей и копаных ям, откуда старинные сибирские татары и калмыки золотую и серебрянную посуду добывали и плавили, а иные те признаки видны при устьях рек Уфы, Гаяя и Яика. Эти старинные татары, калмыки, башикирцы нагайской нации уведомялись, что в древних летах оные люди, которые в тех местах жили, означенную руду копали и плавили. И действительно, из оной серебро и золото получали и всякие из того вещи делали, и такие вещи около Исету и в прочих местах, где оный народ, называемый Чуды, жили, в их могилах или кладбищах и поныне находится”*⁵. Голландец Н. К. Витзен в письме от 4.11.1705 г. сообщал: *“Много лет тому назад в Сибири, близ Тобольска, Тюмени, Верхотурья и в других местах на ровной степи были вскрыты курганы, сначала случайно, а впоследствии умышленно, и в них были найдены скелеты. Находились там остатки покойников со всякого рода утварью, ушными привесками, браслетами, идолами, цепочками и металлическими кубками, серебряными и медными”*⁶.

Исетские курганы, видимо, подверглись ограблению прежде других и были разрыты многократно. К концу XVII в. они в большинстве своем были основательно опустошены. Бугровщики перенесли свою деятельность на Ишим, Иртыш, а также в степь, несмотря на опасность нападения со стороны кочевников. Позднее немецкий ученый Д. Г. Мессершмидт, находившийся на русской службе с 1716 г. и посетивший Сибирь в 1720—1727 гг. по заданию Петра I, опишет это в своем дневнике: *“Русские, живущие по верхнему течению Оби, называются ишимцами, они-то и отправляются на промыслы за откапыванием золота и серебра, находимого в могилах; впервые занялись этим русские, жившие на Ишиме; оттуда они продвигались все далее и далее, пока при своих поисках таких могил не дошли до Оби; поэтому всех, поселяющихся здесь, на Оби, пришельцев из Тара-Нарима, Тобольска, Казани, Соликам и других местностей называют ишимцами или ишимскими. В этой Чанской слободе около 150 жителей; занимаются они хлебопашеством и торговлей мехами... Но главным образом они зарабатывают много денег раскопками в степях. С последним санным путем они отправляются за 20—30 дней езды в степи; собираются со всех окрестных деревень, в числе 200—300 и более человек, и разбиваются на отряды по местностям, где рассчитывают найти что-нибудь. Затем эти отряды расходятся в разные стороны, но лишь на столько, чтобы иметь всегда между собой сообщение и в случае прихода калмыков или казаков быть в состоянии защищаться... Найдя такие насыпи над могилами язычников, они иногда, правда, копают напрасно и находят только разные железные и медные вещи, которые плохо оплачивают их труд, но иногда им случается находить в этих могилах много золотых и серебряных вещей, фунтов по 5, 6 и 7, состоящих из принадлежностей конской сбруи, панцирных украшений, идолов и других предметов”*. Другой участник первой экспедиции, бывший пленный шведский офицер И. Ф. Страленберг (фон Табберт), проводивший ряд исследований в Сибири, сообщал дополнительные детали бугрового промысла: *“Могильные холмы... встречаются в большом количестве в Сибири и в степях, находящихся к югу от Сибири. Из них выкапывают различную утварь, урны, разные предметы, служившие для украшения тела и одежды, сабли, кинжалы, конские уборы, ножи, различные маленькие идолы и медали из золота и серебра... В могилах бедных людей находят подобные же предметы из красной и желтой меди и железа, наконечники стрел из меди и железа, стремена большие и маленькие, полированные металлические пластинки или зеркала с письменными знаками, маленькие и большие глиняные урны... Одним словом, из этих могил добывают большое количество курioзных древностей... Когда об этом Русское правительство ничего не знало, начальники городов Тары, Томска, Красноярска... Исетска и других мест отправляли вольные отряды... из местных жителей для разведки могил и заключали с ними... такое условие, что они должны были отдавать определенную либо десятую часть найденного ими серебра, меди, камней и пр.”*⁸

Бугрование, судя по всему, было доходным, хоть и опасным промыслом до середины XVIII в. Г. Ф. Миллер, участвовавший в Северной экспедиции Академии наук с 1735 по 1743 г., писал об ограблении могил в своей статье *“Изъяснение о некоторых древностях, в могилах найденных”*, включенной позднее в его *“Историю Сибири”* (1937): *“Сии могилы (по рекам Иртышу, Ишиму, Тоболу, Оби, Енисею — Л. К.) свободно рассматривать возможно уже стало с нынешнего столетия, когда калмыки и киргизы, кои набегами своими оные страны беспреестанно обскоковали, оттуда удалились. Еще много людей застал я в Сибири, кормившихся прежде такою работой, но в мое время никто на сей промысел не ходил, потому что все могилы, в коих сокровища найти надежду имели, были разрыты. Не иначе, как люди ватагами ходя на соболиный промысел, так и здесь великими партиями собирались, чтоб разделить между собой работу и тем скорее управиться с многими курганами”*⁹. Когда в Сибири работал П. С. Паллас (1773—1788 гг.), собирая данные по географии, ботанике, зоологии, истории и культуре местного населения, он еще слышал рассказы о богатстве древних курганов: *“...сказывают, что земли сии потому только так многолюдны стали, что жители соседствен-*

ных уже издавна населенных областей слыша пользу, какую другие при взрытии могил находили, за оною сюда перейти польстились да и не ошиблись... Здесь почти и самый последний курган не остался в целости. Сказывают, что в здешних могилах нередко находили около головы и груди плющенное золото и серебро.” “Весьма ясно видно, что народы, кои древле в сих странах обитали, и умерших своих под такими земляными курганами погребали, для таковых гробниц наиприятнейшие, самые высокия и открытыя места избирать обыкновенные имели. По сей причине западной возвышенной берег Ишима могилами наполнен, которых на восточном берегу и далее даже до Иртыша по нестоль возвышенной и солонцеватой Абацкой степи почти нигде не видно”¹⁰. Однако к тому времени поток бугровых находок значительно сократился.

В числе первых, кто обратил внимание на сибирские сокровища как представляющие научный интерес, был член голландского посольства в Москве, географ и юрист, бургомистр Амстердама Н. К. Витзен. Будучи в России в 1664—1667 гг., он собирал сведения о народах России и позднее издал в Амстердаме карту России и на немецком языке книгу “Северные и Восточные Татары”. Витзен писал в своей книге: “Недалеко от Тобольска встречаются под горами особого рода весьма древние могилы, в которых, кроме костей покойников, была находима металлическая утварь из серебра, меди и железа. Салтыков из такого найденного в могилах серебра велел сделать себе саблю, на память об этом замечательном обстоятельстве”. Выдержки из этого издания содержатся в Приложении к книге Радлова В. В. “Сибирские Древности”¹¹. Н. К. Витзен пытался через своих людей получить некоторые из курганных находок, но многие из них не дошли до него. Те, что он сумел получить, были опубликованы в 1725 г., но дальнейшая судьба их неизвестна¹² (рис. 1).

Все данные, приведенные выше, свидетельствуют о том, что районы бугрования находились между Уралом и Енисеем, причем, наиболее интенсивно грабились курганы в Зауралье, на Ишиме и Иртыше.

История Сибирской коллекции Петра I

Большая часть древних сокровищ канула в лету. Мы можем лишь догадываться об их судьбе и о том, какому народу они принадлежали. Однако эти догадки стали определеннее в последние годы благодаря уникальным материалам, полученным из чудом уцелевших погребений и кропотливому анализу документов, относящихся к периоду бугрования.

Во всем мире широко известно собрание высокохудожественных древних предметов, хранящееся в Эрмитаже и носящее имя Петра I. Как писал А. А. Спицин, впервые назвавший эту коллекцию Сибирской, она “составляет одно из важнейших достояний русской археологии”¹³. Несмотря на то, что предметы поступили в Петербург еще в XVIII в., наиболее полная публикация материалов коллекции была выполнена С. И. Руденко в 1962 г. в серии “Свод археологических источников”¹⁴. Но и в это издание вошли не все вещи. В частности, некоторые серебряные сосуды, происходящие из Сибири, были опубликованы отдельно в книге К. В. Тревер “Памятники Греко-Бактрийского искусства”¹⁵. С. И. Руденко, предваряя описание коллекции, изложил историю ее формирования. Исследования недавних лет, проведенные М. П. Завитухиной¹⁶ и А. В. и Н. П. Матвеевыми¹⁷, позволили внести в нее уточнения и дополнения. Проследим основные этапы создания коллекции.

В 1715 г. владелец Тагильских заводов А. Н. Демидов преподнес царице по случаю рождения сына “богатые золотые бугровые сибирские вещи и сто тысяч рублей денег”¹⁸.

В январе 1716 г. сибирский губернатор М. П. Гагарин передал Петру I десять золотых вещей, после чего получил специальный наказ собирать подобные древности и впредь. В декабре 1716 года М. П. Гагарин послал Петру I посылку из “пятнадцати шести мест золотых вещей” “весом не безомного полтора пуда”¹⁹.

11 марта 1717 г. горинтендант П. И. Мошков отправил письмо кабинет-секретарю А. В. Макарову. *"По письму Вашему посуду, посланную от князя Матвея Петровича Гагарина, осматривал. А что на котором явилось какой надписи, и то прилагаю при сем письме. А окроме того не нашел. И та наколота ишлом и подгладилась от старости и прочесть не могут"*²⁰.

5 июля 1717 г. губернатор М. П. Гагарин отдал приказ коменданту Тюмени: *"По именному, его царского величества указу, который писан рукой его царского величества, древние золотые и серебряные вещи, которые находят в земле древних поклаж, всяких чинов людям велено объявлять в Тобольску и велено брать те вещи в казну великого государя и отдавать им за те вещи из казны деньги"*²¹. Кроме того, он писал: *"А ныне по ведению губурнатору Сибири князю Матвею Петровичу Гагарину, что тобольские де татары Сейдеши да Семен повезли на Тюмень для продажи таковых найденных вещей, в тех вещах золотых весу пятнадцать фунтов. И тебе по получении сего указу велеть тех татар сыскивать. И буде они на Тюмени не явятся, то послать для сыску их в Тюменский уезд. И как их сыщут, то про те вещи их запрашивать и про то разыскивать: где они нашли те вещи и сколько, и для чего не объявили, и кому они те золотые и серебряные вещи продали на Тюмени. И тот розыск, и тех людей всех, кому они продали, також и золотые вещи, что у кого не сыщутся, всех прислать в Тобольск, часа не промедля, за караулом и ведеть объявлять в Тобольску губернатору князю Матвею Петровичу Гагарину"*²².

28 октября 1717 г. Петр I получил еще несколько золотых и серебряных вещей, которые *"сысканы в земле древних поклаж"*.

Таким образом, в 1718 г. в коллекции было не менее 250 предметов. Более 200 вещей (пряжки, застежки, украшения одежды, ожерелья, гривны, серьги, принадлежности конской узды, сосуды) были собраны тобольским губернатором М. П. Гагариным в 1715—1717 гг.²³ (рис. 2). Учитывая то, что в документах чаще других упоминались районы Зауралья и Западной Сибири (Исеть, Тобол, Ишим, Иртыш), где бугрование появилось раньше и имело наибольший размах, мы с высокой степенью уверенности можем допустить их непосредственную связь с Сибирской коллекцией.

За всеми этими событиями в 1718 г. последовали известные указы Петра I о сборе и посылке в Москву всех редкостных вещей, найденных в земле и о плате за них. Но в последующие годы коллекция пополнилась незначительно.

Сначала она хранилась при царском дворе, но не позднее 1827 г. была передана в Кунсткамеру, куда попали также отдельные предметы, приобретенные в ходе академических экспедиций. В 1859 г. вещи поступили в Эрмитаж, но никакими документами относительно происхождения и места сбора они не сопровождались.

На протяжении многих лет исследователи пытаются ответить на эти вопросы. Дело в том, что по стилистическим особенностям коллекция неоднородна, кроме того, она состоит из предметов различного возраста, в целом охватывая время VI—IV вв. до н. э. — II в. н. э. Аналогии им встречаются на широкой территории от Северного Причерноморья до Забайкалья. Наряду с литыми золотыми изделиями скифского времени, в коллекции довольно много предметов, украшенных вставками из самоцветов: кораллов, сердолика, агата и бирюзы, что было характерно для так называемого полихромного стиля сарматской эпохи.

Некоторые ученые нередко ставили под сомнение сибирское происхождение коллекции, указывая на стилистическое сходство ряда изделий из курганов Скифии²⁴. А. П. Манцевич вообще полагал, что предметы из Кунсткамеры вместе с находками, выполненными в полихромном стиле, принадлежат художественному кругу, центр которого находился на севере Балканского полуострова²⁵.

С. И. Руденко считал, что коллекция могла быть получена из степной области *"примерно от р. Ишим на западе..., главным же образом, это была территория между верхними течениями Иртыша и Оби, Горный Алтай на востоке, вероятно предгорья Тарбагатая, а возможно и северного Тянь-Шаня"*. Анализируя античные источники, в основном сообщения Геродота о расселении племен в Евра-

зии в середине I тыс. до н. э., исследователь пришел к заключению, что золотые сибирские вещи могли принадлежать племенам аргиппеев, легендарных аримаспов и грифов или юэчжей, обитавших в районах Верхней Оби и на Алтае; частично, возможно, иркам, жившим в Приуралье и исседонам, которых он помещает в Семиречье, а также сакам-тиграхуада²⁶. С. И. Руденко был, несомненно, прав, указывая на сходство некоторых сюжетов и стилистических особенностей сибирских изделий и находок из Пазырыкских курганов на Алтае, а также некоторых предметов, происходящих из районов Южной Сибири. Однако он исключал из рассмотрения территорию между Уралом и Средним Иртышом. На нее обратил внимание Л. С. Клейн в одной небольшой статье, написанной, в общем-то, на другой сюжет — о происхождении сарматов и связи сарматского полихромного стиля с восточными районами, в частности с Прииртышьем и Приишимьем. Попутно он дал свое толкование этнической карты Евразии I тыс. до н. э. Плешивые аргиппеи жили у подножия Уральских гор, исседоны — от Урала до Исети, Тобола и Ишима, где была собрана западная часть коллекции Петра I и куда, по мнению автора, уходят корни сарматского искусства. В верховьях Иртыша и на Алтае обитали аримаспы и стерегущие золото грифы, имеющие отношение к восточной части Сибирской коллекции²⁷.

Однако в целом до начала 80-х гг. мало кто из исследователей относился серьезно к подобной версии. Хотя в зауральской лесостепи к тому времени было исследовано немало курганов гороховской и саргатской культур, но они были в большинстве разграблены и в них были найдены в основном рядовые вещи. Правда, иногда в центральных глубоких, но пустых, могилах попадались мелкие крошки золота, бронзы, отдельные привозные бусины, как намеки на былое богатство, но они не меняли скромного облика культуры на фоне роскошных находок из некоторых скифских или сарматских курганов. Саргатская культура была известна лишь узкому кругу специалистов, занимавшихся проблемами археологии раннего железного века Западной Сибири.

Саргатские древности: познание культуры

К счастью, бугровщики были не единственными, кто обращал внимание на древние курганы. На исходе прошлого и в начале нынешнего столетия археологические памятники зауральской и западносибирской лесостепи стали объектами научного интереса. Среди первых исследователей были как археологи-специалисты, так и краеведы-любители. В 20—30 гг., отмеченные широкой экспедиционной активностью, были начаты раскопки памятников раннего железного века, среди которых преобладали курганные могильники. Раскопки поселений начались несколько позже. П. А. Дмитриев, один из выдающихся отечественных археологов, который погибнет потом на фронте, впервые обобщил полученные к тому времени материалы, датировал их III в. до н. э. — I в. н. э. и дал характеристику погребальной обрядности. Он писал: *“Возможно в будущем удастся объединить в одну группу курганы Тюменского, Тобольского, Омского, Барабинского, а может и некоторых других округов Зауралья, где как будто преобладает северная ориентировка покойников и находится приблизительно одинаковый могильный инвентарь”*²⁸. Это предположение вскоре подтвердилось и получило развитие в работах В. Н. Чернецова, который и выделил особую культуру, названную впоследствии саргатской. Исследователь считал, что она принадлежала угорским племенам “Савыр” — предкам мадьяр²⁹, тогда как П. А. Дмитриев связывал ее с ираноязычными сарматами³⁰.

Настоящее открытие саргатской культуры произошло в 60-е гг., когда на Урале и в Западной Сибири начали систематически работать экспедиции Академии наук и некоторых местных музеев. Среди вузовских подразделений первостепенное значение имели исследования археологической экспедиции Уральского государственного университета под руководством В. Ф. Генинга. В ее составе начали свой путь в науку многие известные сейчас археологи. Здесь же прошли и мои первые и многие последующие полевые сезоны.

Открытие новых памятников и накопление материала позволило создать более четкое представление о культурах раннего железного века. Большую роль в этом сыграли работы К. В. Сальникова, В. А. Могильникова, В. Е. Стоянова, В. Д. Викторовой. И хотя ряд вопросов оставался нерешенным и вызывал споры, была заложена хорошая основа для дальнейших исследований³¹. Спустя немного времени появились монографические работы, в которых были проанализированы сотни погребений, десятки поселений и тысячи керамических сосудов, составлявших специфику культуры населения, жившего на Иртыше, Ишиме и Тоболе с VII в. до н. э. до середины I тыс. до н. э. (Могильников В. А.³², Корякова Л. Н.³³, Полосьмак Н. В.³⁴, Матвеева Н. П.³⁵).

В эпоху, которая известна в науке как скифо-сарматская, на Урале и в Западной Сибири обитало многочисленное население, чье культурное наследие нашло отражение в различных археологических комплексах. В настоящее время нет никаких сомнений, что на протяжении почти тысячелетия доминирующую роль играли племена, оставившие саргатские памятники, которые численно превосходили все другие, как ранние, так и поздние. Саргатская керамика встречается повсюду в том или ином количестве (рис. 3).

Эти памятники представлены поселениями и могильниками. Поселения располагаются по берегам больших и малых рек, озер, стариц. Иногда они состоят из нескольких жилищ, прослеживаемых на поверхности в виде небольших впадин, чаще всего число таких впадин достигает нескольких десятков. На удобных, высоких участках террас или на береговых мысах, откуда открывается вид на широкую речную пойму, можно найти укрепленные поселения — городища. Они имеют одну или несколько оборонительных линий в виде рвов и валов, образующих замкнутую систему в форме круга или многоугольника или просто отделяющих мыс от napольной части. Очень часто внутри укреплений и за их пределами фиксируются остатки жилых и хозяйственных сооружений, занимающих обширную площадь. Наблюдения показывают, что поселения образуют территориальные скопления, концентрируясь вокруг таких городищ, имеющих большие посадки* (рис. 4). Жилища саргатских племен разнообразны по устройству, размерам и планировке. Есть среди них простые прямоугольные полуземлянки площадью 20—30 кв. м с центральным очагом. Однако наиболее характерны постройки, состоящие из нескольких помещений жилого и хозяйственного назначения (рис. 7). На поселениях в большом числе находят обломки хозяйственной посуды, разбитой многими поколениями их обитателей и кости животных, чье мясо употреблялось в пищу. Саргатское население разводило главным образом лошадей и крупный рогатый скот, а также овец, реже коз. Охота практиковалась, но не играла ведущей роли в хозяйстве. На крупных поселениях постоянно встречаются в небольшом количестве кости верблюда.

Как уже отмечалось, могильники саргатского населения состоят из земляных курганов, расположенных группами или цепочками на высоких или возвышенных местах. Сейчас трудно восстановить точное количество курганов в могильниках, потому что многие из них распаханы. Тем не менее, нельзя не видеть разницы в размерах: некоторые курганы (их меньше всего) достигают 80—100 м в диаметре и до 10 м в высоту. Это “царские” или “дружинные” курганы. Другие имеют средние размеры (20 м в диаметре). Много маленьких, диаметр которых не превышает 4—6 м. Раскопки ведутся в основном на курганах этих двух групп. Большие курганы остаются в целом малоисследованными, т. к. требуют немалых материальных затрат.

*Исследование городищ, в особенности, оборонительных сооружений, очень трудоемко, оно требует применения не только археологических, но и естественнонаучных методов. Поэтому поселения изучены гораздо хуже, чем могильники, и еще ждут своего часа. Правда, есть реальная возможность, что многие из них этого часа не дождутся, поскольку уничтожаются быстро и безрассудно строительством, пахотой, а иногда и просто без какой-либо надобности. В таком же положении находятся и погребальные памятники.

Как показали многочисленные наблюдения, насыпи курганов представляли собой пирамидальные сооружения, сложенные из “брикетов” дерна. С течением времени и по мере необходимости они дотраивались. В них часто встречаются остатки надмогильных конструкций, поминальных тризн, иначе говоря, следы каких-то действий, которые нам сейчас нелегко восстановить. В большинстве своем насыпи окружены рвами: округлыми или многоугольными в плане, одинарными, двойными или даже тройными. Среди исследователей нет единства во мнениях относительно процедуры сооружения и функции рвов. Служили ли они только для ограничения места захоронения или их значение было шире, выкапывались ли они до первого погребения или только для него, устанавливались ли в них какие-либо ограждения или они стояли открытыми — эти и другие вопросы еще ждут своего ответа.

Курганы различаются по устройству. Среди них есть одномогильные и многомогильные, содержащие от двух до пятнадцати погребений. В центре всегда находится одно или реже два погребения, для которых копали наиболее глубокие и обширные ямы. Но все они без исключения ограблены. В ямах можно встретить разрозненные кости двух или нескольких скелетов (мужчина — женщина, взрослый — ребенок и т. п.), остатки некогда богатого инвентаря и погребальной конструкции, обломки сосудов и, если очень повезет, незамеченные грабителями тайники. Над центральными погребениями иногда можно обнаружить развалы “шатров” — конических или пирамидальных сооружений, сложенных из бревен, жердей, веток и камыша.

В многомогильных курганах вокруг центрального погребения на периферии площадки располагаются другие, иногда они образуют круг, занимая его полностью или частично. Это, как правило, индивидуальные погребения, для которых делали ямы различных размеров и устройства. Больше всего простых ям с отвесными стенками, довольно много — с уступами, иногда встречаются могилы с нишами, ямками от вертикальных столбов или с канавками на дне. Умерших хоронили в ямах, укладывая на спину головой на север, северо-запад, реже — в других направлениях. Им клали необходимый инвентарь, полагавшийся по статусу, личные вещи, куски мяса лошади, коровы или овцы, ставили сосуды с жидкой пищей, закрывали могилу деревянным бревенчатым накатом и совершали прощальные церемонии. В них определенную роль играл огонь³⁶.

По многим признакам погребальная обрядность саргатского населения была близка той, что практиковалась степными племенами скифов, саков, сарматов. Саргатские курганы в некоторой степени отличались ориентировкой погребенных, деталями конструкций и посудой. Несмотря на сходство отдельных форм и орнамента, саргатские глиняные сосуды имели свою ярко выраженную специфику, причем погребальная посуда отличается от поселенческой. Сосуды круглодонные, вытянутых или приземистых пропорций, с шаровидным или слегка расширенным в верхней части туловом. В глине — примесь песка и шамота, или талька. Сосуды украшены резным, накольчатым и ямочным орнаментом, который располагался на шейке или по плечу.

В настоящее время из раскопанных погребений и поселений получено довольно много различного инвентаря, отражающего особенности эпохи внедрения и господства железа. Наиболее массовая категория инвентаря мужских погребений — оружие: остатки лука и наконечники стрел из кости, бронзы и железа, мечи и кинжалы, топоры. Каждое второе мужское погребение, кроме того, содержит принадлежности конской упряжи: удила, псалии, бляшки и различные ременные пряжки. На костях скелетов довольно хорошо видны следы профессиональных заболеваний всадников, проводящих много времени в седле*. В женских погребениях на первом месте по встречаемости стоят украшения. Среди них преобладают привозные бу-

*Такие наблюдения были сделаны в ходе исследования Гаевского I могильника антропологами П. Курто (Франция) и Д. Ражевым (ИИА УрО РАН).

сы (саргатское население не имело собственного производства бус). Можно найти также серьги, нередко золотые, и бляшки, украшавшие одежду. Многие женщины должны были иметь зеркало и какие-либо косметические принадлежности, но почти все они получали в дорогу орудие прядения — веретено, от которого мы находим только пряслица. Фрагменты материальной культуры саргатского населения представлены на рис. 5, 6.

Таковы самые общие черты саргатской культуры в ее археологическом выражении. Они, безусловно, свидетельствуют о том, что эта культура оставлена довольно многочисленным населением, имевшим достаточно сложные внутренние и внешние связи, социально организованным и жившем в условиях военизированной быта. Каждый вновь раскопанный памятник давал нам новые сведения, но они относились все же больше к уровню рядового населения. Долгое время не было находок исключительного характера, вроде тех, что представлены в Сибирской коллекции. Именно поэтому исследователи весьма скептически относились к идее о возможности ее связи с саргатскими курганами*. Отметившие данное обстоятельство А. В. и Н. П. Матвеевы были, безусловно, правы³⁷.

Новые находки и как они оживляют старые идеи

Восьмидесятые годы принесли немало интересных открытий западносибирской археологии. Появилось много новых коллективов, включившихся в исследовательский поиск, начатый их предшественниками. В 1981—1982 гг. экспедиция Тюменского университета провела раскопки десяти насыпей курганного могильника, находившегося на левом берегу р. Тобол вблизи деревень Тютрино и Бызова Упоровского района Тюменской области. Полученные материалы убедительно свидетельствовали об их принадлежности саргатской культуре. Одна группа погребений была отнесена к III—II вв. до н. э., другая — к I—II вв. н. э.

Исследователи памятника опубликовали ювелирные изделия, найденные в могильнике, среди которых было несколько серебряных серег, практически идентичных тем, что представлены в Петровской и Витзеновской коллекциях. Кроме них, в могильнике были обнаружены золотые нашивные бляшки, большое количество привозных бус, в том числе, из полудрагоценных камней и сапфиршпинели (рис. 9 — 9, 10). Авторы статьи вновь поставили вопрос о сибирском (саргатском — Л. К.) происхождении части знаменитого собрания³⁸.

И это предположение получило дополнительную поддержку после раскопок богатого погребения в одном из курганов могильника у с. Сидоровка Нижнеомского района Омской области. Экспедиция Омского университета под руководством В. И. Матющенко при участии Л. И. Погодина и А. Я. Труфанова проводила летом 1986 г. обычные спасательные работы на месте будущей оросительной системы³⁹. Памятник не отличался от типичных могильников саргатской культуры с множеством ограбленных погребений, разве что в составе инвентаря было чуть больше обломков среднеазиатской посуды, воинских доспехов, золотых бляшек и т. п. Наиболее интересным оказался курган I, имевший насыпь диаметром 42—48 м. По обыкновению в его центральной части находилась полностью разграбленная могила глубиной 185 см в материке. Другая могила была обнаружена в южной половине подкурганной площадки. Она имела прямоугольную форму и довольно внушительные размеры: 4,4 x 4,95 м. В восточной стенке был уступ, на который когда-то опира-

* Автор отнюдь не преувеличивает роль отдельных сенсационных находок. Конечно, любой археолог неравнодушен к ним и в душе надеется найти что-нибудь яркое и интересное, что близко его сердцу. Однако современная археологическая наука направлена, с одной стороны, на изучение явлений, имеющих массовое проявление, с другой — на наиболее полное извлечение информации из самых заурядных вещей, и с третьей — не только на изучение артефактов, но и почвы, климата, растительности, т. е. всего, что окружало человека в древности. Значение исключительных находок повышается, если они входят в контекст явлений, изученных на массовом материале.

лось перекрытие, состоявшее из трех рядов уложенных крест-накрест березовых плах. Под обломками перекрытия на глубине 25—70 см исследователи нашли лишь беспорядочно лежащие кости женщины. Однако под этим ограбленным захоронением неожиданно обозначились следы другого, до которого грабители не добрались (рис. 8). Пока трудно сказать, было ли оно скрыто намеренно, или к нему в определенный момент произведено более позднее подзахоронение, но оно оказалось целым и богатым — редкая удача!

На дне ямы археологи расчистили следы бревенчатой обкладки “погребального ложа” размерами 2,20 × 4,00 м, находившегося на некотором расстоянии от стенок могилы под перекрытием из плах, бересты и покрывала. Внутри обнаружено захоронение мужчины-воина, лежавшего на спине головой на север. Как сообщает В. И. Матющенко: *“На лобных костях раздавленного черепа лежали вытянутыми в одну линию золотые пронизки, свернутые из тонких пластин; некоторые из пронизок гофрированы; слева под развалом черепа — золотая серьга с ромбическим щитком, на шею умершего была одета золотая гривна с утолщенными концами. В области пояса... лежали две золотые массивные поясные пластины, на лицевой поверхности которых изображена борьба двух тигров с драконом; изображение дополнено многочисленными вставками драгоценных и полудрагоценных камней (бирюза, яшма, рубин). Под правой пластиной найдена золотая накладка с рельефным изображением лежащего хищника”*⁴⁰ (рис. 9 — 2, 3, 8).

Мужчина имел полный набор наступательного и защитного вооружения: длинный железный меч (около 1 м) с нефритовой скобой для крепления ножен, кинжал, составной лук, колчан с железными стрелами, железное копьё, железный пластинчатый доспех, железный боевой топор с остатками деревянной ручки, а также курительные принадлежности: трубку, серебряный чубук и серебряный флакон (рис. 8 — 5, 6) с крышкой. В ногах умершему поставили два кожаных расписных сосуда, возможно, с напитками; в углу свободной части “ложа” — серебряную чашу и глиняный саргатский сосуд ручной лепки (очень интересное и о многом говорящее сочетание) с какой-то пищей. В двух других углах поместили дорожную выючную флягу и бронзовый котел с бараньим мясом. Последний был закрыт большой бычьей шкурой. По обычаю кочевников в могилу положили кусок мяса лошади. Вместе с доспехами найдены остатки узды, среди которых были удила и фалары (бляхи, служившие для украшения узды). Фалары серебряные с позолотой, украшены изображением крылатого грифона с туловищем дракона и лапами кошачьего хищника⁴¹ (рис. 9 — 1). В отдельных местах могилы встречались истлевшие куски парчового покрывала.

Нет нужды убеждать кого-либо в уникальности и значительности описанных находок. При этом следует подчеркнуть, что погребение не являлось основным. Какие же находки могли нас ожидать в центральных могилах, не будь они вычищены до основания.

Некоторое время спустя Л. И. Погодин, проводивший спасательные раскопки Исаковского могильника в Горьковском районе Омской области, вновь обнаружил непо потревоженные саргатские погребения с богатым инвентарем. К сожалению, они до сих пор почти не известны научной общественности из-за отсутствия публикаций. Следует лишь добавить, что в этом могильнике, состоявшем из нескольких групп, в 1985 г. среди обильного, но рядового материала были найдены остатки вооружения, предметы быта и культа, украшения, многочисленные сосуды⁴².

У исследователей уже не оставалось сомнений в том, что саргатские древности принадлежат культуре, созданной обществом, находившемся вовсе не на задворках Евразийского кочевого мира, а участвовавшем во многих событиях, происходивших на исходе старой и в начале новой эры. Это позволило еще раз обратиться к проблеме “сибирского бугрования”. А. В. Матвеев сопоставил сведения, упоминавшиеся в письме Н. К. Витзена о том, что сибирские редкости были найдены примерно под 60-м градусом северной широты, и карту, составленную им в 1687 г., и пришел к интересному выводу. Оказалось, что 60-я параллель этой карты была

нанесена значительно южнее, чем на современных картах, и пересекала Синару, Исеть, Тобол, Иртыш и уходила в Барабинскую лесостепь, т. е. она в точности проходила через территорию распространения саргатских древностей⁴³. Догадки таким образом переросли в гипотезы, а гипотезы стали более вероятными.

Факторы успеха

Работа археолога немного похожа на разгадывание кроссворда: он знает некоторые буквы, но как из них составить слова и понять язык давно исчезнувшей культуры, в особенности, бесписьменной, — задача необычайной сложности. Редко удастся не попасть в ловушку собственной культуры и найти правильные пути в прошлое. Чтобы восстановить картину ушедшей жизни, применяют различные исследовательские методы и приемы: устанавливают хронологию, прослеживают периодичность изменения материальной культуры, а также используют в качестве моделей лучшие известные поздние культуры, существовавшие на той же территории.

Было бы слишком самоуверенно считать, что мы в силах полностью восстановить историческую действительность, но, вооружившись фактами и гипотезами, можно смоделировать основное направление развития общества, представленного археологическими памятниками. В данном случае нас интересует вопрос: кому принадлежали многочисленные сокровища, разграбленные позже потомками. Как показывает стилистический и технологический анализ, описанные выше предметы роскоши были привозными, они изготавливались далеко за пределами Западной Сибири: в Китае, Иране, Восточном Средиземноморье, Индии, Средней Азии. В 70-х гг. в Северном Афганистане (регион Бактрии) В. И. Сарияниди исследовал царские захоронения могильника Тилля-Тепе, откуда происходит богатейшая коллекция ювелирных изделий, стилистически идентичных, с одной стороны, предметам из Сибирской коллекции, с другой — золото-бирюзовым украшениям из саргатских погребений конца I тыс. до н. э. и сарматских курганов первых веков н. э.⁴⁴ В науке не существует твердой позиции относительно происхождения “золото-бирюзового стиля”. Называют “златообильную” Бактрию⁴⁵. Отмечают, что такой стиль появился в Китае эпохи Чжоу, с III—II вв. до н. э. распространился у саков Семиречья и только после этого стал известен в Бактрии и позже — в Сарматии⁴⁶. Западносибирская лесостепь, видимо, познакомилась с ним около III—II вв. до н. э. Сюжеты изображений на саргатских находках более близки китайско-хуннским.

Судя по всему, общество, представленное памятниками саргатской археологической культуры*, не было ни отсталым, ни слабым. Более того, в зоне саргатского влияния оказались не только лесостепные культурные образования, но и соседние, расположенные в южной тайге и в северной степи. Расцвету способствовало несколько факторов, сочетание которых оказалось особенно удачным во второй половине I тыс. до н. э.

В первую очередь следует отметить экологический и производственный факторы. Особенности природных условий лесостепи, которая не переживала столь жестких кризисов, какие иногда случались в степи, способствовали синтезу многих культурных традиций и выработке очень гибкого механизма культурогенеза. Формирование саргатской общности совпало с процессом внедрения железа в широкую практику населения Евразии. Черная металлургия не требовала столь жесткой привязки к месторождениям руды, как цветная. Болотной руды в лесостепи и в лесу было достаточно, и она была доступна.

Первое тысячелетие до н. э. вошло в историю Евразии под знаком кочевых народов, создавших удивительно самобытную культуру — скифов, саков, сарматов,

*В исследовательской практике употребляются два понятия: саргатская культура и саргатская культурно-историческая общность. Последнее шире первого и применяется для характеристики культуры в историческом и социологическом контексте.

аланов и других, которые нам не столь известны. Освоив огромные пространства, они соединили отдаленные части евразийского континента, сделав их ближе в культурном и экономическом отношении. Кочевники проложили пути караванной торговли, а борьба за эти пути повысила напряженность исторической ситуации и втянула в активную политику многие племена и народы. Серьезную роль стал играть фактор взаимодействия государств и окружавшей их варварской периферии. Континент стал теснее, отчего события в одной его части рано или поздно отзывались в другой. Саргатские племена оказались участниками этого процесса, достигнув довольно высокого уровня социального развития, и сибирские находки тому свидетельство. Считается, что в I тыс. до н. э. в евразийской степи звучали иранские языки, а в лесу Приуралья и Западной Сибири — в основном, финно-угорские. Лесостепь занимала промежуточное положение, поэтому здесь время от времени могла происходить смена языка (не этноса) или было возможно двуязычие. Этот вопрос является одним из сложнейших, и мы не будем на нем останавливаться сейчас.

Саргатская общность прошла в своем почти тысячелетнем развитии четыре этапа: формирование (VII—VI вв. до н. э.), подъем (V—III вв. до н. э.), расцвет (II в. до н. э. — III в. н. э.) и упадок или трансформацию (IV—V вв. н. э.). Наиболее богатые комплексы относятся ко второму и третьему этапам. Этот период евразийской истории насыщен драматическими событиями, приведшими в конечном счете к Великому переселению народов, изменившему этнокультурную карту значительной части континента. Здесь нет возможности рассматривать их все, коротко отметим лишь некоторые, имеющие непосредственное отношение к нашей теме.

В VIII—VI вв. до н. э., когда в зоне древних цивилизаций появились “мировые державы”⁴⁷, в евразийской степи укреплялись основы нового экономического и социально-культурного порядка, связанного с кочевым скотоводством и подвижным образом жизни. В лесостепи потомки местного населения эпохи бронзы продолжали жить в условиях прежних традиций, занимаясь охотой, рыболовством и пастушеским скотоводством. Но кочевники подходили все ближе, и к V в. до н. э. лесостепь прочно вошла в сферу их влияния. К этому времени сложились основные компоненты двух культур: саргатской — преимущественно к востоку от Ишима, и гороховской — в Зауралье. Они принадлежали родственным племенам, связанным корнями с местной угорской средой, но в судьбу их вмешались выходцы из сакских родов, кочевавших в казахстанских и южноуральских степях. Модель, по которой развивались взаимоотношения между ними, хорошо известна позднее на этой и других территориях. Вероятно, сначала отношения были построены на основе данничества, и кочевники имели более высокий статус в среде местного населения. Недаром наиболее ранние погребальные памятники имеют ярко выраженный степной облик. Известные ныне в лесостепи большие курганы датируются не ранее VI—V вв. до н. э., а чаще относятся к IV—III вв. до н. э.

Как считают большинство исследователей, в конце VI и V вв. до н. э. в степях произошли серьезные изменения, вызвавшие цепную реакцию передвижений, миграций в пределах Среднеазиатско-Казахстанской культурной зоны. Политика ахеменидов, пытавшихся расширить свои владения на восток и подчинить себе сакские племена Средней Азии, образование Хорезмского государства в низовьях Аму-Дарьи, его стремление к независимости и обретение ее в V в. до н. э. не без помощи кочевников — эти и другие события могли подготовить предпосылки перемещения части степного населения ближе к границам леса. По мнению А. Д. Таирова, саки, кочевавшие в VI—V вв. до н. э. между Южным Уралом и Хорезмом, были вынуждены перенести свою столицу на север и изменить маршруты кочевков⁴⁸. В результате Южное Зауралье становится местом концентрации племенных союзов, возглавляемых в разное время сако-массагетами и верхними аорсами⁴⁹. Возможно, правы те исследователи, которые связывают племена исседонов, известных из “Истории” Геродота, с лесостепным Зауральем⁵⁰.

Видимо, V в. до н. э. был в некотором смысле рубежным. Серия причин: улучшение климатических условий, благотворно сказавшееся на кочевом скотоводстве

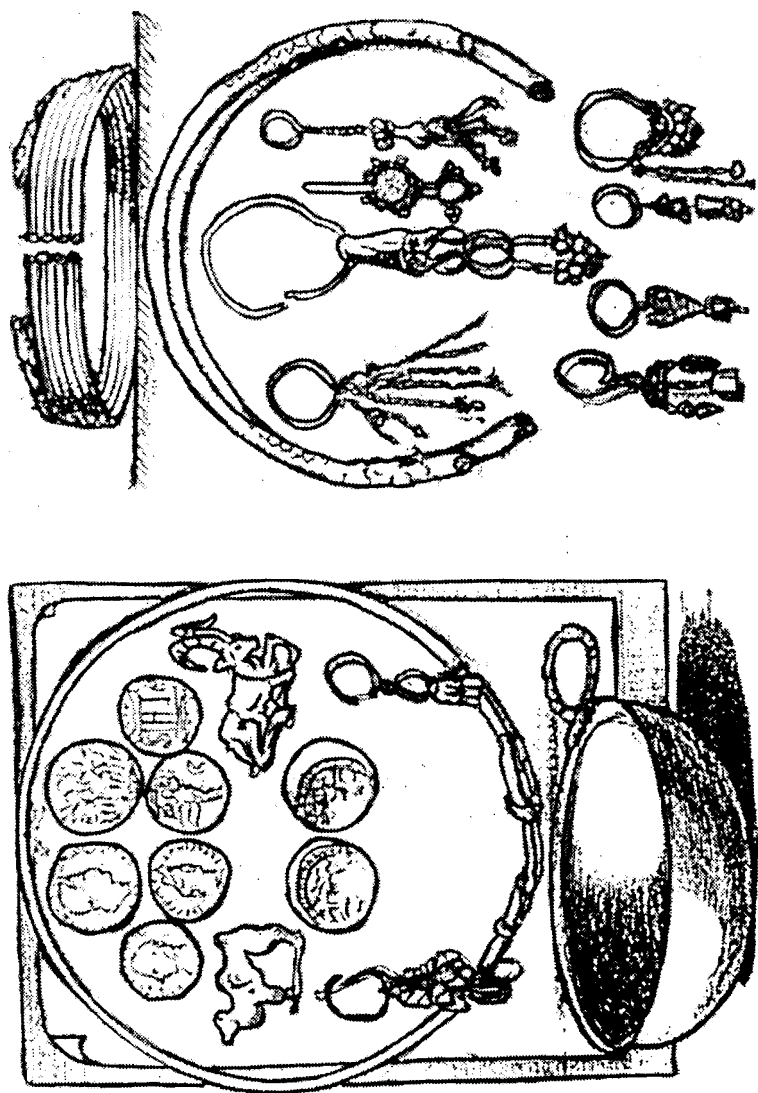

Рис. 1. "Бурговые" вещи из коллекции Витзена (по С. И. Руденко, 1962)

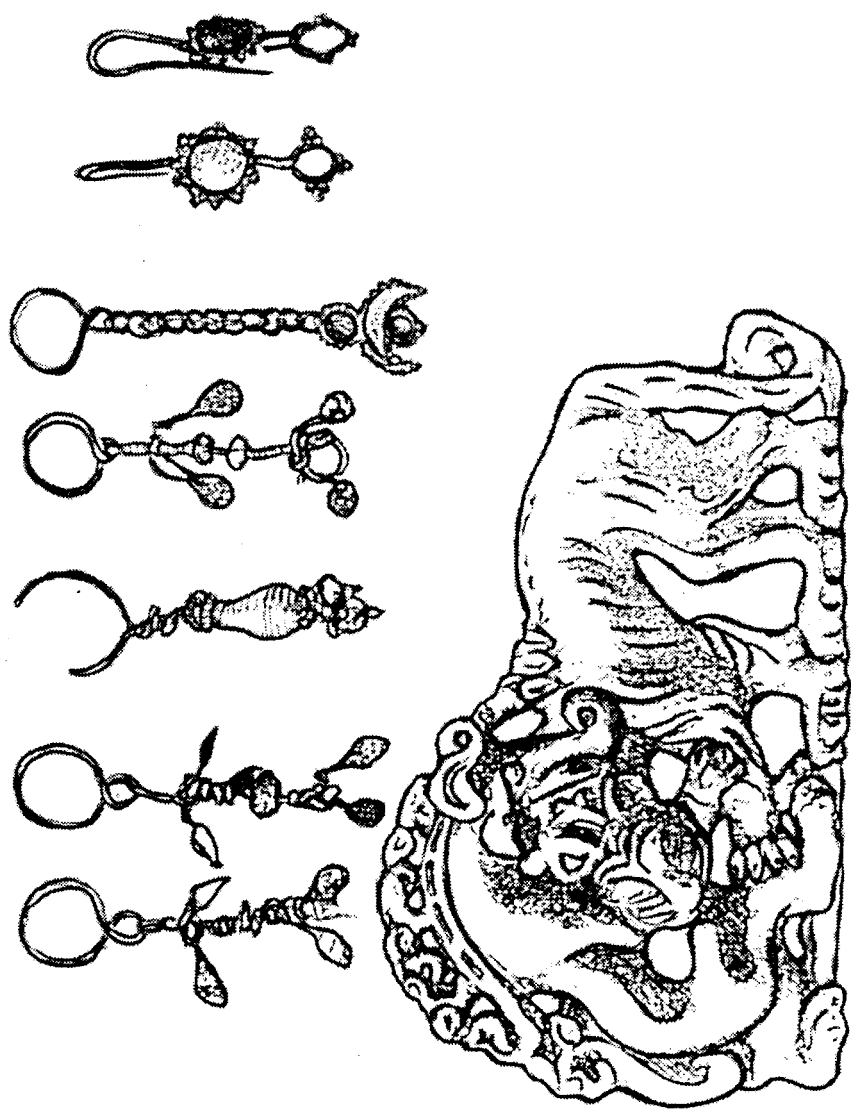

Рис. 2. Бусы и бляхи из Сибирской коллекции Петра I (по С. И. Руденко, 1962)

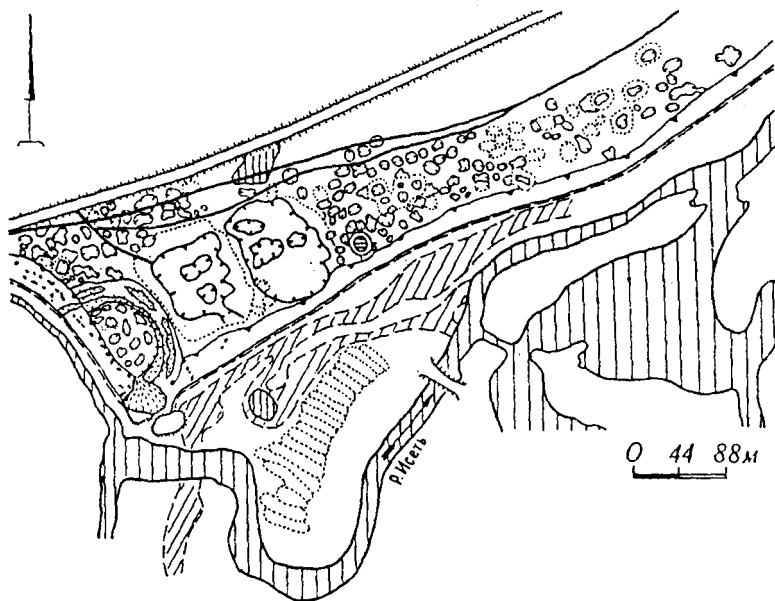

Рис. 4. План Павлинского городища по дешифрованию аэрофотоснимка:

- 1 — валы оборонительных сооружений; 2 — канавы, рвы; 3 — жилищные впадины с развалами стен; 4 — впадины без развалов стен; 5 — впадины, дешифрованные по контурам измененных почв; 6 — курган; 7 — предположительно орошаемые поля; 8 — ямы на склоне террасы; 9 — бровки первой надпойменной террасы; 10 — тыловой шов поймы; 11 — следы старых русел Исети; 12 — поверхность смещения оползня; 13 — оползневое тело; 14 — современный песчаный карьер; 15 — отвалы карьера

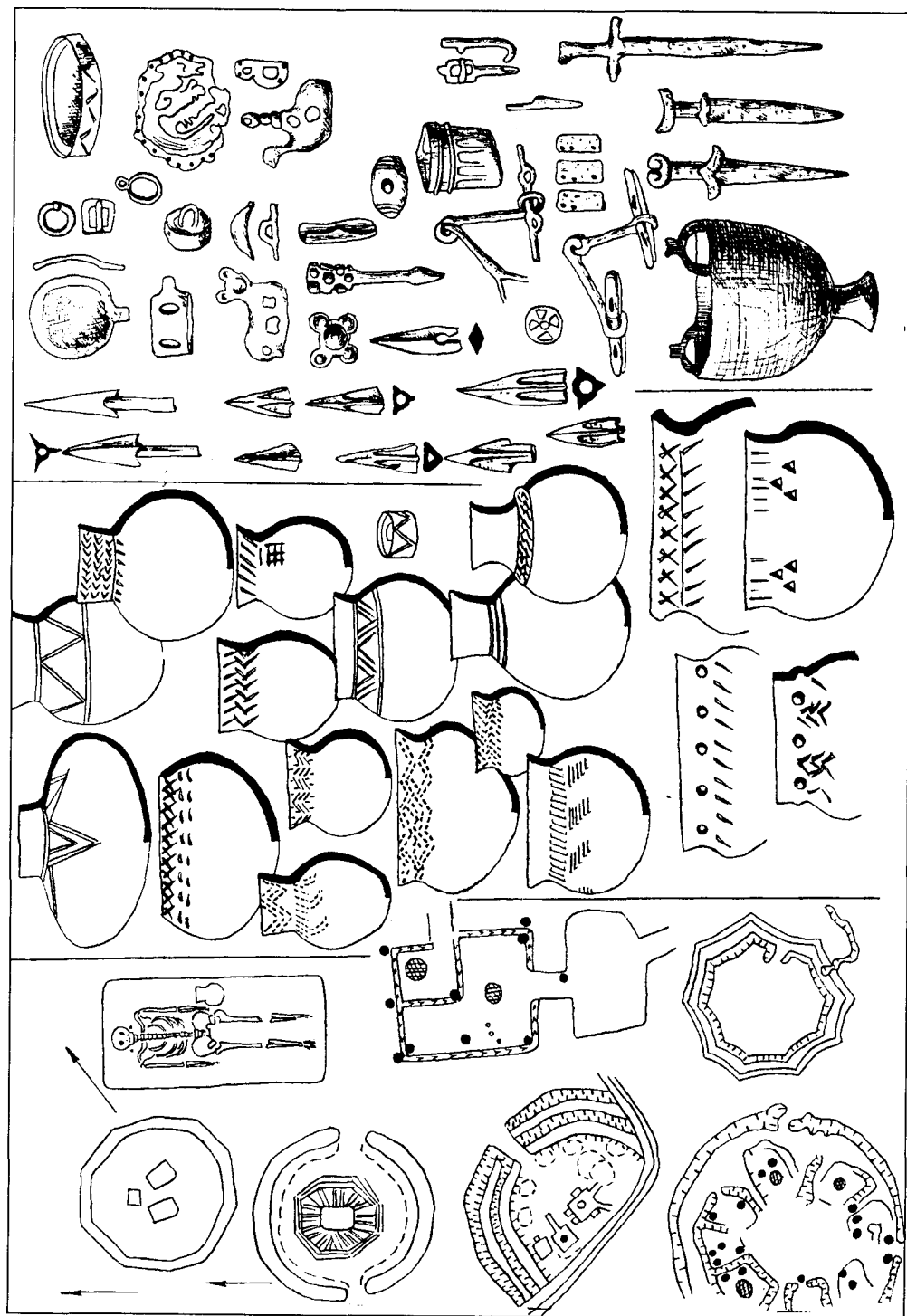

Рис. 5. Комплекс материальной культуры саргатской общности в V—III вв. до н. э.

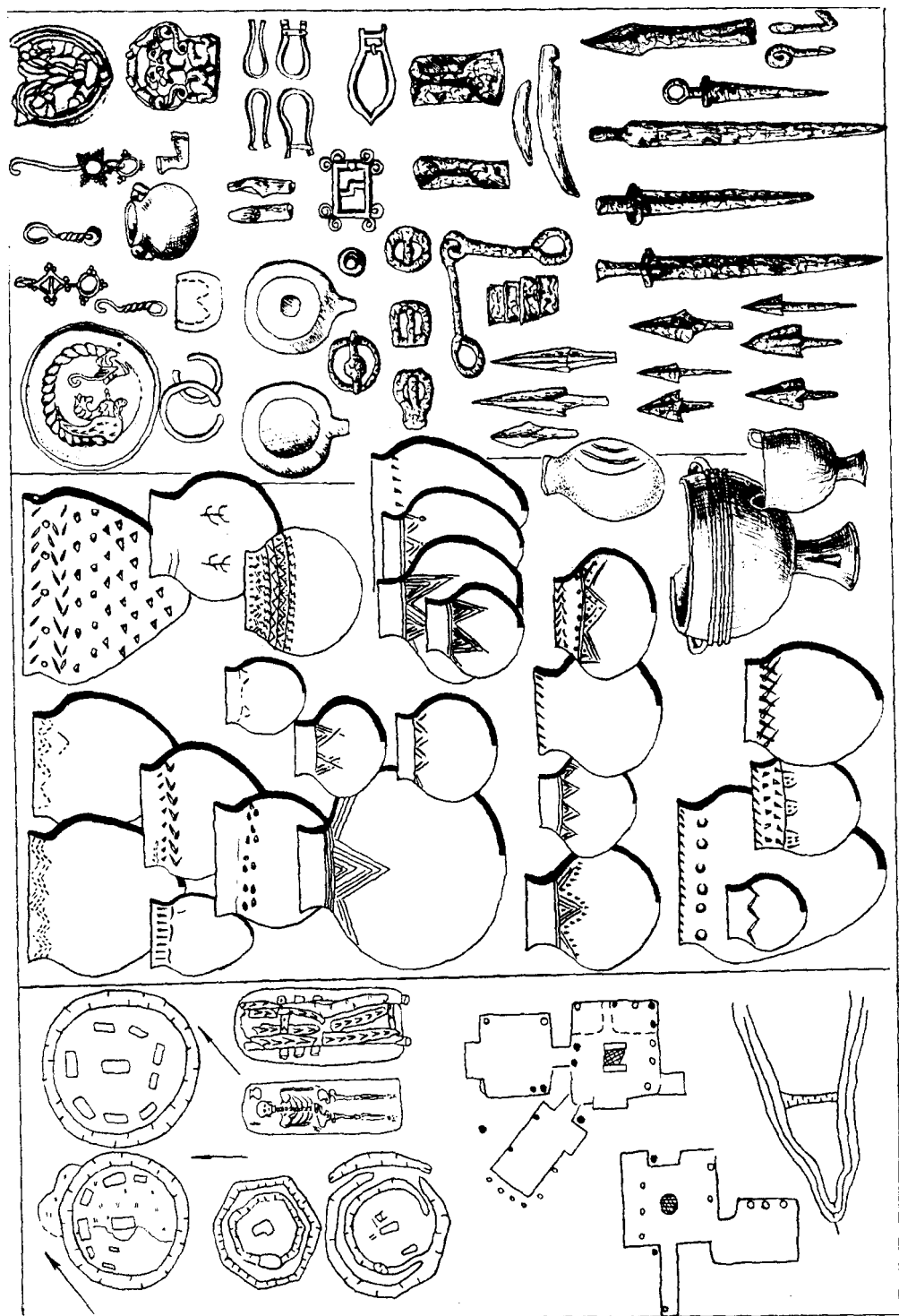
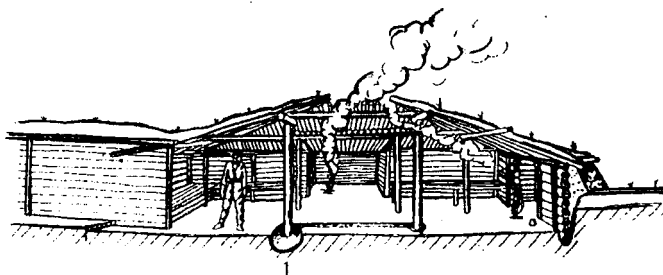
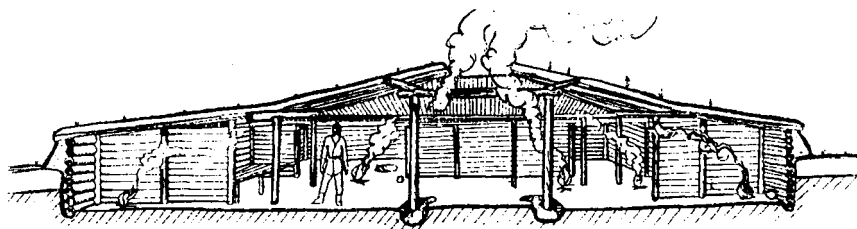
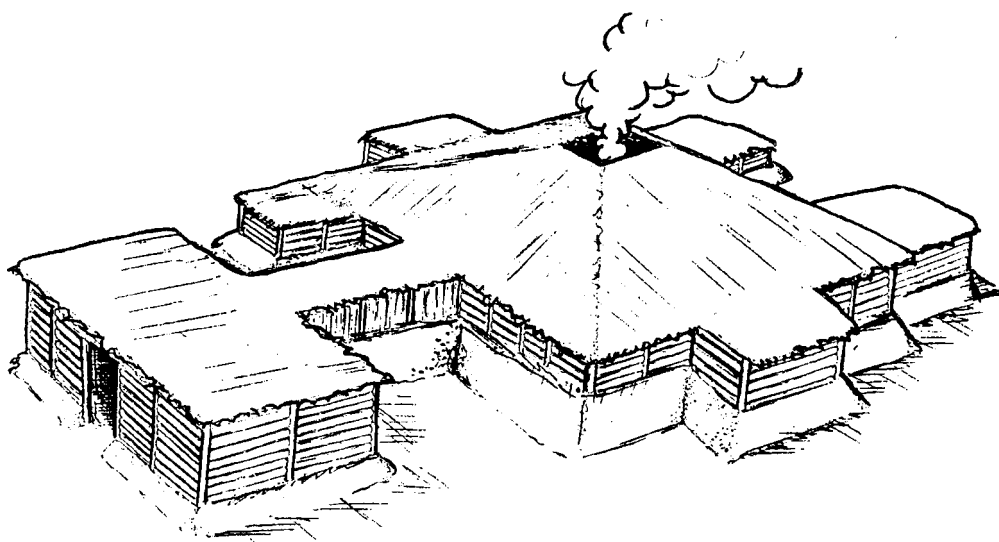
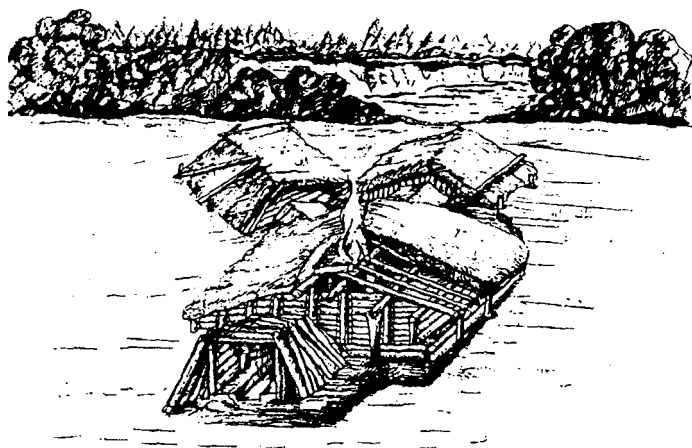

Рис. 6. Комплекс материальной культуры саргатской общности во II в. до н. э. — II в. н. э.

2

Рис. 7. Примеры графической реконструкции саргатских жилищ:
1 — Павлинского городища (рис. А. А. Ковригина); 2 — Дуванское 2-е селище
(рис. Л. Н. Коряковой)

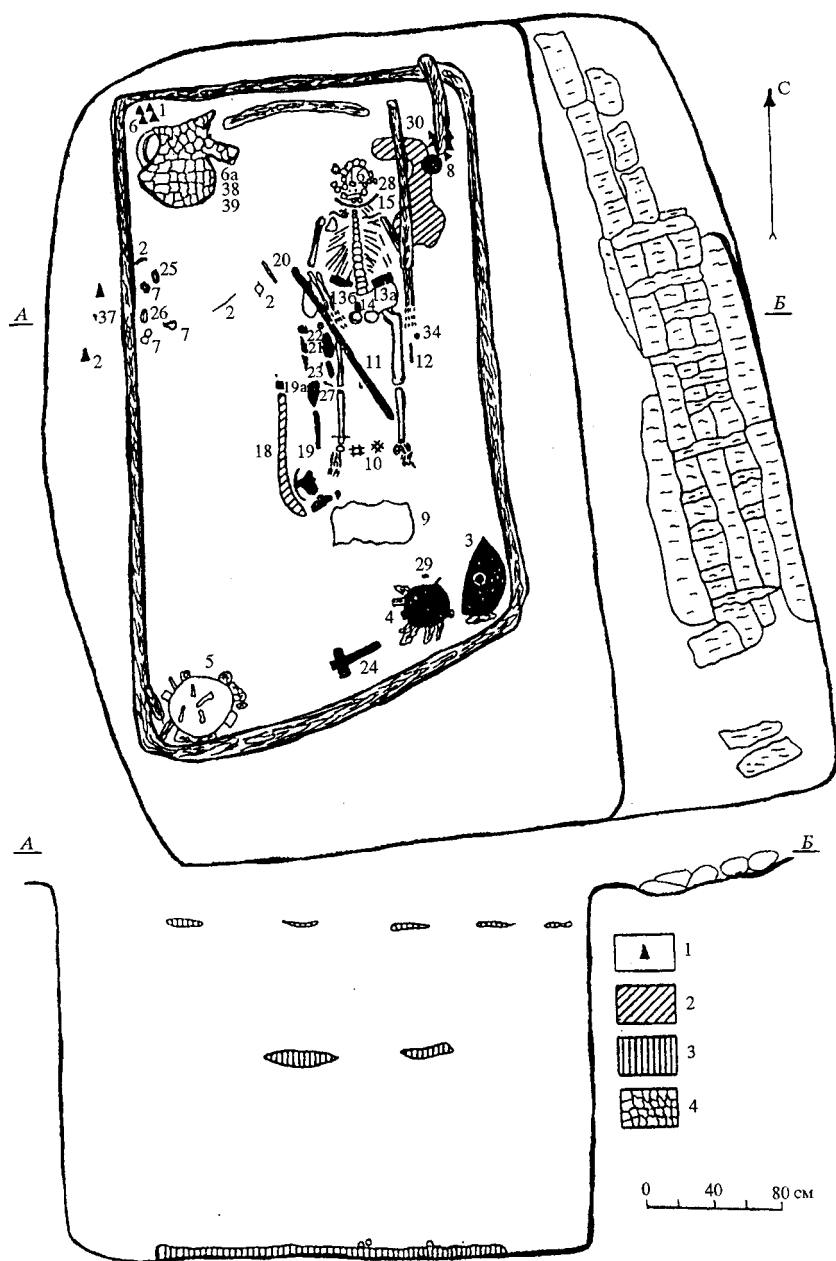

Рис. 8. План и разрез могилы 2-го кургана 1-го Сидоровского могильника (по В. И. Матющенко, 1989)

Рис. 9. Вещи из раскопок саргатских курганов:
 1—8 — погр. 2, кург. 1, мог. Сидоровский: 1 — серебряный фалар, 2 — золотая серьга, 3 — золотая гринна, 4 — серебряная пряжка, 5 — серебряный сосуд, 6 — серебряный чубук, 7 — золотая пряжка, 8 — поясная пластина со вставками из бирюзы и коралла (по В. И. Матюшенко); 9—10 — Тютринский могильник: золотые серьги и бляшки (по Н. П. Матвеевой)

ве, демографический рост, участие кочевников в “большой политике” — все это ускорило социальное “созревание” кочевых обществ. Часть избыточного населения выплескивалась в более спокойные районы, такие, как оазисы или лесостепь.

Постепенно общество и культура менялись. Традиции саргатской культуры распространились на всю лесостепь вплоть до Урала. Они не вытеснили местные обычаи, хотя частично их изменили, но при этом изменились сами. В конце III в. до н. э. произошел новый выплеск кочевников на север, однако он носил уже сарматскую ориентацию⁵¹ и был, возможно, спровоцирован событиями, связанными с завоеваниями Александра Македонского в Средней Азии.

В итоге в зауральской лесостепи сформировалась иная культура, субстратной основой которой стали традиции местного населения, уходящие корнями в эпоху бронзы. Возраст субстратных слоев был, очевидно, разный, но точно разграничить их во времени довольно трудно. Суперстратом послужили кочевые и полукочевые группы, которые уступали местным численно, но были более воинственны и обладали сильным идеологическим потенциалом. Нарождающаяся аристократия играла консолидирующую роль. Л. Н. Гумилев, ссылаясь на китайские хроники в изложении Н. Я. Бичурина, помещает в лесостепное Тоболо-Иртышье Северное Угорское царство Уи Бейго, которое находилось в хороших отношениях с хуннами⁵².

Характерной особенностью культуры третьего этапа является ее удивительная стандартность. Судя по числу памятников, лесостепь была многолюдной и процветающей. Общество, видимо, окрепло и не нуждалось в чьем-либо покровительстве. Погребальная атрибутика свидетельствует о значительном имущественном неравенстве и существовании нескольких слоев, занимающих особое место в системе военно-социальной иерархии. Высокий статус погребенного маркировался не столько пышностью погребального сооружения, как это было раньше, сколько набором инвентаря и обладанием импортными вещами. Мы не знаем в точности, по каким каналам проникали в Западную Сибирь дорогие предметы греческого, бактрийского, ближневосточного, китайского происхождения, а также предметы массового спроса, такие, как бусы, керамика. Мы можем лишь предполагать, ссылаясь на поздние аналогии. Вполне допустимо думать, что саргатские дружины вместе с кочевниками ходили к границам Греко-Бактрии в конце II в. до н. э. Не менее вероятно их участие в системе караванной торговли⁵³. Скорее всего, саргатские племена контролировали участки торговых путей, проходивших через их территорию и тем самым, контролировали всю торговлю пушниной в Зауралье. А. Д. Таиров, проанализировавший письменные и археологические источники, пришел к выводу, что в VI—III вв. до н. э. караванная торговля ориентировалась на Приуралье и меньше на Зауралье и Притоболье. Со II в. до н. э. более оживленными стали пути, ведущие в Западную Сибирь⁵⁴. По подсчетам Н. П. Матвеевой, у саргатского населения 25% импорта приходилось на южное направление, около 15% — на восточное (хуннского круга) и примерно 10% — на западное (приуральское)⁵⁵. Стоит отметить также следующее обстоятельство. По предварительным наблюдениям, которые, к сожалению, нельзя уточнить до полной публикации материалов из Прииртышья, на сегодняшний момент с территории саргатской культуры происходит наибольшее число сосудов с надписями арамейского письма. Сюда следует включить и некоторые предметы, опубликованные в 1940 г. К. В. Тревер⁵⁶. Есть и находки монет: римских — в Притоболье (золотая римская монета императора Феодосия), около Омска⁵⁷, китайских — в Барабе⁵⁸. Если при этом вспомнить изображения монет, найденных бугровщиками и представленных на рисунках из книги Н. К. Витзена, то можно допустить, что их число могло быть гораздо большим. Разграбленность могил не позволяет нам представить в полной мере объем и характер обменных связей. Однако имеющиеся факты делают убедительнее гипотезу о существовании в Евразии в третьей четверти I тыс. до н. э. и в начале I тыс. н. э. системы международной торговли, связанной с Шелковым Путем и о том, что его северная периферия охватывала земли далекой западносибирской лесостепи. К подобному выводу, основанному на ином материале, склоняются и другие исследователи⁵⁹.

Не затронутыми осталось еще много интересных вопросов, имеющих отношение к предмету настоящей статьи (социальный строй, этническая принадлежность и историческая судьба саргатских племен), но они заслуживают специального разговора. А в заключение следует еще раз подчеркнуть, что удачное сочетание экологического, экономического и политического факторов обеспечило процветание саргатского общества на исходе древности — его “золотой век”, научная оценка и признание которого еще впереди.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Геншиг В. Ф., Корякова Л. Н.* Лихачевские и Черноозерские курганы раннего железного века западносибирской лесостепи // СА, 1984. № 2.
2. *Радлов В. В.* Из Сибири: страницы дневника. М., 1989. С. 410.
3. *Матющенко В. И.* История археологических исследований Сибири (до конца 1930-х годов). Омск, 1992. С. 7.
4. *Жук А. В.* Отсутствие археологического интереса в средневековой культуре (на примере Западной Сибири) // История археологических исследований Сибири. Омск, 1990. С. 32—33. А. В. Жук ссылается на работу Кузнецова Е. В. Кладоскание и предания о кладах в Западной Сибири // Тобольские Губернские Ведомости, 1896. № 24—25.
5. Там же. С. 35.
6. Цит. по: *Руденко С. И.* Сибирская коллекция Петра I // САИ, 1962. ДЗ—9.
7. *Радлов В. В.* Из Сибири. С. 417—418.
8. *Радлов В. В.* Сибирские древности // Материалы по Археологии России. СПб., 1891. № 5. Т. 1. Вып. 2. С. 32—33.
9. *Он же.* Из Сибири. Примечания. С. 624.
10. *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства по повелению Санкт-Петербургской императорской Академии Наук. СПб., 1786. Ч. 2. Кн. 2. С. 87; 92—93.
11. *Радлов В. В.* Сибирские древности. Приложения. 1894. С. 127—134.
12. *Руденко С. И.* Сибирская коллекция Петра I // САИ, 1962. ДЗ—9. Табл. 1—3.
13. *Спицин А. А.* К вопросу о хронологии золотых сибирских блях с изображением животных // Записки Русского Археологического Общества. Новая серия. Т. ХII. Вып. 1—2. С. 227.
14. *Руденко С. И.* Сибирская коллекция Петра I // САИ, 1962. ДЗ—9.
15. *Тревер Л. В.* Памятники Греко-Бактрийского искусства. М.; Л.: Изд-во АН, 1940.
16. *Завитухина М. П.* Об одном архивном документе по истории Сибирской коллекции Петра I // Сообщения ГЭ, 1974. № 39; *Она же.* К вопросу о времени и месте формирования Сибирской коллекции Петра I // Культура и искусство петровского времени. Л., 1977; *Она же.* Собрание М. П. Гагарина 1716 г. в Сибирской коллекции Петра I // АСГЭ, 1977. Вып. 18.
17. *Матвеев А. В., Матвеева Н. П.* Ювелирные изделия Тютринского могильника (к проблеме Сибирской коллекции Петра I) // Антропоморфные изображения: первобытное искусство. Новосибирск, 1987. С. 191—201; *Они же.* Известия о бугровании в Западной Сибири и проблема происхождения Сибирской коллекции Петра I // Проблемы изучения саргатской культуры: тез. докладов конференции. Омск, 1991. С. 37—41; *Матвеев А. В.* Древнее золото “60-й параллели” // Природа, 1991. № 9. С. 35—41.
18. *Руденко С. И.* Сибирская коллекция. С. 11.
19. *Завитухина М. П.* Собрание М. П. Гагарина 1716 г... С. 42—51.
20. *Завитухина М. П.* К вопросу о времени и месте формирования сибирской коллекции... С. 64.
21. *Завитухина М. П.* Собрание М. П. Гагарина 1716 г... С. 51.
22. Гос. архив Тюменской обл. Филиал в г. Тобольске. Ф. 47. Д. 4801. Л. 1. Этот документ опубликован М. П. Завитухиной в статье “Об одном архивном документе по истории Сибирской коллекции Петра I” // Сообщения ГЭ, 1974. Вып. 39.
23. *Завитухина М. П.* К вопросу о времени и месте... С. 68.
24. *Толстой И. И., Коидиков Н. П.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. 3. СПб., 1890. С. 43; *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. СПб., 1918. С. 583.
25. *Маицевич А. П.* Находка в Запорожском кургане (к вопросу о Сибирской коллекции Петра I) // Скифо-Сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 188.
26. *Руденко С. И.* Сибирская коллекция... С. 37.
27. *Клейн Л. С.* Сарматский тарандр и вопрос о происхождении сарматов // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 232—233.

28. *Дмитриев П. А.* Мысовские стоянки и курганы // ТСА РАНИОН, 1928. Т. 4. С. 187, 189—190.
29. *Чернецов В. Н.* Усть-Полуйское время в Приобье // МИА, 1953. № 35. С. 224, 238—240.
30. *Дмитриев П. А.* Мысовские стоянки и курганы... С. 188—189.
31. *Корякова Л. Н.* Из истории изучения саргатской культуры // Археологические исследования севера Евразии. Свердловск, 1982.
32. *Могильников В. А.* К вопросу о саргатской культуре // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 66—68.
33. *Корякова Л. Н.* Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск, 1988.
34. *Полосьмак Н. В.* Бараба в раннем железном веке. Новосибирск, 1988.
35. *Матвеева Н. П.* Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск, 1993; *Она же.* Ранний железный век Приишимья. Новосибирск, 1994.
36. Подробное описание погребальной обрядности см.: *Матвеева Н. П.* Указ. соч.; *Корякова Л. Н.* Погребальная обрядность лесостепного населения Тоболо-Иртышского междуречья // Очерки этногенеза народов Западной Сибири. Томск, 1994.
37. *Матвеев А. В., Матвеева Н. П.* Ювелирные изделия Тютринского могильника (к проблеме Сибирской коллекции Петра I) // Антропоморфные изображения. Новосибирск, 1987. С. 191—192.
38. Там же. С. 192—199. Рис. 1, 3.
39. *Матющенко В. И.* Погребение воина саргатской культуры // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия — История, филология и философия, 1989. Вып. 1. С. 51—58.
40. Там же. С. 53—54.
41. Древние сокровища Сибири. Каталог выставки / Сост. В. И. Матющенко, И. В. Спирина. Омск, 1988.
42. *Погодин Л. И., Труфанов А. Я.* Могильник саргатской культуры Исаковка-3 // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск, 1991. С. 98—125.
43. *Матвеев А. В.* Древнее золото “60-й параллели” // Природа, 1991. № 9. С. 40—41.
44. *Сарианиди В. И.* Сокровища безымянных царей. М., 1983.
45. *Сарианиди В. И.* Бактрийский центр златоделая // СА. № 4. С. 78—82.
46. *Яценко С. А.* Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I—II вв. н. э. // Петербургский археологический вестник, 1993. Вып. 3. С. 66.
47. *Дьяконов И. М., Якобсон В. А., Яковская Н. Б.* Общие черты второго периода Древней Истории // История Древнего Мира: Расцвет древних обществ. Т. 2. М., 1983. С. 10—11.
48. *Таиров А. Д.* Пастбищно-кочевая система и исторические судьбы кочевников урало-казахстанских степей в I тыс. до н. э. // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993.
49. *Смирнов К. Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964. С. 286.
50. Там же. С. 227.
51. *Корякова Л. Н.* Ранний железный век... С. 163.
52. *Гумилев Л. Н.* Хунны в Азии и в Европе // Ритмы Евразии. Л., 1993. С. 437.
53. *Корякова Л. Н., Погодин Л. И., Труфанов А. Я.* К вопросу о связях населения лесостепи Западной Сибири в эпоху поздней бронзы — раннего железного века // Проблемы археологии Степной Евразии: тезисы докладов. Часть II. Кемерово, 1987; *Матвеева Н. П.* О связях лесостепного населения Западной Сибири с Центральной Азией в раннем железном веке // Россия и Восток: проблема взаимодействия. Материалы конференции. Челябинск, 1995. С. 53—59.
54. *Таиров А. Д.* Торговые коммуникации в западной части Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1995. С. 33.
55. *Матвеева Н. П.* О связях... С. 55—56.
56. *Тревер К. В.* Памятники Греко-Бактрийского искусства. М.; Л., 1940. Табл. 29, 30, 32.
57. *Могильников В. А.* Лесостепь Зауралья и Западной Сибири. Ранний железный век лесостепи Западной Сибири // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР, 1992. С. 304.
58. *Полосьмак Н. В.* Бараба в раннем железном веке. Новосибирск, 1988. С. 77.
59. *Бокоевко Н. А., Засецкая И. П.* Происхождение котлов “гуннского типа” Восточной Европы в свете проблемы хунно-гуннских связей // Петербургский археологический вестник, 1993. Вып. 3. С. 86.

THE "GOLDEN AGE" OF THE TRANS-URALIAN FOREST-STEPPE

This article presents the Sargat culture as the brightest one among the archaeological cultures of the Early Iron Age of the Trans-Urals and Western Siberia. Numerous barrows, which were erected by the population living here from mid 1st millennium BC to mid 1st millennium AD, attracted an attention and soon became the objects of robbery. The article deals with the episodes of "Siberian robbery (bugrovanija)", generalized by the various researchers, for the last years. An analysis of the written documents has allowed to support a hypothesis about Trans-Uralian origin of the most part of the Siberian collection of the Peter the 1st, which was generated at the beginning of the 18th century by things sent to king by owner of Uralian industry A. N. Demidov and by the Siberian governor M. Gagarin.

The robbed barrows and newly discovered settlements became the object of scientific study. At the result of archaeological researches which are carried out by the various scientists, the materials describing system of inhabitancy, architecture, mortuary practice of the Sargat population were received, and separate parties of social structure and economy of the Sargat society were presented. It has achieved a high level in the development at the last centuries of the first millennium BC due to active participation in trade with the states of Central Asia and China.

L. N. Koryakova

Е. А. Курлаев

ЛЕТОПИСНАЯ “ЮГРА”: ИСЧЕЗНУВШЕЕ ИМЯ ИЛИ ИСЧЕЗНУВШИЙ НАРОД?

В большинстве русских летописей на протяжении всего периода летописания встречаются неоднократные упоминания народа — югры. Это племя было известно в качестве одного из отдаленных северо-восточных соседей российских земель, данников, но одновременно и упорных противников новгородских и московских князей. Но к моменту массового освоения Урала русскими и появления достоверных записей о крае путешественников и ученых, этноним “югра” исчезает из документов. Что же исчезло на самом деле, название племени или сам народ? Насколько обоснованы утверждения о генетической связи югры с обскими и западными уграми? Споры и предположения по различным аспектам истории этого народа возникли еще в XVIII в. и были сосредоточены вокруг нескольких ключевых проблем:

- района местообитания в различные исторические периоды;
- преемственности и связи с современными угорскими народами (ханты, манси, венгры);
- объяснения происхождения названия “югра”.

Пути решения этих и других вопросов в дореволюционной историографии были достаточно полно представлены в работах А. А. Дмитриева¹ и М. П. Алексеева².

Относительно местонахождения древней югры мнения ученых разделились следующим образом. Одни из них (Татищев, Болтин, Рычков, Миллер, Фишер, Шлецер) считали, что этот народ находился к западу от Уральских гор; другие — прямо противоположно — к востоку от Урала (Лерберг, Карамзин, Абрамов, Клапрот, Кастрен, Беляев, Соловьев); по убеждению третьих, югра жила на обоих склонах Урала, перемещалась и занимала сначала западный, а затем восточный склон гор (Георги, Регули, Европеус, Гофман, Замысловский, Оксенов, Смирнов).

Касаясь вопроса этнической принадлежности югричей, можно отметить, что все ученые единодушно связывали этот народ с обскими уграми. Но часть историков считала югру предшественницей вогулов и остяков одновременно (Лерберг, Кастрен, Европеус, Теплоухов), другие придерживались мнения, что она была предком только вогулов (Миллер, Фишер, Регули, Гофман, Чупин, Барсов), третьи же — только остяков (Карамзин, Беляев, Бушен). На протяжении почти двух столетий в основе аргументации историков лежали главным образом скудные летописные сведения, и это было почвой не столько для научно обоснованных выводов, сколько для разнообразных догадок и предположений.

Трудность вопроса заключалась в согласовании ряда свидетельств, противоречащих друг другу. Пример тому — полемика о районе обитания югры, где, с одной стороны, летописи, предания и данные топонимики указывают на присутствие этого народа в Приуралье и даже значительно западнее, в бассейне рек Сухоны и Юга. С другой стороны — есть прямые сведения летописных источников, указывающие на обитание югры в Зауралье, по крайней мере с XIV в. Не менее сложным оказалось определение причин исчезновения народа и этноса так называемых “остяков ляпинского наречия”, упоминавшихся в более поздних документах по рекам Сосьве и Сыгве (Ляпину), в тех местах, где по “Книге Большому Чертежу” несомненно

находилась югра. Решение этих вопросов дало возможность одной из групп исследователей обосновать связь между югрой и вогулами или югрой и осяками.

Высоко оценивая обстоятельный анализ трудов предшественников, проведенный А. А. Дмитриевым, мы хотели бы подчеркнуть несколько важных, по нашему мнению, моментов в этом исследовании. Это — подмеченное несоответствие занимаемой осяками территории и границ древней Югорской земли. Любопытны данные о доисторической родине югры, существовавшей будто бы недалеко от места слияния рек Юга и Сухоны и предания о переселении древнего народа за Урал из этих районов, а также высказанное автором предположение о югре как особом народе, некогда составлявшим главное ядро угорского племени, но постепенно слившегося с вогулами и лишь отчасти с осяками. В итоге же исследователь попытался помирить крайние точки зрения и выдвинул компромиссное решение: “Слово Югра в древности употреблялось в двойном смысле — общем, собирательном и частном”³.

Исследования XX в. отличаются использованием более широкого круга источников. Помимо летописей, заметок путешественников, древних карт, документов деловой переписки, легенд и преданий, все активнее привлекаются этнографические, лингвистические, топонимические данные, а также материалы археологических раскопок.

Но насколько живо и разнообразно обсуждалась югорская проблематика до выхода труда А. А. Дмитриева, настолько же ослаб интерес к ней в последующее время. Начиная с работы С. В. Бахрушина формируется доминирующая впоследствии точка зрения, согласно которой древняя югра и осяки — единый народ, имевший разные названия в различные исторические периоды. На протяжении столетий он перемещался с западных склонов Урала на восточные⁴. В дальнейшем этноним “осяки” был вытеснен другим названием этого народа — “ханты”.

Длительное время история района Нижнего Приобья основывалась на письменных источниках. Попытка обобщения археологических данных этого региона Западной Сибири и сопоставления их с этнографическим материалом была осуществлена В. Н. Чернецовым. Ему удалось создать достаточно устойчивую классификацию археологического материала, показывающую преемственность и необъемлемую устойчивость форм материальной культуры на данной территории на протяжении столетий. Для самого позднего этапа этой классификации — кинтусовского, хронологически наиболее близкого к известным этнографическим материалам и определенного исследователем X—XIII вв. характерно постепенное исчезновение из быта керамики, вытесненной, очевидно, привозными медными котлами. Кроме того, в украшениях этого времени почти исчезают литые из бронзы изображения птиц и животных, которые сменяются лапчатыми и шумящими подвесками, в значительной степени привозимыми с Камы и Вычегды⁵.

Периодизация и хронология археологических памятников Нижнего и Среднего Приобья I — середины II тыс. н. э., предложенная В. Н. Чернецовым, была дополнена и уточнена коллективом екатеринбургских ученых на основе исследования археологических памятников в районе Сургутского Приобья. Для нашей же темы особый интерес представляют археологические материалы XI—XVI вв., которые по схеме авторов включены в кинтусовский (конец XI — начало XIII вв.) и сайгатинский (XIII—XVI вв.) этапы. Кратко отметим наиболее характерные для этих периодов черты. Сходный для всех этапов тип фортификации включает систему рвов и валов. Сходный тип жилища в виде слабоуглубленных подпрямоугольных построек с наземными очагами или чувалами. Грунтовые погребения покойников, лежащих в колодах на спине. Круглодонные сосуды, орнаментированные отскаками гребенчатых и фигурных штампов с ямочно-жемчужной зоной на шейке. При чем на сайгатинском этапе керамика огрубляется и ее количество сокращается. В художественном бронзовом литье на смену полым зооморфным навершиям и подвескам приходит все большее количество лапчатых, крестовидных и других подвесок, а с течением времени возрастает количество изделий вымской и родановской культуры. Эта схема, по мнению авторов, отражает хронологические ступени разви-

тия одной культурной общности с присущей ей преемственностью, прослеживающейся от рубежа эр до XIV в., и отражает развитие средневековой материальной культуры всей лесной части Западной Сибири⁶.

С учетом археологических данных в научной литературе окончательно оформилась картина становления этноса обских угров. Югра и остяки являются в ней лишь историческими названиями народа ханты и выполняют в исследованиях роль связующего звена между материалами археологических раскопок и этнографическими сведениями об этом народе XVIII—XX вв. Версия об “угорских корнях” югры и ее генетической связи с ханты стала безальтернативной и тиражировалась в монографических изданиях и научно-популярных трудах⁷.

В то же время подмечена и одна из серьезных проблем в изучении обско-угорских народов, которая заключается в том, что “археологические памятники этого населения (ханты — Е. К.) изучены только до XIII в., а сведения о нем в русских письменных источниках появляются не ранее XVII в., что затрудняет изучение их истории в XIV—XVI вв.”⁸. К этому следует добавить, что до 80-х гг. XX в. в географически точно определяемом по летописям месте обитания югры — Нижнем Приобье, археологическими методами не было исследовано практически ни одного памятника XIII—XVI вв. Нет возможности пока опереться и на данные топонимических исследований этой местности, хотя имеется немало научных работ по топонимике Урала и, в частности, финноугорской проблематике. Специальные экспедиции в этих районах либо не проводились, как, например, в области Полярного и Приполярного Урала⁹, либо полевые материалы были опубликованы лишь частично¹⁰. Не появилось пока и трудов по истории Нижнего Приобья XVI—XVIII вв., основанных на архивных документах.

Серьезные коррективы в сложившиеся представления о развитии этнических процессов в лесной части Западной Сибири в эпоху средневековья внесли археологические исследования 1978—1983 гг. городищ Перегребное I и Шеркалы I в Нижнем Приобье (Морозов В. М., Пархимович С. Г.). Именно в этих районах, судя по имеющимся документам, в XIV—XVI вв. находилась югра.

Городище Перегребное I было обнаружено в пределах одноименного поселка на высоком правом берегу р. Оби, в том ее участке, где прекрасно просматривается место раздвоения реки на Малую и Большую Обь. Когда-то обитатели городка могли успешно контролировать все передвижения на этом стратегически важном участке реки. Другой памятник, Шеркалы I, находится в 30 км выше по реке. В свое время на этом месте находился средневековый городок Шеркар, который по документам назывался югорским¹¹.

По мнению авторов открытия, раскопки слоев XII—XIII вв. дали материалы, характерные для вымской археологической культуры. К ним относятся срубные наземные жилища с дощатыми полами, ямы-погребца, укрепленные досками; печикаменки, специфические вымские украшения, керамика, кости крупного и мелкого рогатого скота. Эти данные сопоставлялись с преданиями об уходе отдельных групп коми за Урал в связи с насильственной христианизацией в XIV в. Здесь отмечено множество топонимов коми происхождения, и в первую очередь — названия старых поселений, оканчивающихся на “кар”. Все это позволило выдвинуть концепцию о проникновении в Зауралье групп предков коми-зырян¹².

Заимствование обскими уграми срубной техники с запада не ранее рубежа II тыс. н. э. на основе анализа имеющихся этнографических и археологических данных отмечала в свое время и З. П. Соколова¹³. Появление новых домостроительных традиций в связи с приходом в Нижнее Приобье в XII—XIII вв. групп приуральского населения (коми-зырян) и их резкое отличие на фоне традиционных строительных приемов коренного населения, отмечалось одним из авторов раскопок городищ Шеркалы I и Перегребное I в специальном труде, посвященном фортификации, поселениям и жилищам Зауралья и Западной Сибири, на основе анализа практически всех выявленных на этой территории средневековых памятников¹⁴. К этому следует добавить, что на основе исследования К. Г. Карачаровым погребальных керамических комплексов средневековых могильников Сургутско-

го Приобья отмечено резкое отличие керамики сайгатинского типа от керамики кинтусовского этапа. По-нашему мнению, это является отражением каких-то событий, произошедших в период второй половины XII—XIII в. Автор исследования находит аналогии в гребенчатой орнаментации керамики сайгатинского типа и судов этого же времени из бассейнов рек Вымы и Выгегды¹⁵.

Подводя итог современному состоянию югорской проблематики отметим следующее:

- к настоящему времени в научной литературе сформировалась устойчивая схема развития этноса обских угров, где югра является историческим названием народа ханты в определенный хронологический отрезок;

- отсутствие комплексных историко-археологических исследований создало разрыв в изучении истории обско-угорских народов в период XIII—XVI вв.;

- на территории Зауралья и Западной Сибири с XII—XIII вв. отмечается увеличение количества находок вещевого инвентаря, характерных для вымской и родановской археологических культур, а также существование в Нижнем Приобье топонимов, характерных для древнепермских народов, появление которых исследователи объясняют следствием торговых операций и деятельности проводников коми-зырян;

- наиболее объективными исследования поселений и могильников югры могут быть лишь на территории Нижнего Приобья, где по летописным данным определено обитал этот народ по крайней мере в XIV—XV вв.;

- в Нижнем Приобье обнаружены и исследованы два городища Перегребное I и Шеркалы I, отнесенные авторами к кругу памятников вымской археологической культуры.

Мы не отрицаем вероятности перемещения части коми-зырян за Урал с р. Вымь в конце XIV в. в результате активной миссионерской деятельности Стефана Пермского. Предания о переселении своих предков из Перми во главе с сотником Памой сохранялись какое-то время у остяков Большого Атлыма на Оби¹⁶. В то же время мы обращаем внимание на следующие моменты. Группы приуральского населения, оставившие памятники типа Перегребное I и Шеркалы I, отличающиеся по многим признакам от одновременных памятников аборигенного населения, и известная по письменным источникам югра практически одновременно (XII—XIII вв.), но значительно ранее коми-зырян с р. Вымь, переместились из Приуралья и заселили регион Нижнего Приобья и даже общее для них поселение — городок Шеркар. Совпадение по времени, территории и направлению миграционных процессов подтолкнули нас к мысли, что материалы XII—XIII вв. с городищ Перегребное I и Шеркалы I, более точно определяемые авторами как вымско-родановские, и принадлежат летописной югре. Такая постановка вопроса потребовала достаточной аргументации как “за” так и “против” выдвинутой гипотезы. В связи с этим возникла необходимость заново обратиться к уже известным летописным сведениям о югре и, возможно, нового их прочтения.

Первое сообщение о приуральском периоде жизни югры является для нашей точки зрения очень важным. Это краткий рассказ Гюраты Роговича Новгородца, датированный 1096 г.: “Яко послах отрок свой в Печору люди иже дань дают Новгороду и оттуда иде в Югру. Югра же людье есть язык нем, и соседят с самоядью на полунощных странах. Югра же рекоша отроку моему: “дивно находим чудо, его же несмы слышали преж сих лет. Се же третье лето поча быти: суть горы заидуше в Лукуморя, им же высота яко до небеса, и в горах тех клич велик и говор, и секут гору и хотяще высецися и в горе той просечено оконце мало, и туда молвят, и есть не разумети языку их, но кажут на железо и помавают рукою, просяще железо; и аще кто даст им нож ли секиру, и они дают скорую противу. Есть же путь до тех гор не проходим пропастью, снегом и лесом. Не доходим их всегда. Есть же и подале на полунощье...”¹⁷

Сторонники обско-угорского происхождения югры, толкуя рассказ Гюраты, всячески старались приблизить этот народ к горам. Лишь в этом случае югра могла являться частью обширной зауральской этнокультурной общности¹⁸. Но это

весьма вольная трактовка документа. Источник прямо указывает на то, что югричи жили в это время на значительном удалении к западу от гор. Нет даже каких-либо намеков на родственные связи с Зауральем. Скорее наоборот. Для них земли за горным хребтом так же неведомы, как и русским. В горах живет неизвестный народ, говорящий на непонятном для югры языке. Кто это, самоеды (ненцы)? Но их рассказчик уже поместил по соседству, севернее югры “на полунощных странах”. Может быть неведомый народ и есть предки современных манси? Очевидно, в XI в. он находился на более низкой ступени развития, ощущал недостаток в железных изделиях и выменивал их у своих западных соседей.

Где же обитала югра в конце XI в.? Попытаемся определить это, используя лаконичные фразы рассказчика. Во-первых, на значительном удалении к западу от гор. Примерно, на широте одного из проходов в горном хребте, скорее всего, вблизи горы Тельпосиз. Этот волок выводил к р. Ляпин и использовался достаточно активно на протяжении длительного времени. Об этом проходе, известном из летописей как “щель” или “югорский”, упоминал А. А. Дунин-Горкавич, подробно он был описан К. Д. Носиловым¹⁹. Упоминаемый путь до гор “на полунощье” — это, возможно, начало волока в районе р. Собь. На севере югра соседствовала с самоедами (ненцами), кочующими вдоль побережья Ледовитого океана. В том случае, если летописное племя “печора” находилось на р. Печора, ближе к ее низовьям, то, по нашему мнению, в момент, зафиксированный в сообщении, югра расселялась где-то в среднем течении р. Печоры и на ее притоках. Некоторым подтверждением этому может быть маршрут новгородских сборщиков дани, которые, следуя волоком через р. Цильму, собирали дань в “печоре”, а потом следовали в “югру”.

Последовательность сбора дани, возможно, отразилась и на порядке перечисления подчиненных областей в договорных грамотах Великого Новгорода: “А се княже волости новгородские: волок со всеми волостями Торжок... Заволочье, Тре, Перемь, Печера, Югра”²⁰. Наиболее отдаленные, восточные волости, постоянно стоят в конце списка. Но есть и некоторое отличие: “... Тре, Перемь, Югра, Печера...”²¹.

Можно предположить, что такая перестановка не случайна, а отражает путь и последовательность посещения подданных волостей. В первом случае через волок и р. Цильму в низовья р. Печоры — в “печоры”, а затем в среднее течение этой же реки — в “югру”. В другом случае порядок сбора дани иной: от “перми” на реке Вычегде, через Ижемский волок по р. Ижме в среднее течение р. Печоры — в “югру” и далее вниз по реке в “печоры”, возвращаясь обратно по р. Цильме. Оба эти волока, Ижемский и Цилемский, и в дальнейшем являлись основными путями прохода на Печору и далее в Зауралье. Таким образом, на основе имеющихся данных из письменных источников, мы предположительно считаем, что в XI в. югра находилась в среднем течении р. Печоры.

XII—XIV вв. отмечены в летописях достаточно частыми походами новгородцев в югру для усмирения и организации регулярного сбора дани. Все экспедиции совершались через “пермь” или “печору”. Как повествуют источники, дань взималась с большими потерями. Так, в 1187 г. были избиты данники печорские и югорские в Печоре²². Из-за избиения сборщиков дани, в 1193 г. Новгород послал в югру целую рать во главе с воеводой Ядреем, которая потерпела сокрушительное поражение²³. В 1323, 1329 гг. шедшие на югру новгородцы были разбиты устюжанами²⁴. Потерпели они поражение и в походах, датированных 1230 и 1357 гг.²⁵ На протяжении нескольких столетий югра, как ни один народ в этом крае, не покорялась и оказывала упорное вооруженное сопротивление.

В летописях не встречаются данные, прямо указывающие на факт перемещения югры в Зауралье. Но, по всей видимости, это произошло между XII и серединой XIV вв., когда югричи под давлением с запада русского населения и вследствие насильственной христианизации вынуждены были переместиться за Урал. Летописное племя обосновалось в Нижнем Приобье, где в 1364 г. их застают новгородские дружины: “Той зимы с югры новгородцы приехааша... воеваша на Оби реке до моря, а другая половина рати на верх Оби воеваша”²⁶. Очевидно, что боевые дей-

ствия здесь ведутся от устья реки Северная Сосьва, ставшей наиболее удобным и кратчайшим путем для продвижения ушкуйников от отрогов Уральских гор до Оби.

С этого времени по письменным источникам югра достаточно четко локализуется вдоль русла Оби и ее притоков, примерно от места слияния с Иртышем и до устья.

В этих же местах находят югру русские и в 1483 г., когда Великий князь Иван Васильевич послал рать на вогульского князя Асыку “да и в югру на Обь великую реку”. После боя с вогуличами на устье Пелыма, рать двинулась дальше по Тавде, мимо Тюмени в Сибирскую землю, воюя по дороге: “А от Сибири шли по Иртышу реке вниз воюючи, да на Обь реку великую в Югорскую землю и князей югорских воевали и в полон вели”²⁷. В данном случае следует обратить внимание на то, что русские ратники, продвигаясь к югре с юга по Иртышу и его притокам, не встретили этот народ в местах традиционного обитания хантов — на Иртыше, а все там же, ниже его устья, в Нижнем Приобье. Югры на Иртыше нет.

Организованный в 1499 г. зимний поход четырехтысячной рати во главе с воеводами С. Курбским, П. Ушатым и В. Гавриловым (Бражником) окончательно завершил разгром югры. Кроме городка Ляпина, были взяты еще 33 города, 1009 лучших людей и 50 князей. Помимо этого, Василий Бражник разорил 8 вогульских городков и пленил 8 князей. При этом, как сообщают источники, в результате разрушительного похода много югрич и вогулич было убито. Вновь в летописном повествовании югра четко отделяется от вогуличей. Путь к ней идет через Ляпин (Ломбовож — Е. К.) к устью Северной Сосьвы в бассейн Нижней Оби. Упоминается и одно из племенных образований югры — Куда (Коде). Важно отметить и тот факт, что спускающуюся с гор рать “из Ляпина встретили с Одоро (Обдора) на оленях югорские князи”²⁸.

Более подробно описывает зауральский район обитания древней югры — “Книга Большому Чертежу” — источник XVI в. Авторы этого документа уже неплохо владели географией края, и многие из указанных пунктов без труда можно обнаружить на современных картах. Из текста следует, что поселения югры находились на Оби и на ее притоках Сыгве (Ляпине) и Сосьве. Во введении об этом говорится так: “А от реки Таза и от реки Оби, вверх по Оби, Обдорскую, Югорскую и Сибирскую землю...”²⁹ Далее в тексте при описании Оби данные уточняются: “А по Оби реке и по рекам, которые в нее пали. От устья вверх Обдорские города. А выше Обдорских городов Югорские. А выше Югорских городов Сибири”. Перечисляются городки вверх по Оби. До устья Иртыша названы: Негеи, Носовой, Ирка, Сабдин, Сускар (Роговой), Войкар, Белой, Лосма, Мозым, Келчикар, Казым, Чемаш, Шеркар, Нельгаркар, Курмыш-Юрган, Атлим, Карымкан, Эмдырь, Калым. На Сосьве и Ляпине находились Юиль, Мункус, Ляпин, Искар, Тапсы, Нячин, Заглеи, Вороней, Хюликар, Эстын, Махтин, Березовой. “И те города по Сыгве (Ляпину) и по Сосве, Югра”³⁰.

К ним стоит добавить еще и городки, которые располагались на этой территории, но не попали в “Книгу Большому Чертежу” из-за того, что к моменту составления описания они были уже разрушены и брошены, или еще по каким иным причинам. Названия их сохранились в топонимах или наименованиях поселков, возникших поблизости. Это — Черикор, Нарыкары, Вежакоры, Вонжакор, Низямский и Кодский городки, Малый Атлым³¹, Шурышкар, Куноват.

Даже если не считать находящуюся близ устья Оби волость Обдор с городками Войкаром (Ночным), Уркаром (Белым) и Каменным³², а также Ендырскую волость, присоединенную к Коде в XVII в., то число покоренных в Югре городков (33) во время похода 1499 г. вполне совпадает с их реальным количеством в Нижнем Приобье в то время. В XVII в. эти селения, хоть и назывались городками, но не были укреплены: “городу и острогу нет, только одни юрты”, и тянулись вдоль правого берега Оби, по его краю³³. Этим и были ограничены восточные границы югры и как повествуется в “Сказаниях о человеках неизвестных” далее к востоку “за Югорскою землею над морем живут самоедь, зовомы молгонзеи”³⁴.

Все эти данные, хотя и скудные, в совокупности оконтуривают югорскую общ-

ность районом Нижнего Приобья с притоками Оби — Сосьвой и Ляпиным, текущими с отрогов Уральских гор, со стороны древней родины югричей. С. В. Бахрушин также обратил внимание на то, что “в понятие Югорской земли отнюдь не входила вся территория, населенная теми племенами, которых впоследствии русские называли осяками”³⁵, но никак не прокомментировал это явление.

Ограничивая Нижним Приобьем район проживания югры, нельзя не обратить внимание на тот факт, что в этом регионе отмечено скопление коми-топонимов, многие из которых имеют раннее происхождение³⁶. В первую очередь — это некоторые из вышеперечисленных пунктов и участков местности с названиями, оканчивающимися на “-кар”, что означает из языка древних пермян “укрепленный городок”. Этот факт нельзя объяснить только тем, что русские путешественники, наносившие на карту названия гор, пользовались услугами коми-проводников и записывали чаще всего коми названия. По мнению А. С. Кривошековой-Гантман, топонимы на “кар” являются “фактами языка переселенцев” и указывают на этническую принадлежность первых жителей поселений³⁷. Распространение названий с окончаниями на “кар”, с учетом составленной С. Г. Пархимовичем карты-схемы, коми топонимов в Нижнем Приобье³⁸, практически полностью совпадает с территорией, населенной, по нашему мнению, югрой. В то же время они не встречаются, а югра не упоминается на Иртыше, в среднем течении Оби и на их притоках.

Но есть исключение. Это городок Неромкар, существовавший в верховьях р. Туры. Несомненно, народ, построивший эту крепость, контролировал речной путь и один из волоков через Уральские горы. Городок был разрушен, а через некоторое время на месте его остатков был основан г. Верхотурье. Неромкар никак не вписывался в нашу гипотезу о географическом совпадении распространения древнепермских топонимов и территории заселенной югричами, ограниченной Нижним Приобьем. Ответ содержится в трудах С. Герберштейна, который утверждал, что “в этих местах находятся две крепости: Ером (Неромкар — Е. К.) и Тюмень, которыми владеют господа князя югорские, платящие, как говорят, дань великому князю”³⁹.

Связь или совпадение границ расселения и названий поселений югры с географией древнепермских топонимов этим не заканчивается. Одно из наиболее сильных племенных объединений югры было Кодское княжество, известное по летописям, как Кода или Куда. В этом названии исследователи находят связь с родовым вождем коми — Кудым-Ошем, речкой Кудой, где стоял г. Кудымкар⁴⁰. Любопытно, что границы этого югорского княжества, в которое входило до 12 так называемых городков — юртов, оконтуривались древнепермскими названиями поселений: Карымкар — “Верхний город”. Ниже по течению Оби на северной границе Коды — Нарыкар — “Нижний город”. Из этого следует, что находившийся в середине княжества городок Шеркар следует толковать как “Средний город”, а не Шоркар — “Город на ручье”, тем более, что поблизости от городища ручей отсутствует. Это подтверждается и одновременно существующим у поселения мансийским названием — “ят-ус” — “средний город”⁴¹. Многие коми заимствования относятся к эловому диалекту, на котором говорили все древние пермяне, но не позже XVII в. В частности, на р. Казым сохранились такие топонимы, как Юильск или Юиил-кар (городок в вершине реки), Чуели (вершина горы), но археологические исследования пока не выявили следов поселений древних пермян⁴². Несомненно, что для полноты и достоверности исследования район требует планомерных и профессиональных топонимических исследований.

Непроясненным остается важный вопрос: что произошло с югрой, известной на Руси под этим именем несколько столетий? Почему вдруг народ стали называть осяками, и так ли это на самом деле?

По мнению С. В. Бахрушина, термин “Югорская земля” или “Югра” выходит из употребления уже в самом начале XVI в. Племенам же, известным ранее под именем югры, с XVI в. присваивается татарское “уштяк” или “осяки”⁴³. В другом случае исследователи объясняют это событие как “вытеснение” из летописей слова югра этнонимом “осяки”⁴⁴. Отсутствие ясности с причинами исчезновения югры

и появления остяков приводит к неразберихе при использовании этих этнонимов. Появляются “югорские вогулы и остяки”, “обские вогулы”⁴⁵.

Согласно нашим представлениям, после длительного противодействия московским дружинам югра была разгромлена и практически полностью уничтожена в результате последовавших друг за другом, по крайней мере, четырех известных крупных военных экспедиций в 1445, 1465, 1483 и, особенно, 1499 гг. Вспомним, что только в последнем походе огромная для народов этого края, хорошо вооруженная четырехтысячная рать в одной лишь югорской земле разрушила все городки, пленила 50 князей и более тысячи “лучших людей”, при этом много жителей погибло. После столетий противостояния для малочисленного в то время народа эта акция оказалась губительной. Очень лаконично, но убедительно говорится об итогах похода в одной из летописей: “Они же, ходившие на лыжах пеши зиму всю, да югорскую землю всю вывоивали и в полон вели”⁴⁶.

Как племенное объединение народ югра перестал существовать, и сведения о нем закономерно исчезают из всех документов, как правильно подметил С. В. Бахрушин, начиная с начала XVI в. В то же время на протяжении всего XVI в. и позже сохраняется представление о “Югорской земле”, и в источниках нередко упоминаются югричи. Но речь идет уже не о могучем народе, а лишь об отдельных его представителях. Недаром в документах в одном ряду стоят остяки, вогуличи, югричи и самоедь⁴⁷. Югричи даже противопоставляются остякам, что в свое время так же натолкнуло А. А. Дмитриева на определение югры как особого народа, отличного от вогулов и остяков, но считавшего его все же угорским⁴⁸. В течение XVI—XVII вв. остатки югорского народа были полностью ассимилированы остяками и вогулами, обитавшими здесь же.

Пока нами не найдено отражение этих событий в обско-угорском фольклоре. Возможно это как-то связано с уничтожением югорского народа или дошедшим до нас относительно поздним “пластом” сюжетов угорского эпоса. Но даже в небольшом обзоре данных из различных источников можно найти отголоски тех событий: “Пермитии убо людие тогда кланяхуся зверем и древню, и воды, и огню, и златой бабе...”⁴⁹. У обских остяков найдено много идолов, про которых они рассказывают, что эти идолы привезены ими из Пермской земли⁵⁰. Интерес к “Золотой бабе” получил широкое распространение в западно-европейской литературе XVI — первой половины XVII в., а впоследствии и в отечественных научных исследованиях. Первоначально этот идол помещался на западе от Урала и считался зырянским кумиром, но, как свидетельствует наибольшее количество известий, примерно с середины XVI в. “Золотая баба” находится за Уралом и упоминается как вогульский или остяцкий кумир. По мнению М. П. Алексеева: “Перемещение идола с запада на восток — факт несомненный и требующий объяснения”⁵¹.

Григорий Новицкий в своем сочинении “Краткос описание о народе Остяцком 1715 г.” отмечал, что “сии же, что вниз по Оби, непременно глаголят наречием пермским”⁵², но объяснял это тем, что остяки переселились из Пермской земли, после крещения ее Стефаном Пермским.

Привлекает к себе внимание легенда коми о жившем некогда на Печоре религиозном деятеле Федоре Тироне, обращавшим в христианскую веру печорских коми. Но они убежали от Федора Тирона за Урал, перемешались с остяками и забыли свой язык. Поэтому, будто бы, остяки светловолосые, не такие, как ненцы⁵³.

Болес 350 заимствований из коми языка в языке ханты и манси насчитали финский лингвист Ю. Тойвонен и венгерский ученый К. Редей. Их древнейший слой относится к X—XV вв.⁵⁴

Любопытно отметить существовавшее среди хантов предание о неизвестном народе “Куран-ех” (осторожный народ), жившем на территории бывшего Кодско-го княжества, который противопоставлялся “кант-ях” (ханты) и выступал воинственным племенем⁵⁵.

Подводя черту под анализом некоторого круга сведений о зауральском периоде истории югры, нельзя не уделить внимания археологическим исследованиям последних лет городища Ендырское I на притоке Оби — р. Ендырь, известного из до-

кументов как Ендырский городок, а из остяцкого эпоса — г. Эмдер. Он находился примерно на определяемой нами границе расселения югры. Из кратких публикаций, сообщающих об этом открытии, можно составить представление о наличии на городище нескольких строительных горизонтов, сформировавших культурный слой памятника⁵⁶. Фиксируются изменения, произошедшие в XIV—XV вв. в пост-кинтусовское время, когда площадка была расширена, застроена каркасно-столбовыми домами и срубной системой обороны, и особенно в период после пожара, когда на очередном этапе строительства была устроена печь-каменка. Мы считаем, что изменения связаны с произошедшим в этот период перемещением югричей в Зауралье. В то же время перепланировки городища в XVI в., возможно, следует связывать с их уничтожением. Вероятным подтверждением этому может быть появление иной отопительной системы — чувалов. К сожалению, для поздних этапов обитания городища характерно практически полное исчезновение керамической посуды и возможности использования ее облика для определения этнической принадлежности обитателей городища.

Говоря о названии “Эмдер”, можно попытаться истолковать его на хантыйской языковой основе: emder — озеро⁵⁷. При этом надо иметь в виду, что в непосредственной близости от памятника озера нет. Для нас более предпочтительным представляется прочтение названия городка как “Емдор”. В языке коми имя-последлог “дор” имеет значение “возле, около, у”⁵⁸. Можно сравнить Обдор (Обдорск) — “У Оби”, Емдор — “У Еми”. Такое объяснение выглядит, на наш взгляд, более убедительным, поскольку ниже городка р. Ендырь имеет приток Емьеган и здесь находится оз. Большое Емьеховское. Несомненно, р. Ендырь стала называться так от названия городка, но в предшествующие времена на всем своем протяжении она могла называться “Емь” (Емьеган). Тем не менее, из-за недостатка информации пока сложно что-либо сказать об этнической принадлежности обитателей городка в XIV—XV вв. По всей видимости, убедительными аргументами в этом вопросе могут стать только результаты исследования находящегося поблизости средневекового могильника.

Изложив наше видение и решение проблем расселения югры в Зауралье, обратимся к сведениям, которые могли бы иметь отношение к ее древнему приуральскому периоду обитания. Их немного. Это уже упомянутые летописные известия 1096, 1193 гг. Упоминаются несколько этнопонимов в районе Уральского хребта: пролив Югорский Шар, две речки Югры в бассейнах рек Илыча и Северной Сосьвы, и соединяющий их “Югринский” проход. Отмечено также достаточно компактное скопление географических названий в северо-восточной части Центральной России, которые, по мнению некоторых дореволюционных историков (Татищев, Барсов), имеют отношение к древней югре. В бассейне р. Сухоны отмечены деревни Югорская и Югина, д. Югринская на р. Юг, д. Угринская на р. Ваге, а также реки Угроньга, Угорма, Юг и т. д. Сохранилось предание о переселении югры с берегов рек Двины и Юга, где этот народ жил когда-то под именем “Югорски” за Урал у его “потомков” вогул⁵⁹. Эти предания получили дальнейшее развитие в исследовании профессора Казанского университета И. Н. Смирнова, который истолковывал двойные названия р. Вычегды и ее притоков из языка коми-зырян и древнего югорского языка, считая, что “в пользу пребывания югры на всем течении Вычегды говорят и другие местные названия”⁶⁰. Следует обратить внимание и на тот факт, что кодский князь Дмитрий в 1643 г. получил вотчину, принадлежавшую некогда его деду Игичею, именно на р. Вычегде, близ Еренского городка⁶¹.

Обратимся к современным исследованиям. С одной стороны имеется давно сформировавшаяся точка зрения об угорских корнях югры и неоднократные попытки исследователей обнаружить следы обских угров в Приуралье. В какой-то степени им это удается.

В предгорьях Урала обнаружены мансийские топонимы, но, как утверждают специалисты, их сравнительно немного, и они в основном сосредоточены в предго-

рях или вблизи хребта⁶², не образуют сколько-нибудь крупных массивов, а ареал обско-угорской топонимики на Среднем Урале, очевидно, начинается только за Уральским хребтом, примыкая к нему с востока⁶³. К этому надо добавить, что название “остяки” в топонимике Северного и Среднего Урала практически не встречается. Этноним “вогуличи” (обозначающий некий летописный народ, в котором историки усматривают как прямых потомков югры, так и предков манси) в названиях местности не совпадает с ареалом распространения мансийской топонимики, но образует четко обозначенный район в верховьях рек Сылвы, Чусовой, Тагила и Ницы⁶⁴.

Есть на западных склонах Урала и археологические находки, характерные для зауральских памятников обских угров, но, в основном, более ранних эпох⁶⁵. Для периода XI—XIII вв., когда югра еще упоминается в районах Приуралья в летописях, причем на значительном удалении к западу от гор, кроме единичных находок, таких свидетельств нет. Нет поселений, могильников, городищ. А судя по летописному сообщению 1193 г., повествующем об осаде новгородцами одного из югорских городков, они были и были сильно укрепленными. Очевидно, в фортификационном строительстве в XII в. югричи использовали строительные приемы, аналогичные обнаруженным в Нижнем Приобье на городище Шеркалы I.

По нашему мнению, достаточно проблематично объединять современные данные археологии и угорской топонимики не только с летописным известием 1096 г., но и со сведениями, представленными дореволюционными историками при обосновании обско-угорских корней югры.

Ситуация меняется, если рассматривать эти данные под другим углом, где югра не является обскими уграми, но относится к кругу древних пермских народов. Там, где дореволюционные ученые в свое время помещали югру, современные исследователи отмечают, что западная граница территории пермоязычных народов в IX—XII вв., по данным археологии и топонимики, как раз и охватывала бассейны рек Юга и Нижней Сухоны, а также верхнее течение Северной Двины⁶⁶. До XIV в. Вычегда с самого устья была занята населением, говорившим на древнепермском языке. Упоминание об обитании пермян в этих районах можно встретить и в письменных источниках. В 1332—1333 гг. И. Калита взял здесь в свои руки сбор дани для Золотой Орды, а в 1364 г. Дмитрий Донской отобрал у ростовских князей “пермские места устюжские”⁶⁷. В течение XII—XIV вв. происходят изменения в расселении древних пермян. Их территория на западе сокращается, а к концу XIV в. в бассейнах Сухоны, Юга и других, за исключением нескольких рек, пермское население исчезает⁶⁸.

В бассейнах названных рек синхронно существовало несколько отдельных племен или племенных союзов, а пермский язык в то время не был единым, в нем имелось несколько диалектов⁶⁹. К этому надо добавить, что вышеупомянутые названия деревень с основой “югра”, “угра”, очевидно, образованы от гидронимов с основой “юг(а)”, зафиксированы в этом районе в основном уже за пределами современного расселения пермских народов. Вероятно, к ним можно отнести и названия речек “югра”, обнаруженных на Уральском хребте. В гидрониме “юг”, смысловое значение которого уже забыто местным населением, большинство исследователей видят древнюю форму, трансформировавшуюся к настоящему времени в “ю”, что в современном коми-языке означает “река”⁷⁰. Все это не противоречит тому, что в IX—XI вв. одно из пермских племен, известное как югра, под давлением славянского населения, не желая принимать христианскую веру, начинает перемещаться вверх по Вычегде. В тех местах, где это племя когда-то обитало, в XII в. возникает город Великий Устюг. Летопись под 1096 г. зафиксировала югру лишь на каком-то этапе вынужденного передвижения населения в Зауралье. В каком месте это могло произойти? Возможно там, где мы первоначально предполагали, — в бассейне Средней Печоры. Но в этом районе пока не обнаружено памятников, аналогичных городищам Шеркалы I и Перегребное I (несмотря на то, что исследователи этого края находят некоторую связь с материалами данных поселений в керамике типа Зыбун-Нюр III)⁷¹, разве что одно малоисследованное городище вымской культуры на р. Ижме⁷².

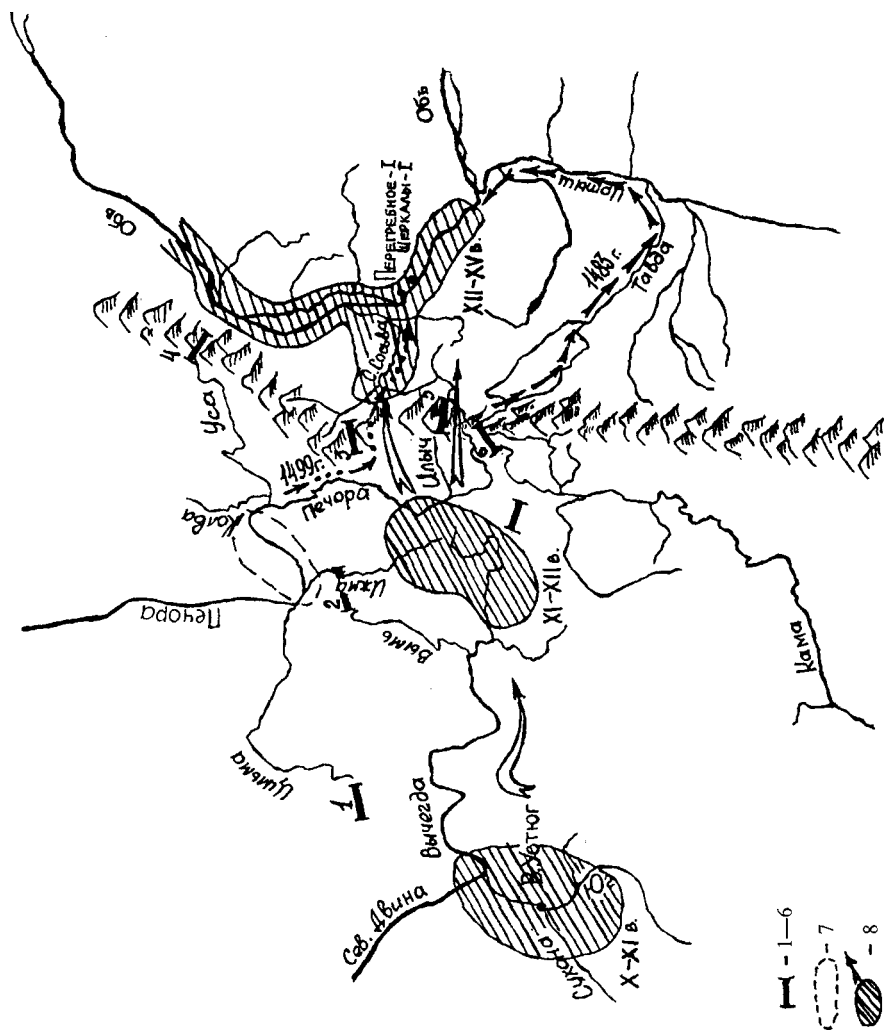
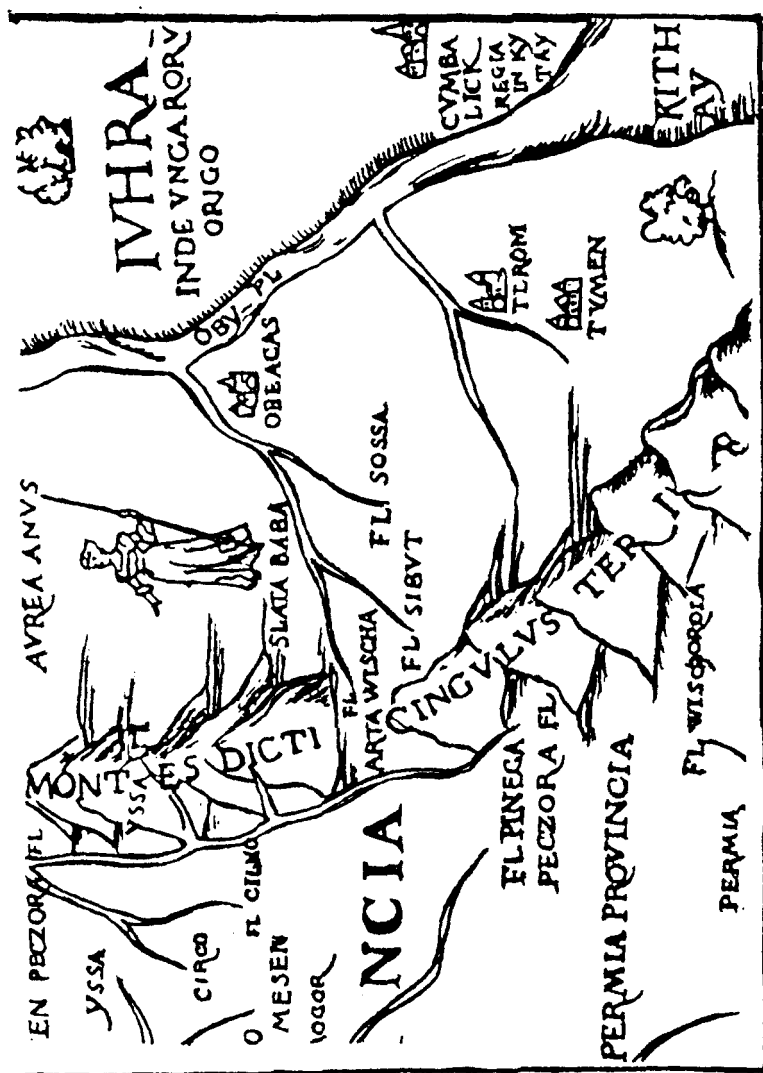

Схема вероятных районов обитания югры в различные исторические периоды XI—XII вв.
 Волости: 1 — Удмуртский; 2 — Ижемский; 3 — Югорский (Печора, Шугор—Сытва, Сосыла, Обь); 4 — Собский (Уса, Елец—Собь, Обь); 5 — Юринский (Выгелда, Южная и Северная Мылга, Верхняя Печора, Илыч, Егрялга—Егря, Лобеница, Сосыла, Обь); 6 — С. Выгелда на Каму, Вишера—Лозыла, Тава, Тобол, Иргыш, Обь; 7 — одно из вероятных мест обитания югры по летописным источникам XI—XII вв.; 8 — наиболее вероятный маршрут перемещения югры в районы ее обитания в различные периоды XI—XII вв.

Фрагмент карты Московии С. Герберштейна, 1556 г.

Можно предположить также, что югра в это время могла находиться в среднем или верхнем течении Вычегды. Здесь обнаружены могильники Шойнаты II, III и Пезмогский, датированные XI—XII вв., по обряду погребения и инвентарю близкие могильникам Перми Вычегодской с р. Вымь⁷³. В IX—XII вв. древние пермяне заселяли Верхнюю Вычегду до района р. Вишеры и Сторожевска. В XIII в. они покинули эти места⁷⁴. И ушли. Но куда, может быть, в Нижнее Приобье?

Поскольку в районе Средней Печоры, который мы на основе сообщения 1096 г. предварительно определили как область местообитания югры в XI в., памятников, аналогичных городищам Перегребное I и Шеркалы I, не обнаружено, то местонахождение югры в это время более вероятно в районе Верхней Вычегды. На Вычегде в районе Пезмога жители указывали на дорогу (Дорога древних людей), по которой из Пезмога ушли какие-то древние люди. Примерно на широте р. Вычегды, в горах, за одним из наиболее древних волоков, соединяющим две речки “Югры”, закрепилось название “Югринский”.

С передвижением югры из контактных со славянским этносом областей согласуется и мнение авторов раскопок городища Перегребное I. Коллектив, основавший это городище, прежде чем пересечь Уральский хребет, по-видимому, испытал сильное русское влияние⁷⁵.

Таким образом, перемещаясь, по нашему мнению, по Вычегде с рек Юга и Сухоны, югра в XII—XIII вв. оказывается в Зауралье, следствием чего стало появление в Нижнем Приобье памятников типа Перегребное I и Шеркалы I, а в коллекциях археологических находок с территории западно-сибирского региона — увеличение количества вещей с Верхнего Прикамья и Вычегды. Происходят существенные изменения в облике материальной культуры обитателей Нижнего Приобья, вероятно, связанные с миграцией.

Во второй половине XIV в. значительная часть югорского населения уже определенно находилась в Нижнем Приобье, а в XV в. в районе расселения югры существовало несколько территориальных объединений: Ляпинско-Сосьвинское (собственно Югра), Обдора, Кода и четыре десятка поселений-городков. В конце XIV в. вследствие активной миссионерской деятельности Стефана Пермского сюда же перебирается и некоторая часть не принявшего христианство пермского населения с р. Вымь.

Походами русских дружин 1445—1499 гг. основная часть населения югры была уничтожена или уведена в плен, а городки разрушены. От югры осталось только название территории, просуществовавшее до XVIII в., а от югричей — отдельные жители, ассимилированные в XVI в. местным угорским населением. Какое-то время сохранялся язык югричей как один из диалектов древнепермского языка. Следы его остались в преданиях и топонимах.

Говоря о близости названий “югра” и “угры”, надо обратить внимание на то, что еще Сигизмунд Герберштейн пытался понять причину в различии их произношения, а мысль о происхождении венгров от угров Европейского Север-Востока впервые прозвучала еще в конце XV в. Впоследствии эта идея стала одним из элементов теории родственности населения Русского государства и Венгрии. Теория о близости или единстве венгров и югры должна была оправдать создание антипольского русско-венгерского союза и притязания Русского государства на западные земли. Эти идеи были широко распространены среди россиян в то время и, как вспоминал С. Герберштейн: “Московиты сильно хвастают этим именем (т. е. Югария), так как их подданные опустошили некогда большую часть Европы”⁷⁶.

Известный венгерский языковед П. Хайду считает маловероятным установление языковой и исторической связей между словом “югра” и названием венгров (ungri), образовавшим через племенное название турок оногуров⁷⁷.

С другой стороны, если югра все же имеет древнепермские корни, не лишено смысла высказывание Татищева о появлении этого названия от р. Юг — “Югдория”, перешедшее в “югра”, учитывая при этом, что названия “Кондория” и “Обдория” заимствованы из зырянского языка и означают устье (страна при устье) Конды, устье Оби⁷⁸.

Эта точка зрения может иметь продолжение и в именовании так называемых ляпинских "остяков" (остяков ляпинского наречия или северных вогулов) — Егра, Йогра (Jogra). Так называли коми-зыряне жителей, населявших только бассейны рек Сосьвы и Ляпина. То есть тех мест, где когда-то жила, но была уничтожена или ассимилирована югра — родственное древним коми племя, до последнего оставшееся язычниками.

Подводя итог, мы считаем, что летописная югра генетически могла относиться не к обским уграм, а к кругу древнепермских племен или являлась неким, пока неизвестным племенем, которое переместилось за Урал и к концу XV в. было практически полностью уничтожено походами русских дружин.

Основные заблуждения, приведшие в свое время к созданию гипотезы обско-угорского происхождения югры, по нашему мнению, заключались в отождествлении югры и остяков в один народ и поиске единства названий западных угров и югра — северо-восточных племен, чему способствовало отсутствие планомерных археологических исследований в тот период.

Обратиться к рассмотрению югорской проблематики с таких позиций стало возможным только после находки поселений древних пермян в Нижнем Приобье. Проведенных исследований и нескольких обнаруженных памятников пока явно недостаточно для убедительного подтверждения наших выводов, но все же имеется возможность обозначить проблему и выдвинуть гипотезу о неугорском происхождении летописной югры.

Внесение достаточной ясности в этот вопрос может быть осуществлено лишь после полной публикации материалов уже исследовавшихся югорских поселений и в первую очередь Шеркалы I, проведение раскопок на могильниках и городищах, известных как югорские или имеющих древнепермские названия. Необходимо и тщательное изучение документов XVI—XVII вв., имеющих отношение к истории Нижнего Приобья.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дмитриев А. А. Пермская старина. Вып. V. Пермь, 1894. С. 1—41.
2. Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск, 1932. Т. 1. С. 70—71.
3. Дмитриев А. А. Указ. соч. С. 40—41.
4. Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв. Л., 1935. С. 3—5.
5. Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тыс. н. э. // МИА, 1957. № 58. С. 138.
6. Федорова Н. В., Зыков А. П., Морозов В. М., Терехова Л. М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ, 1991. № 20. С. 126—145.
7. Соколова З. П. Страна Югория. М., 1976. С. 15—16; История Урала с древнейших времен до 1861 г. М.: Наука, 1989. С. 137; Оборин В. А. Заселение и освоение Урала в конце XI — начале XVII в. Иркутск, 1990. С. 56.
8. История Урала с древнейших времен до 1861 г... С. 137.
9. Матвеев А. К. Топонимия Урала. Свердловск, 1985. С. 18.
10. Дмитриева Т. Н. Географический термин Вош ("Городок") в хантыйской топонимии Казыма // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири: Тез. докл. X Западносибирского археолого-этнографического совещания. Томск, 1995. С. 62—64.
11. Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950. С. 50; Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 208, 331, 480.
12. Морозов В. М., Пархимович С. Г. Городище Перегребное I // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень, 1985. С. 89—99; Пархимович С. Г. О контактах населения Нижнего Приобья и Северного Приуралья в начале II тыс. н. э. // ВАУ, 1991. № 20. С. 145—153; Зыков А. П., Пархимович С. Г. Изделия из железа и стали городища Перегребное I // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988. С. 152—159.
13. Соколова З. П. К истории жилища обских угров // СЭ, 1957. № 2. С. 101, 105.
14. Морозов В. М. Поселения и жилища таежной зоны Зауралья и Западной Сибири в эпоху средневековья. Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1994. С. 19.
15. Карачаров К. Г. Погребальная керамика Сургутского Приобья XIII—XV вв. // Иссле-

- дования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск, 1991. С. 208—209.
16. *Теплоухов Ф. А.* Древности пермской чуди в виде баснословных людей и животных // Пермский край, 1893. Т. 2. С. 49.
 17. ПСРЛ. Т. VII. СПб., 1856. С. 10.
 18. *Дмитриев А. А.* Указ. соч. С. 20—21.
 19. *Душин-Горкавич А. А.* Тобольский Север. Т. III. Тобольск, 1911. С. 5; *Носилов К. Д.* У вогулов. М., 1904. С. 236.
 20. ПСРЛ. Софийская II летопись. СПб., 1859. С. 169.
 21. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 1.
 22. ПСРЛ. Т. III. СПб., 1841. С. 19.
 23. Там же. С. 21.
 24. Там же. С. 73, 74.
 25. ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Петроград, 1915. С. 262.
 26. ПСРЛ. Т. IV. СПб., 1848. С. 64—65.
 27. ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и Вологодские летописи XVI—XVIII вв. Л., 1982. С. 95.
 28. *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 204.
 29. Книга Большому Чертежу. С. 50.
 30. Там же. С. 168—170.
 31. *Бахрушин С. В.* Указ. соч. С. 7, 41.
 32. Там же. С. 7.
 33. Там же. С. 41.
 34. *Алущин Д. Н.* К истории ознакомления с Сибирью до Ермака // Древности. Труды Императорского Московского Археологического Общества. М., 1890. Т. XIV. С. 235.
 35. *Бахрушин С. В.* Указ. соч. С. 4.
 36. *Оборин В. А.* Этнокультурные связи населения Верхнего Прикамья с племенами Западной Сибири в IX—XV вв. // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. Уфа, 1976. С. 20—21; *Овчинникова Е. И.* К вопросу об общности топонимических типов Европейского Предуралья и Западной Сибири // Происхождение абorigенов Сибири и их языков. Томск, 1969. С. 16—17.
 37. *Кривоцекова-Гантман А. С.* Лингвистический анализ ойконимов на -кар // Лингвистическое краеведение Прикамья. Пермь, 1976. Вып. 3. С. 12.
 38. *Пархимович С. Г.* Указ. соч. С. 149.
 39. *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 157.
 40. *Пархимович С. Г.* Указ. соч. С. 151.
 41. *Штейншниц В.* Из топонимики Северного Приобья // ВГ, 1962. № 58. С. 110.
 42. *Дмитриева Т. Н.* Коми компонент в топонимии бассейна р. Казым // Христианизация коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996. Т. II. С. 70, 74.
 43. *Бахрушин С. В.* Указ. соч. С. 4.
 44. *Майданова Л. М.* Ареалы финно-угорской этнонимии Урала // Вопросы топонимистики, 1962. С. 30.
 45. *Плигузов А. П.* Текст-кентавр о сибирских самоедах. Москва—Ньютонвилль, 1993. С. 146, 152.
 46. ПСРЛ. Т. 37. С. 98.
 47. *Миллер Г. Ф.* Указ. соч. С. 339.
 48. *Дмитриев А. А.* Указ. соч. С. 27—32.
 49. ПСРЛ. Т. 31. М., 1968. С. 93.
 50. *Миллер Г. Ф.* Указ. соч. С. 188.
 51. *Алексеев М. П.* Указ. соч. С. 116.
 52. *Дмитриев А. А.* Указ. соч. С. 42.
 53. Коми легенды и предания. Сыктывкар, 1984. С. 33—34.
 54. *Жеребцов Л. Н.* Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982. С. 176.
 55. *Карачаров К. Г.* О правомерности этнических интерпретаций // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: Тез. докл. XII Уральского археологического совещания. Екатеринбург, 1993. С. 79; *Мартынова Е. П.* Этническая история хантов по легендам и преданиям // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири: Тез. докл. X Западно-Сибирского археолого-этнографического совещания. Томск, 1995. С. 121.
 56. *Зыков А. П., Кокищаров С. Ф.* Легендарный Эмдер // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири... С. 75—78.

57. Матвеев А. К. О древнейших местах расселения угорских народов // Уч. зап. Пермского ун-та. Пермь, 1968. № 191. С. 145.
58. Матвеев А. К. Топонимия Урала. Свердловск, 1985. С. 43—44.
59. Дмитриев А. А. Указ. соч. С. 7, 9.
60. Там же. С. 11—12.
61. Бахрушин С. В. Указ. соч. С. 61.
62. Матвеев А. К. Топонимия Урала... С. 35.
63. Он же. О древнейших местах... С. 142; Туркин А. И. К вопросу об угорских названиях на территории Коми ССР // Проблемы историко-культурной среды Арктики: Тез. докл. Международного симпозиума. Сыктывкар, 1991. С. 134.
64. Майданова Л. М. Указ. соч. С. 26—29.
65. Мурыгин А. М., Королев К. С., Ляшев В. А. Миграционный фактор в развитии средневековых культур Северного Приуралья. Сыктывкар, 1984.
66. Жеребцов Л. И. Историко-культурные взаимодействия коми с соседними народами. М., 1982. С. 32.
67. Шабаяв Ю. П., Жеребцов И. А., Жеребцов Л. Н. Изучение процесса присоединения коми края к Русскому государству. Сыктывкар, 1980. С. 319.
68. Жеребцов Л. Н., Конаков Н. Д., Королев К. С. Из жизни древних коми. Сыктывкар, 1985. С. 21.
69. Жеребцов Л. Н. Проблемы этнической истории народа коми // Проблемы этногенеза народа коми. Сыктывкар, 1985. С. 110.
70. Афанасьев А. П. Западные и юго-западные границы гидронимов пермского типа // Проблемы этногенеза народа коми. Сыктывкар, 1985. С. 72.
71. Мурыгин А. М. Печорское Приуралье: эпоха средневековья. М., 1992. С. 150—151.
72. Плюснин С. М., Волокитин А. В. Средневековое городище на Ижме // Родники Пармы. Вып. 90. Сыктывкар, 1990. С. 11—12.
73. Жеребцов Л. Н., Конаков Н. Д., Королев К. С. Указ. соч. С. 112—129.
74. Там же. С. 22.
75. Морозов В. М., Пархимович С. Г. Указ. соч. С. 96.
76. Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1885. С. 135.
77. Хайду Петер. Уральские языки и народы. М., 1985. С. 34—35.
78. Дмитриев А. А. Указ. соч. С. 33.

CHRONICLE'S UGRA: LOST NAME OR LOST PEOPLE?

The problems of historical identification of the population called in chronicles as "ugra" are in discussion for many years. Based on chronicles, archaeological and other data author puts forward a hypothesis of protopermian origin of that ugra people. In the XII—XIII centuries Slavs and process of Christianisation forced to move them from Velyky Ustug region to lower reaches of the Ob' river. In the end of XV century ugra population was wiped out by russian military retinue.

E. A. Kurlaev

И. В. Усачева

КОМПЛЕКС КАМЕННЫХ ДЕРЕВООБРАБАТЫВАЮЩИХ ОРУДИЙ ЭПОХИ НЕОЛИТА

В ходе археологических исследований в 1981—1982 гг. на поселении VIII пункт на Андреевском озере (вскрытая площадь — 116 кв. м) удалось выявить интересный комплекс изделий из камня, связанный с сооружением развитой эпохи неолита. Комплекс, во-первых, чистый и, по всей вероятности, разовый. Во-вторых, как показал его анализ, специализированный.

Поселение VIII пункт является многослойным памятником, где представлены различные типы сооружений, ям, перекопов и просто слоев от эпохи развитого неолита до средневековья. По этой причине хотелось бы подробнее остановиться на методике вычленения чистого комплекса. Поселение VIII пункт относится к хорошо стратифицированному памятнику. В нижних горизонтах раскопов 6—7 под слоем, содержащим керамику боборыкинской культуры, была выявлена половина котлована сооружения, которое на основании зафиксированных на дне фрагментов керамики с прочерченно-гребенчатым орнаментом может быть датировано фазой развитой эпохи неолита. Котлован, имеющий темное заполнение, был хорошо виден на фоне желтоватого материкового песка, в который он был углублен на 0,8 м. Материал для анализа отбирался только из придонной (нижние 50 см) части котлована. Каменный инвентарь тех участков, где были отмечены перекопы, в расчет не принимался.

Полученная выборка представлена 33 предметами. По материалу она распределялась следующим образом: 7 экз. — некремнистые и малокремнистые породы (песчаник, сланец и т. д.) и 26 экз. — кремнистые (кремь, яшма). При этом изделий из яшмы (преимущественно темного цвета) насчитывалось всего 7 экз., тогда как изделий из кремня серо-белого, розового и оранжевого тонов с характерной кварцитовой искрой — 19 экз., то есть 73% от общего количества кремнистых пород. На других раскопах (1—5) подобный кремь представлен единичными экземплярами, что позволило с большой долей уверенности предположить, что на поселении VIII пункт подобное сырье в другие эпохи не использовалось. Жесткие сырьевые характеристики кремня (яшмы и некремнистые породы, имеющие широкий хронологический диапазон, в расчет не принимались) дали возможность вычленить синхронный комплекс каменных артефактов из верхних слоев раскопов 6—7. При общем количестве изделий из камня 353 экз. из интересующей нас породы было выполнено 118 экз. Итого, с учетом кремня придонной части сооружения, получается 137 экземпляров, а с учетом всех каменных изделий придонной части — 151 экз. 81 экз. оказались отходами. Они представлены нуклеусами (3 экз.), сколами (1 экз.), мелкими отщепами (55 экз.), забракованными частями пластин (15 экз.) и их отсеченными концами (7 экз.), что свидетельствует в пользу местного производства орудий. 8 экз. являются неопределимыми обломками орудий. Сюда же включены отщепы с эпизодической, скорее всего, случайной ретушью. 12 экз. отнесены к категории заготовок. В эту группу вошли пластины

целые (4 экз.) или с отсеченными концами (8 экз.), имеющие хорошие рабочие параметры, т. е. параллельную огранку и подходящие размеры (ширину от 9 до 17 мм, длину от 22 до 67 мм при толщине от 2 до 5 мм), но не имеющие следов использования. Собственно орудийный набор составил 50 экз. 46 экз. выполнено из кремнистой и 4 экз. (один наждак для снятия каменной кромки, два полировальника и одно сверло по дереву) из некремнистых пород камня.

Любопытно, что абсолютно все кремнистые орудия данного комплекса имеют ярко выраженные, визуально хорошо читаемые следы сработанности в виде выкрашенности края, замятостей, заломов и выщербин, которые остаются только после работы с деревом или распаренной костью. Исключение составили 4 наконечника стрел, причем все деформированные (рис. 2, 12—15). Из 4 некремнистых орудий к процессу деревообработки не имеет прямого отношения только наждак.

Таким образом, перед нами специализированный деревообрабатывающий комплекс каменных орудий, содержащий 45 изделий. Поскольку часть орудий комбинированные, то общее количество рабочих поверхностей-лезвий — еще больше. Выборка достаточно представительна для изучения процесса деревообработки в эпоху развитого неолита в лесостепном Зауралье.

Что представляет собой данный комплекс удалось понять не сразу. Разработанных в полном объеме археологических критериев номинаций по данной тематике пока не существует. Техничко-морфологический анализ позволил получить описательные характеристики орудий, но вскрыть сущность комплекса не смог. Более того, излишне формализованный подход приводил к утрате целостности коллекции, поскольку одни и те же по форме изделия могли являться совершенно разными орудиями в зависимости от того, в каких производствах использовались: факт, неоднократно отмечаемый трасологами¹. Так, например, изделия в форме скребка могли использоваться как в кожевенном, так и в деревообрабатывающем процессе; ножи имеют еще более широкий диапазон использования. Трасологический анализ, проведенный, к сожалению, выборочно², помог отметить лишь функции отдельных орудий, но полной картины не давал и он. Поэтому была предпринята попытка взглянуть на комплекс с другой стороны, а именно, произвести сравнительный анализ неолитического деревообрабатывающего набора с современным. Консультация у специалистов по обработке дерева³ помогла выбрать наиболее оптимальный подход — характеризовать орудия исходя из формы лезвия, что позволило уточнить функциональное назначение отдельных категорий орудий и предложить номинацию тем из них, для которых традиционных наименований нет⁴. В результате удалось выделить V групп орудий, которые, в свою очередь, подразделились на подгруппы и типы в зависимости от нюансов выполняемой ими работы.

В первую группу (I) вошли скребуще-строгающие орудия с односторонне заточенной прямой, вогнутой и выпуклой формой рабочего края. Орудия с прямой формой рабочего края (1-я подгруппа — прообраз рубанка) подразделяются на два типа.

Первый тип — струги, выполняют в направлении на себя скобляще-строгающие операции, предназначенные для выравнивания поверхности. Чтобы не путать их со стругами, используемыми в кожевенном производстве⁵, их можно назвать прямыми скобелями, ножами-строгальями или оговаривать, что это — струги по дереву. Коллекция содержит 22 струга, из которых 1 экз. двулезвийные, 7 экз. скомбинированы с другими видами лезвий: 4 экз. с фигурными ножами, 1 экз. со стамеской, 1 экз. — со строгальным ножом, 1 экз. — со строгальным ножом и резчиком. Для их изготовления отбирались широкие (7—15, чаще 10—15 мм), массивные (2,5 — 6, чаще 3—5 мм) целые пластины (5 экз.) или их сечения (без дистального конца — 7 экз., без проксимального конца — 3 экз., медиальная часть — 6 экз.). В одном случае был использован пластинчатый отщеп. Длина заготовок варьирует от 22 до 52 мм. Большая часть пластин была использована без дополнительной обработки, часть предварительно обработана среднетонкой крутой ретушью с дорсала. Лезвие занимает всю длину грани даже в тех случаях, когда пластина имеет изогнутый профиль (рис. 1, 1—12, 19, 20; Рис. 2, 9). Исключением

является 1 экз., у которого выкрошенность не доходит до края заготовки 6 мм (рис. 1, 10).

Второй тип — строгальные ножи — предназначены для выстругивающих операций в направлении от себя. Их 10 экз., 5 экз. — двулезвийные, 2 экз. скомбинированы с другими типами лезвий: 1 — со стругом, 1 — со стругом и резчиком. Заготовками этого типа орудий, как правило, служат пластины с отсеченным проксимальным концом (6 экз.). Только 2 экз. выполнены на пластинах без дистального конца и 2 экз. — на медиальных сечениях. Ширина пластин варьирует от 5 до 14 мм (обычно 8—10 мм), толщина — от 1,5 до 4 мм (чаще — 2,5—3 мм). Лезвие, оформленное мелкой крутой ретушью с дорсала (впрочем, без трасологического анализа ее почти невозможно отличить от выкрошенности), имеет достаточную протяженность, но не всегда занимает всю длину заготовки (рис. 1, 13, 14; Рис. 2, 9).

Вторая подгруппа — орудия с вогнутой формой рабочего края. Они традиционно называются скобелями и используются для обработки округлых рабочих поверхностей. В коллекции имеется четыре скобеля, один из которых трехвыемчатый, 3 экземпляра скомбинированы с другими типами лезвий: 2 — с резчиком, 1 — с резчиком и фигурным ножом. Все орудия выполнены на массивных отщепах с выемчатой формой края. Только в одном случае зафиксирована дополнительная подработка ретушью. Этот последний экземпляр, обработанный крупной разнофасеточной ретушью с дорсала, выделяется своими размерами, диаметр его выемки достигает 25 мм (рис. 1, 15, 16; рис. 2, 10).

Наиболее сложной оказалась третья подгруппа, в которую вошли орудия с выпуклой формой рабочего края. В зависимости от угла наклона к рабочей поверхности и от угла заточки сегодня ими выполняется несколько операций: 1) черновое выравнивание поверхности за счет выстругивания полукруглых канавок, убирающих грубые неровности — функция шерхебеля. Ширина лезвия здесь напрямую зависит от твердости древесины: чем она тверже, тем уже лезвие; 2) зачистку от ворса поверхностей с кривизной — функции современных скребков по дереву; 3) строгальные операции — функция ножей-резаков; 4) режущие операции — функция стамесок с выпуклым лезвием. Поскольку столь разнохарактерные функции могут осуществляться одним и тем же орудием, мы отказались от попытки расчленить их, хотя в отдельных случаях это трасологически возможно. Для всей подгруппы предложено общее наименование — фигурные ножи. Их в коллекции 10 экз., 4 экз. скомбинированы с другими типами лезвий: 3 экз. — со стругом, 1 — со скобелем и резчиком. Заготовками этих орудий выступают обычно короткие массивные пластины шириной 10—14 мм (5 экз.) и пластинчатые отщепы и отщепы средних размеров (20х16х5 — 33х28х8 мм) (4 экз.). 1 экз. изготовлен на отработанном нуклеусе. В том случае, когда лезвие оформлено на торцовом конце, фигурный нож легко принять за концевой скребок с полукруглой (4 экз.) или со слабовыпуклой (3 экз.) формой лезвия. От последних их отличают следы сработанности — отсутствует характерная для скребков заглаженность нижней кромки лезвия, фиксируется, даже визуально, некоторая замятость и выкрашенность рабочего края, иногда отмечается чуть более острый угол заточки (3 экз.) (Рис. 1, 16—22, 8).

*Во вторую группу (II) вошли орудия с прямым или слабовогнутым лезвием клиновидного профиля типа *pièce escaillé*, предназначенные для операции щепления — отделения лучин. Современных аналогов этим изделиям нет, их функция выполняется ножами. Расцвет данных орудий приходился на эпоху верхнего палеолита. Их мало уже в мезолите, в неолите они вообще единичны и невыразительны. В коллекции раскопов 6—7 обнаружено 2 экз. *pièce escaillé*. Один из них выполнен не из кремня и потому хронологически достоверно не может быть документирован. Можно лишь предположить, что он относится к наиболее раннему, то есть неолитическому комплексу. Оба экз. изготовлены на мелких отщепах. В одном случае лезвие оформлено на одной из продольных граней приостряющей ретушью с вентрала, в другом — приостряющей, местами — плоской, ретушью с вентрала (рис. 2, 1, 5).*

Третья группа (III) представлена сверлами (3 экз.) и развертками (1 экз.). Два сверла выполнены на дистальных концах высоких (3,5—5 мм) конвергентных пластин с максимальной шириной 10 мм. Сходящиеся продольные грани орудий отделаны крупной отвесной ретушью с дорсала. В одном случае ретушь оформляет только рабочую часть, в другом — полностью покрывает продольные грани (следы углубления в дерево на этом экземпляре достигают 15—16 мм). Один экземпляр изготовлен на небольшой (42x15x7 мм) плитке черного сланца, обработанной по периметру двухсторонней краевой плоской, местами выстругивающей ретушью. Все три сверла асимметричны. Их рабочий конец имеет небольшой скос влево. Одно из них скомбинированно с резцом (рис. 2, 2, 4).

Развертка (1 экз.) выполнена на пластинчатом отщепе толщиной 4,5 мм. Тыльная часть изделия обломлена. Сохранившийся рабочий конец имеет прямоугольное лезвие шириной 10 мм. Торец орудия обработан крупной отвесной ретушью с дорсала. На боковые грани нанесена противоположащая крупная крутая ретушь. Один край, кроме того, дополнительно подтесан с вентрала (рис. 2, 6). В общей коллекции раскопов имеется еще одна развертка по дереву, выполненная на высоком отщепе подквадратной формы размерами 24x22x8 мм. Крупная, на всю толщину заготовки, крутая противоположащая ретушь нанесена на две стороны изделия и на чуть скошенный торец. К сожалению, изделие достоверно не документируется. Оно найдено чуть выше придонной части сооружения, выполнено из яшмы желтого цвета, которая встречена в единственном числе (рис. 2, 7).

В четвертую группу (IV) вошли режущие инструменты с уголковой и угловой формой рабочего края. Сюда же, вероятно, следует отнести орудия с обработанным плоским торцовым концом. Для последних Ю. Б. Сериковым уже предложено наименование — стамески. В качестве определяющего признака он использует слабовогнутый характер лезвия⁵. Думается, эту категорию необходимо расширить, включив сюда также орудия с прямым и, может быть, даже выпуклым (те из фигурных ножей, которые осуществляют режущие функции) лезвием. Современный набор стамесок очень разнообразен. Они используются при резьбе для выборки различных углублений. В нашей коллекции имеются два орудия с обработанным торцовым краем. Одно из них достоверно не документировано, зафиксировано в зоне перекопа придонной части котлована. Материал, из которого выполнен предмет — яшма серо-коричневого цвета — встречена единично, орудие изготовлено на низкой пластине шириной 10—12 мм, от которой сохранился только проксимальный конец. Мелкая крутая ретушь оформляет обе продольные грани с дорсала. Прямой торцовый конец обработан двусторонней приостряющей ретушью (рис. 2, 8). Второе орудие скомбинировано со стругом. Плоский прямой и торцовый конец этого изделия подтесан приостряющей ретушью с вентрала.

Орудия с уголковой формой рабочего края (2-я подгруппа) представлены двумя типами — угловыми (2 экз.) и срединными (2 экз.) резчиками, предназначенными для производства тонких резных и гравировальных работ. Полного аналога им нет, наиболее близки — штихели. Заготовками угловых резчиков послужили, в одном случае — пластина шириной 8 мм, толщиной 3 мм, в другом случае — отщеп, размерами 30x21x8 мм. Боковой угловой резчик на пластине образован скошенным под углом 60° торцовым концом и боковой гранью, обработанными крупной отвесной ретушью. Этот экземпляр скомбинирован со стругом (одна продольная грань) и строгальным ножом (другая продольная грань) (рис. 1, 20). Второй резчик оформлен на естественном выступе края отщепа с помощью небольшой подработки ретушью. Этот экземпляр скомбинирован со скобелем, которому противоположит (рис. 2, 9).

Второй тип резчиков — срединный, выполненный на отщепах аморфной формы средних размеров (35x25x10 мм и 33x28x8 мм). Для создания лезвий использованы естественные выступы края. Один предмет имеет легкую подправку с дорсала, другой использовался без дополнительной подработки. Оба резчика комбинированы. Один сочетается с трехвыемчатым скобелем, другой со скобелем и фигурным ножом (рис. 1, 16; 2, 10).

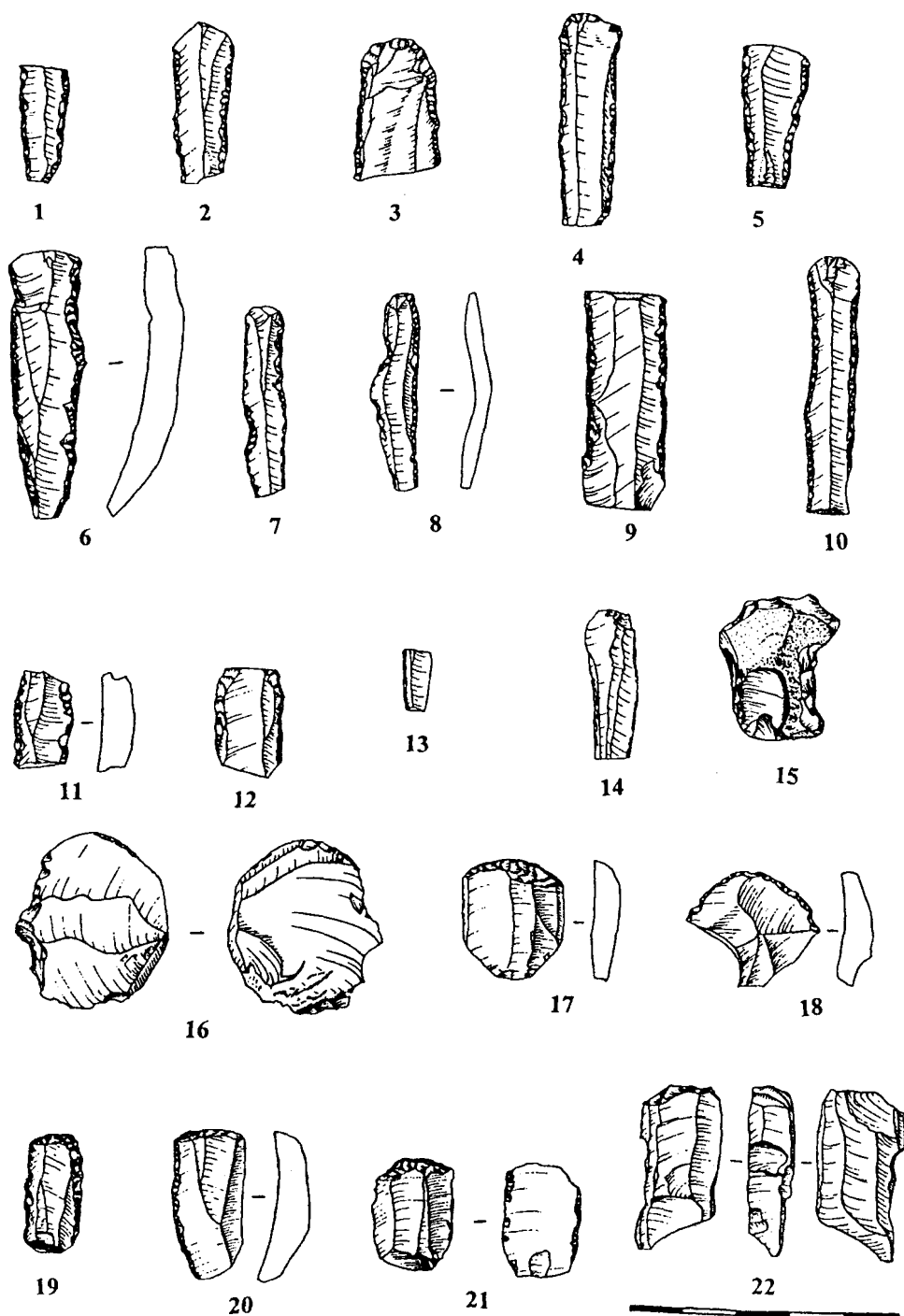

Рис. 1. Орудия 1-й группы.

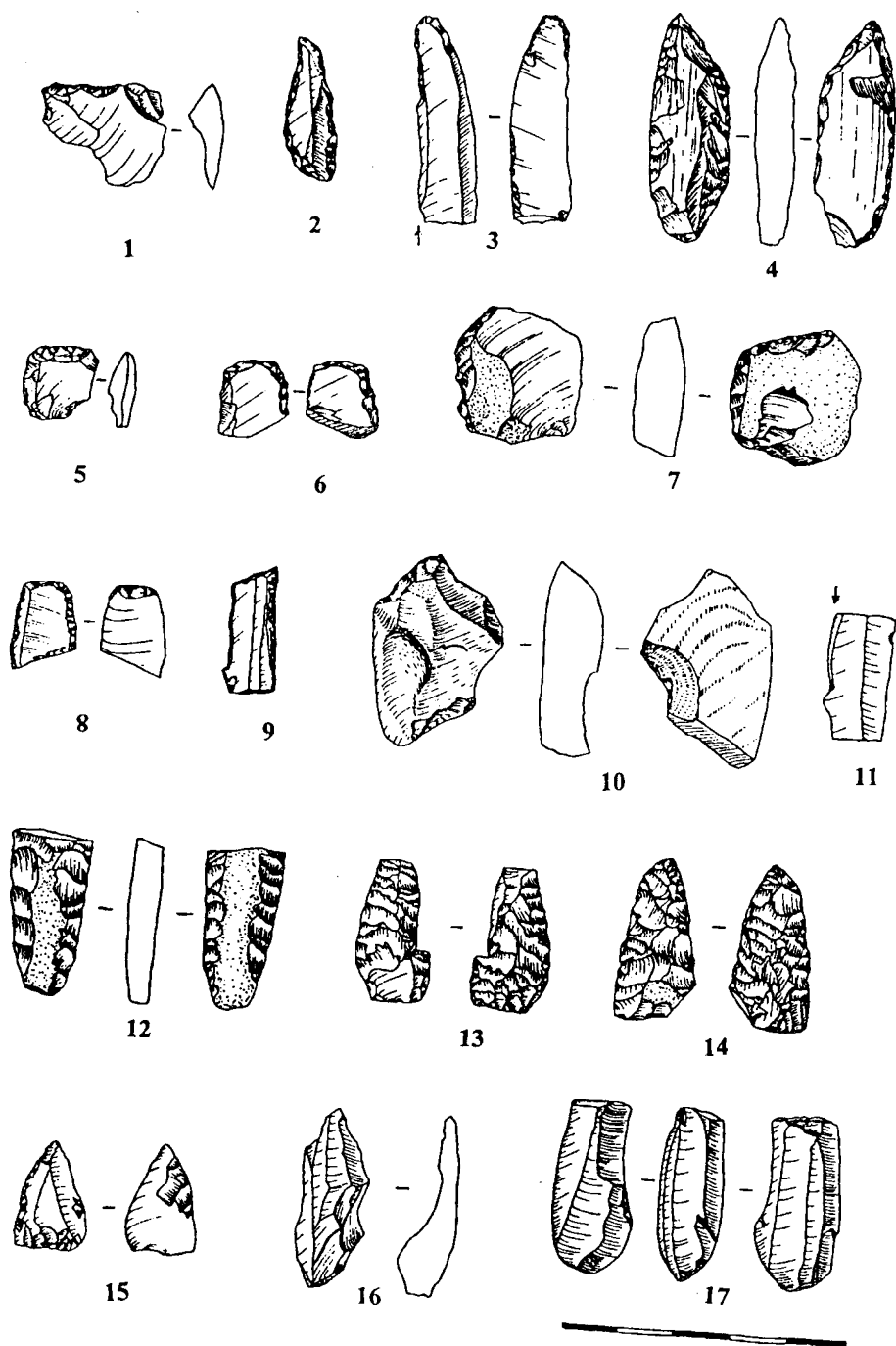

Рис. 2. 1—12 — орудия II—IV групп; 12—15 — наконечники стрел; 16 — вертикальный скол; 17 — нуклеус

Третью подгруппу составляют резцы (угловая форма рабочего края). Функция — выборка пазов. Современных аналогов нет. Как и в случае с расщепляющими орудиями типа *pièce escaillé*, это отживающий вид инструментов. В коллекции раскопов 6—7 их обнаружено два. Один хронологически не документирован, но с большой долей вероятности может быть отнесен к неолитическому комплексу. Оба орудия изготовлены на пластинах шириной 10 и 11 мм. Длина резцового скола в одном случае 15, в другом — 14 мм, что составляет соответственно 2/5 и 2/3 длины граней. Документированный резец скомбинирован со сверлом (рис. 2, 3, 11).

Пятая группа (V) включает абразивные орудия, обладающие широкими и плоскими рабочими поверхностями. С их помощью производилось выглаживание и окончательная доводка поверхностей. Сейчас для этих целей используются шкурки различной степени зернистости. В коллекции зафиксировано два таких орудия. Крайне малая зернистость материала позволяет предположительно считать их полировальниками. Интересен материал, из которого изготовлены абразивы. В одном случае использована пористая порода типа туфа, в другом — порода с очень малым удельным весом типа пемзы. Обе необычны для наших мест. Размеры орудий 84×35×27 мм и 54×35×19 мм. Теперь, когда выяснен орудийный состав набора, можно дать ему более определенную характеристику данной коллекции.

Во-первых, это не просто комплект деревообрабатывающих инструментов, а специализированный набор, предназначенный для производства беловых отделочных, резных и гравировальных работ по уже подготовленной, то есть освобожденной от сучков и ошкуренной древесине. В нем полностью отсутствуют орудия для черновой обработки дерева: топоры, долота, пилы, скребла.

Во-вторых, набор представлен в широком ассортименте, что позволяет оценить уровень развития деревообработки в эпоху развитого неолита и реконструировать ее основные моменты: грубое строгание, скобление — выравнивание, чистовое строгание, в отдельных случаях — заглаживание и полировка, резьба и гравировка. И, наконец, хочется отметить любопытный факт: в далеко не маленькой коллекции каменного инвентаря, связанного с сооружением эпохи развитой фазы неолита, все орудия так или иначе имеют отношение к деревообрабатывающим, притом отделочным работам. Бытовые орудия практически полностью отсутствуют, что является безусловным свидетельством в пользу единовременного, скорее всего, разового характера набора. Интересно, что этот комплекс увязывается с сооружением нестандартной конструкции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Коробкова Г. Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии // МИА, 1960. № 158. С. 14—15; Коробкова Г. Ф. Работы лаборатории первобытной техники в Молдавской археологической экспедиции // АО. М., 1968. С. 390; Крижевская Л. Я. Неолит Южного Урала // МИА, 1968. № 141. С. 59; Щелинский В. Е. Изучение производственных функций галечных орудий из позднелептоситических стоянок Енисей // МИА, 1972. № 185. С. 144—147; Семенов С. А., Коробкова Г. Ф. Технология древнейших производств. Л., 1983. С. 141.

2. Материалы частично просмотрены Н. А. Алексашенко. 3. Консультация проведена Е. А. Усачевым.

3. Буриков В. Г., Власов В. Н. Домовая резьба. М., 1993. С. 73—96. 5. Семенов С. А., Коробкова Г. Ф. Технология древнейших производств. С. 151.

4. Сериков Ю. Б. Уральские Зори II — однослойный неолитический памятник нового типа // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991. С. 40—42.

Н. А. Алексащенко

ДРЕВНЕЙШАЯ ИСТОРИЯ УРАЛА В ШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

В последние годы наблюдается возрождение интереса школьных учителей к истории первобытного общества. Материалы этой статьи предназначены преподавателям начальной и средней школы. Ориентированное на курс "История Урала"¹ изложение содержит преимущественно факты из истории нашего края, включая одновременно и обзор более общих проблем, касающихся первобытного общества. Многолетние исследования ученых показали особую роль Урала в событиях евразийского континента.

Наиболее активны учителя начальных классов, работающие по системе развивающего обучения Л. В. Занкова. Педагогические свойства, присущие названной системе (многогранность, коллизии, процессуальность, вариативность), прекрасно проявляются на уроках истории ранних обществ. Последовательница Л. В. Занкова Н. Я. Чутко разработала программу и методику курса "История становления человека" по сказке Д. Ангелова "Когда человека не было"². Работающие по этой программе отметили большую любознательность детей, которые задают вопросы, выходящие за пределы отраженных в книге тем.

Независимо от названной выше программы Н. А. Алексащенко предложила курс "Археологии для малышей", который содержит обзор главнейших достижений древнего человека³. В его основу положены современные научные представления о происхождении человека, об окружающей его природе и различных способах адаптации к ней (жилище, одежда, огонь...), формах хозяйства, первобытному искусстве. Художественная литература, в том числе и книга Д. Ангелова, широко используется в качестве дополнительного материала (иллюстративный, как объект критической оценки его достоверности).

Учащиеся младших классов и даже дошкольники (апробация ведется пятый год, сначала в детском саду, а затем в 1—3 классах школы № 7 г. Заречный) много знают о первобытных людях, но эти знания отрывочны, не систематизированы, иногда ошибочны. Появившиеся на телеэкране художественные и мультипликационные фильмы часто формируют неправильные представления о хронологии событий. В то же время исследования по развитию детей показывают необходимость раннего формирования их временной и пространственной ориентации⁴.

Все перечисленные факторы убеждают в необходимости усвоения научных знаний, что под силу современному ребенку уже с 5—6 лет. В некоторой степени это сложнее для учителей начальных классов, не имеющих базового исторического образования. Им приходится самостоятельно и интенсивно накапливать, приобретать эти знания, а затем продумывать формы их подачи, доступной детям. Настало время определить место истории первобытного общества в системе исторических знаний, преподаваемых в школе. Логично преподавание истории начинать с древнейшего периода. В пятом классе это может быть курс "Человек и природа в древности", который в шестом классе продолжит "История древнего мира"⁵. Об-

щешкольный курс рассказов по русской истории в силу своей неполноты и фрагментарности не позволяют представить исторические процессы во взаимосвязи и строгой хронологической последовательности. Наиболее уместным представляется не изучать по ним курс истории, а использовать на уроках чтения в начальной школе или литературы — в средней. Учитывая, что многие жизненно важные открытия человек сделал в первобытности, изучение именно этого периода знакомит нас с истоками материальной и духовной культуры. Смещение акцента на исследование истории культуры и его сочетание с изложением исторических событий абсолютно необходимо в школьном преподавании⁶ для логического осмысления первоначально получаемых ребенком знаний о прошлом, а затем — их связи с настоящим.

Следующий этап касается регионального аспекта в учебном плане школ. Раньше уроки о прошлом Урала завершали все основные темы, во внеклассной работе было развито краеведческое направление. Во всеобщей сумятице перестройки и перехода к рынку был забыт детский туризм, более заманчивыми стали поездки в далекие страны, чем походы по родной земле. Надеемся, что ситуация изменится. Первым признаком этого являются регионально ориентированные курсы, в том числе и по истории Урала. Перед школьниками должен предстать многомерный, многоликий, многоцветный мир древности нашего уникального края. Возможно, некоторые данные, полученные учеными в процессе исследования в последние годы, помогут учителю сделать уроки более интересными. В частности, на этом материале подготовлены к печати методические рекомендации по курсу “Археология для малышей” (“Ранняя история человечества”).

Начнем с общих принципов преподавания древнейшей истории Урала.

1. Изучение далекого прошлого края целесообразно начинать после знакомства детей с общим курсом истории первобытного общества. Это можно сделать в рамках программ “Археология для малышей”, “Человек и природа в древности” или по расширенному варианту программы истории древнего мира. Того, что есть в последнем школьном курсе, недостаточно. Для усвоения фактов региональной истории нужны знания о разнообразии исторических источников, хронологии и периодизации, об основных гипотезах происхождения и расселения человека на Земле, о разных формах хозяйства, о происхождении искусства, верованиях первобытного человека, расах и языках. Это далеко не полный перечень тем, которые следовало бы проработать с детьми до изучения региональной истории. Должен быть подготовлен широкий природный и исторический фон, на котором и нужно развернуть уральские события.

Такая подготовка и последовательность позволяют представить историю Урала в контексте развития Евразии и Земли в целом, проследить причастность его населения к крупнейшим достижениям и открытиям человечества (например возникновение горного дела, металлургии, зарождение палеолитической живописи). Уроки должны сформировать представление об Урале как уникальном районе и о его месте в мировом историческом процессе.

2. Урал — край необыкновенно богатых природных ресурсов. Благодаря этим особенностям здесь произошли многие важные события и явления. Нельзя представить жизнь далеких предков вне природы, их окружавшей. Она во многом определила техническую оснащенность хозяйства и возможность добыть пищу. Поэтому курс истории Урала должен быть интегрирован с программами по географии, биологии. Региональный компонент этих предметов только выиграет от объединения. Название, отражающее суть предмета, может быть “Природа и история Урала”. Нам кажется это целесообразным, так как исторический очерк образования уральских гор или изменения природы в четвертичном периоде редко усваиваются учащимися в общем потоке тем на уроках естественного цикла. Проработка и проведение уроков такого направления должны осуществляться специалистами, но в рамках общей программы. История, в том числе и первобытного общества, дает интересные примеры кризисов природопользования (а возможно и экологических), природоохранных мер.

3. Урал — зона границы Европы и Азии. Здесь близко подходят друг к другу истоки рек Обского и Волго-Камского бассейнов. Это место многочисленных передвижений и контактов населения разных языковых групп (индоиранских, финно-угорских и тюркских). Важно так рассказать ребятам о далеком прошлом Урала, чтобы они поняли ненаучность вопросов: “Какой народ поселился здесь раньше? Кто может называть эти места своей родиной, а кто нет?”

До появления разработанного курса естественного цикла по Уралу или в случае его преподавания в рамках географии и биологии нужно несколько вводных уроков посвятить особенностям природных условий региона. Содержание первого занятия должно включать географическое положение Урала, его геологическое прошлое (в том числе и геологическую периодизацию), сведения о минеральных ресурсах. На втором уроке необходимо рассказать о природных зонах, растительности и животных эпохи плейстоцена, вспомнить и уточнить понятия о таких науках, как палеонтология, геология, археология, палеозоология, палеоботаника. На первых уроках следует напомнить и археологическую периодизацию: *каменный век* (древнекаменный — палеолит, среднекаменный — мезолит, новокаменный (позднекаменный) — неолит), *бронзовый век*; *железный век* (ранний и поздний).

В одной статье сложно представить весь массив источников, полученных, осмысленных и интерпретированных учеными в последние годы. Некоторые темы будут рассмотрены подробно, по другим — сделаны ссылки на литературу.

Систематические исследования древностей Урала начались в XIX в. Они связаны с Уральским обществом любителей естествознания (УОЛЕ), в котором в 1873 г. было создано специальное археологическое направление. Члены УОЛЕ не только собирали интересные вещи (в числе которых и знаменитая коллекция костяных изделий с Шигирского торфяника), но и производили раскопки и пытались понять и обобщить полученные материалы⁷.

В 20—30-е гг. XX в. на Урале были открыты первые палеолитические памятники (С. Н. Бибиков). Одну из интереснейших палеолитических стоянок — Островскую — исследовал Михаил Васильевич Талицкий. М. В. Талицкий погиб на фронте в августе 1942 г., а стоянка получила его имя. Несколько обобщающих работ было создано до Великой Отечественной войны П. А. Дмитриевым⁸. Он погиб на войне, но остались его работы по хозяйству уральского населения, культуре эпохи бронзы. Начали работы на Урале А. А. Берс и Е. М. Берс. Александр Андреевич был репрессирован и в сентябре 1937 г. расстрелян. Елизавета Михайловна открыла и раскопала десятки археологических памятников, собрала сведения о сотнях поселений и могильников в окрестностях Свердловска⁹, описала коллекции Свердловского краеведческого музея (сейчас СГОИМК), обнаружила единство групп памятников и на основе этого выделила несколько археологических культур, реконструировала жилища и древние домины¹⁰. Эта изящная невысокая женщина проделала колоссальную работу, значение которой для уральской археологии мы только начинаем понимать в полной мере.

В 40-е гг. начал исследования на Урале Отто Николаевич Бадер, создавший здесь научную школу. Он работал в Прикамье, на Южном и Среднем Урале, изучал памятники от палеолита (в том числе Капову пещеру¹¹) до железного века. Это был одержимый наукой человек, удивительно тактичный и внимательный к начинающим молодым коллегам.

В 1947 г. прошло первое Уральское археологическое совещание, на котором обсуждались проблемы и перспективы изучения древнейшего прошлого региона. Совещания регулярно собирают специалистов по археологии и этнологии Урала, координируют их деятельность и осуществляют преемственность поколений. По решению УАС было начато издание сборников “Вопросы археологии Урала” (последний 22-й выпуск вышел в 1993 г.).

Археологию неолита невозможно представить без имен Валерия Николаевича Чернецова¹², Лии Яковлевны Крижевской¹³, Веры Михайловны Раушенбах¹⁴. Константин Владимирович Сальников известен монографическим исследованием бронзового века¹⁵ и небольшими, но глубокими статьями по предшествующим пе-

риодам. Владимир Федорович Генинг не только исследовал и опубликовал большое количество памятников эпох бронзы и железа¹⁶, но и организовал Уральскую археологическую экспедицию (УАЭ) и создал школу археологов, работающих в Екатеринбурге, Челябинске, Ижевске. Изучением древностей железного века занимались также Алексей Петрович Смирнов и Константин Федорович Смирнов, Анна Николаевна Збруева, Владимир Антонович Оборин. Коллективы археологов трудятся во всех республиках и областях Урала, представляя музеи, пединституты, университеты, подразделения Академии наук. Невозможно перечислить всех, кто раскрывал тайны древнего Урала и делает это сейчас. Видимо, настало время написания специальной книги по истории уральской археологии, а этот краткий рассказ поможет учителю ориентироваться при выборе необходимой литературы.

Возможно, наиболее древние следы пребывания человека на Урале открыты на памятниках Ельники II и Большой Глухой грот в Пермской области, а также Мысовая на Южном Урале. По биостратиграфическим данным, П. Ю. Павлов считает возможным определить возраст местонахождения Ельники II — 300 тыс. лет. Здесь вместе с чоппингами (галечными орудиями с оббивкой лезвия) и отщепами найдены остатки трогонтериевого слона. Чаще памятники раннего палеолита Урала датируются 200 тыс. лет (некоторые авторы определяют более позднюю дату — 100—40 тыс. лет).

Общие представления о природе плейстоцена, когда и происходило заселение Урала, подкреплены конкретными фактами, добытыми в результате совместных экспедиций археологов и биологов. Ими не только выявлен облик приледниковых тундростепей, но и отмечены особенности ландшафта разных районов края. В Южном Приуралье сосново-березовые редколесья, степные и тундровые сообщества сменяются сосновыми лесами с примесью березы и небольшим количеством дуба, липы, вяза, граба. Затем, в момент нового похолодания "они сменились холодной лесостепью, в основном березовой, с примесью сосны, ели, редко — липы. В степных сообществах господствовало разнотравье, главным образом, растения семейства сложноцветных, а также зонтичных, гречишных, гвоздичных и др."¹⁷ На восточном склоне Южного Урала лесостепная растительность с преобладанием березы и сосны южнее Магнитогорска сменялась степями. В горных районах сочетались степи, тундры и лесные сообщества.

Представление о животном мире плейстоцена дают многочисленные остеологические остатки из пещер и открытых поселений. О находках трогонтериевого слона уже было сказано. Памятники следующего, мустьерского периода содержали кости мамонта, носорога, слона и быка (Пещерный Лог)¹⁸, бизона, большого пещерного медведя, благородного и северного оленя, сайги, узкочерепной полевки (стоянка Богдановка)¹⁹. Среди орудий, найденных на этих стоянках, были ножи, скребла (отщепы с обработкой, предназначенные для скобления дерева, кости, шкуры), остроконечники (орудия с двусторонней обработкой, нередко сочетающие функции ножа-кинжала и наконечника копья).

На местонахождении Ганичата I (Пермская область) обнаружено большое количество орудий и отходов производства из кварцита. Это нуклеусы — куски камня определенной формы (ядрища), от которых отделялись отщепы-сколы неправильной подтреугольной, подчетыреугольной и овальной формы, а позднее (Ганичата II) — и пластины — удлинённые сколы подчетыреугольной формы с параллельными боковыми сторонами. Здесь найдены также скребла, скребки, грубые рубящие орудия — чопперы и чоппинги их галек. Сырье для изготовления орудий брали недалеко, в месторождении кварцитопесчаников у д. Баранята, где найдены следы его добычи²⁰.

Памятники позднего палеолита на Урале (40—10 тыс. лет назад) более многочисленны. Найденная на них фауна представлена мамонтом, овцебыком, бизоном, северным и благородным оленем, лосем, медведем, шерстистым носорогом, лошадью, сайгой, песцом, зайцем, волком, узкочерепной полевкой, сибирским леммингом. Анализ пыльцы и ареала распространения некоторых видов животных позво-

ляет биологам восстановить ландшафты этой поры: в основном холодные и сухие безлесные тундростепи, с увеличением доли лесной растительности при климатических изменениях.

Среди наиболее известных верхнепалеолитических памятников Урала: Бурановская пещера в Челябинской области; грот Близначева (его возраст около 29 тыс. лет); Гарчи I (около 24—22 тыс. лет); стоянка имени М. В. Талицкого в Пермской области (около 20 тыс. лет); грот Бобылек (около 14 тыс. лет); стоянка Бызовая в Коми республике (около 26 тыс. лет); стоянка Гари в Свердловской области, Шикаевка в Курганской области (около 13 тыс. лет).

В верхнем палеолите изменяется технология обработки камня, шире становится выбор сырья. Для изготовления орудий используют разнообразные по цвету и происхождению яшмы, кварциты, кремни, сланцы, кварцитовый песчаник, реже — горный хрусталь. От нуклеуса отщепляют пластины, из которых делают ножи, скребки, скобели, проколки, наконечники. Из отщепов чаще всего изготавливают скребла с удлинённым рабочим краем. На некоторых памятниках найдены более архаичные орудия на гальках — чопперы (например на Бызовой). Из пластин и костяной или деревянной оправы делают составные орудия: на стоянке Талицкого найден костяной наконечник копья с кремневыми пластинами-вкладышами²¹.

На памятниках верхнего палеолита зафиксированы остатки жилищ, что говорит об относительной оседлости древнего населения. Кроме стоянок и более долговременных поселений, к позднему палеолиту относятся охотничьи лагеря и места естественной гибели крупных животных, посещаемые людьми для получения большого количества мясной пищи (например Шикаевка)²². Особую ценность представляют собой пещеры с остатками верхнепалеолитических рисунков: Каповая, Игнatieвская, 2-я Серпиевская. Изучение изображений в Каповой пещере (Шульган-Таш) на р. Белой было начато Отто Николаевичем Бадером²³. В последние годы новые исследования этого памятника предприняты учеными из Санкт-Петербурга: В. Е. Шелинским, В. П. Любиным, А. К. Филипповым²⁴. Раскопки и интерпретация рисунков в Игнatieвской пещере начаты В. Т. Петриным и продолжают В. Н. Широковым²⁵. Возраст памятников с настенными росписями 14—13 тыс. лет.

Вопрос о времени и путях заселения Урала человеком встал давно, но и ныне различны ответы на него. Отмечают два центра, из которых могло происходить проникновение населения на Урал: Средняя Азия и Казахстан (раннепалеолитические стоянки Мысовая, Ельщик II, Большой Глухой грот) или Русская равнина и Крым (Пещерный Лог)²⁶. Иногда во втором варианте добавляют — Закавказье²⁷.

Эпоха мезолита (IX—VIII—VI тыс. до н. э.) — начало голоцена — характеризуется резкими климатическими изменениями, что повлекло за собой исчезновение многих видов крупных животных (мамонтов, шерстистых носорогов, пещерных медведей, бизонов) и распространение фауны, характерной для современности. В голоценовых отложениях археологических памятников Южного Урала выявлены следующие животные: заяц-беляк, речной бобр, волк, лисица, бурый медведь, соболь, куница, россомаха, горноста́й, ласка, колонок, европейская норка, черный хорь, барсук, выдра, кабан, благородный олень²⁸. Кроме них, широко распространены косуля и лось. Такая смена фауны вызвала появление новых способов охоты.

Широкое распространение получает лук, применявшийся еще в конце палеолита. Охота — индивидуальная или небольшими группами — велась на копытных, боровую и водоплавающую птицу. Выделяется в самостоятельную отрасль рыболовство. На Шигирском торфянике на Среднем Урале собрана коллекция прекрасно сохранившихся костяных наконечников стрел и гарпунов. Многочисленные стоянки Зауралья и Приуралья очерчивают ареал распространения мезолитических археологических культур, видимо, отражавших единство племен, реально существовавших в древности. Археологические культуры отличаются друг от друга особенностями каменной индустрии, общими чертами которой были преобладание составных орудий из камня и кости или дерева, изготовление инструментов пре-

имущественно из пластин, размеры которых резко уменьшаются по сравнению с палеолитическими. Среди орудий много резцов, ножей, скребков. Развита обработка дерева, кости. В мезолитическое время начинается освоение абразивных методов обработки камня (пиления, шлифования, сверления), достигших расцвета в следующую эпоху. Для изготовления орудий и оружия использовался любой подходящий материал.

Возникают мастерские по первичному расщеплению камня, проверке его качества и получению крупных заготовок, транспортируемых на поселения. Такая мастерская по раскалыванию алевротуфов порфиритов на горе Голый Камень в Нижнем Тагиле раскопана В. М. Раушенбах²⁹. Ю. Б. Сериков, изучая мезолит Среднего Зауралья пришел к выводу, что Голокаменная мастерская обслуживала население, проживавшее на озерах Горбуновском, Полуденском (ныне это торфяники) и Черноисточинском в радиусе 20—30 км³⁰. Среди мезолитических памятников есть базовые поселения и сезонные стоянки. Зимние жилища представляли собой неглубокие полуземлянки (одно, два жилища на поселении), летние — шалаши или чумы.

Новокаменный век (неолит) Урала (VI — начало III тыс. до н. э.) изучали многие видные ученые России. О. Н. Бадер, известный нам по исследованиям палеолита и мезолита, рисунков Каповой пещеры, в 40-е гг. раскопал поселение Полуденка I под Нижним Тагилом, которое до сих пор остается эталонным памятником этой эпохи. Периодизацию неолита Урала разрабатывали, кроме О. Н. Бадера³¹, В. Н. Чернецов, который связывал происхождение зауральского неолита со среднеазиатским кругом культур. К. В. Сальников, исследуя поселение Боборыкино II, отметил его своеобразие, отразившееся в развитых формах посуды и архаичности каменных изделий, что объяснил влиянием более южных племен. Появление многочисленных материалов по мезолиту Зауралья позволяет нам говорить об автохтонном (местном) развитии культур, хотя южное влияние (возможно и частичные миграции) в неолите Урала прослеживается. Многие научные проблемы неолита Урала пока не решены (нет общепринятой периодизации, нечеткими остаются границы распространения культур, мало абсолютных дат существования памятников). В то же время последние десятилетия предоставили интересные материалы по этой эпохе³².

Переход к неолиту не сопряжен с такими природными коллизиями, которыми был отмечен рубеж предыдущих эпох — палеолита и мезолита. Некоторые климатические колебания не могут объяснить те колоссальные изменения в культуре неолитического населения, которые мы наблюдаем. Огромное количество поселений этого времени обнаружено и раскопано на берегах древних рек и озер. Поселки редко состояли из одного жилища, обычно из нескольких. Их конструкция и площадь различны и определены многими факторами (хозяйственным, социальным и демографическим)³³. Наиболее распространены полуземлянки подквадратной формы с использованием деревянных конструкций. В горной части Урала, там, где жилища строились у скал, камень, наряду с деревом, широко использовался как строительный материал. При раскопках прослеживаются следы подработки гранитных блоков, входивших в интерьер жилища, ямок от деревянных столбов, дренажных канавок. Жилище состояло из одной комнаты или было разделено на несколько помещений. Выход иногда имел тамбур. Кроме квадратных жилищ, на Урале раскопаны жилища овальной, круглой и даже многоугольной (в плане) формы. Конструкция их была иной и возможно сравнима с этнографическими сооружениями типа "яранга". Реже встречаются кратковременные жилища с небольшим количеством остатков жизнедеятельности. Все это свидетельствовало о прочной оседлости неолитического населения.

Основными занятиями остаются охота и рыболовство, с увеличением значения последнего на некоторых поселениях. Найдены разные типы наконечников стрел и многочисленные грузила. К сожалению, кости животных и рыб плохо сохранились в поселенческих слоях и таких находок немного. По ним определены следующие представители фауны: олень, косуля, бурый медведь, куница, заяц, сурок, сус-

лик. На одном из наиболее интересных памятников, раскопки которого продолжаются, Исетском Правобережном I, найдены серии грузил из галек или плоских плиток камня. Они оббиты по краям или содержат естественные выемки, чтобы легче привязывать к сети³⁴. Такие грузила широко использовались в сетевом рыболовстве. Расположение одновременных поселений на берегах древних озер и в устьях малых рек также свидетельствует о большой (часто ведущей) роли рыболовства в жизни уральского неолитического населения.

В этот период становится более разнообразным сырье, используемое для создания орудий и оружия. По мнению Лии Яковлевны Крижевской, много лет посвятившей изучению южноуральского неолита, именно в финале каменного века выделяется в отдельную отрасль горное дело³⁵. Увеличивается число стоянок-мастерских у выходов яшмы, кремня, туфов, сланцев. На таких объектах (Усть-Юрюзанская, Карагайлы I, Синташта XX, XXI) найдены крупные орудия для раскалывания камня (молоты, отбойники), полуфабрикаты (нуклеусы, крупные пластины и отщепы), реже — готовые орудия, предназначенные для транспортировки на поселения. Наибольшее число памятников первичной камнеобработки находится на Южном Урале, богатом разными породами камня. Современные исследования археологов и геологов доказали, что древние уральские горняки знали свойства 60 пород и минералов и успешно их использовали³⁶.

Изучение В. Ф. Кернер и О. К. Ивановым состава коллекции Исетского Правобережного I показало, что сырье для изготовления орудий могли брать из месторождений, находящихся рядом с поселением и удаленных от него на 45—90 км. Отдельные породы, например яшмы, могли быть доставлены с территорий, расположенных почти в 300 км к югу от верховьев Исеты³⁷.

“Сырье само по себе служило в неолитическую эпоху источником своеобразного “богатства”. Наличие его у одних племен и отсутствие у других являлось предпосылкой развития обмена. Из этнографии известно, что население, лишенное сырья, отправлялось за сотни километров в поисках и для приобретения его, таким образом, устанавливались разнообразные (мирные и военные) контакты и связи на почве обмена, втягивающие во взаимоотношения друг с другом территориально отдаленные и чаще чуждые друг другу племена”³⁸. Подобные контакты наблюдаются у неолитического населения Южного Урала с северными и восточными соседями. Они сохраняются и в последующее время и проявляются не только в сходстве сырья, но и в форме основных категорий орудий, приемах их изготовления и даже в форме и орнаментации посуды. Это свидетельствует уже не только о простом обмене, но и о постоянных связях возможно родственных племен.

Технология обработки камня включает способы расщепления, распространенные в мезолите, но более широко начинают использоваться приемы пиления и шлифования, которые привели к массовому распространению рубящих орудий. Полуфабрикатом-заготовкой для орудий служили пластина и отщеп. Для придания орудию окончательной формы и отделки рабочего края и рукоятки использовали ретушь, резцовый скол, подтеску, шлифование. На многих поселениях Урала в жилищах или рядом с ними обнаружены домашние “мастерские”, где изготавливались новые или подправлялись изношенные орудия из камня.

В последние десятилетия для выяснения способов изготовления и использования уральских орудий из камня и кости успешно применяется экспериментально-трассологический метод³⁹. Впервые метод, изучающий следы и присущий криминалистике, был предложен в археологии ученым из С.-Петербурга Сергеем Аристарховичем Семеновым⁴⁰. Он не только разработал его принципы, просмотрел огромное количество древних вещей, но и создал целое направление, школу, которую сейчас возглавляет доктор исторических наук профессор Галина Федоровна Коробкова⁴¹. Воздействие древнего мастера на камень оставляет на нем следы, по ним можно представить, как это происходило. Подобный процесс можно проверить экспериментально и убедиться в правильности или ошибочности своего мнения. От использования орудий в работе также сохраняются следы. Их глубина, направление, площадь распространения могут раскрыть кинематику движения и осо-

бенность обрабатываемого материала (кожа, земля, дерево, злаки и т. д.). Выводы также можно проверить моделированием ситуации. Таким способом были выявлены особенности следов на скребках по шкуре и скобелях по дереву и кости, сверлах по различным материалам, серпах и многих других древних орудиях. Применение экспериментально-трассологического метода к уральским материалам уже дало возможность конкретизировать наши представления о занятиях населения, о его технической оснащенности, о специализации разных видов памятников.

Неолит — время изобретения и повсеместного распространения глиняной посуды — керамики. В разных количествах она встречается на всех неолитических поселениях. На многих южноуральских памятниках каменные орудия численно преобладают над керамикой, что возможно отражает не только реальное соотношение их в древности, но и плохую сохранность сосудов.

Ответить на вопрос, какая керамика самая ранняя на Урале, пока сложно. Возможно, это посуда с поселений Евстюниха I (окрестности Н. Тагила) и Исетское Правобережное I. Неолитическая посуда здесь имела полуяйцевидную форму и приотстренное дно, изготавливалась из глины с примесью песка, дробленной горной породы (талък, гранит, песчаник), органических добавок. Поверхность сосудов тщательно заглаживалась и орнаментировалась. В настоящее время технология изготовления уральской посуды изучается по методике московского ученого Александра Афанасьевича Бобринского⁴², которая позволяет выяснить традиции гончарства в отборе глины, примесей, конструирования сосудов, обработки поверхности. Способы орнаментации рассматривала Ирина Всеволодовна Калинина⁴³. Новые методы показали внедрение в местное керамическое производство чужих черт, что, возможно, связано с влиянием или переселением степных племен в лесостепную и лесную зоны Урала.

Неолитический орнамент представлен прямыми и волнистыми линиями, треугольниками, ромбами. Наблюдается закономерность, определенный ритм в чередовании элементов узоров, фиксируются разделительные зоны. На некоторых памятниках зауральского лесного неолита (Махтыльском и Кокшаровском холмах, Исетском Правобережном) найдены сосуды с зооморфными налечами, изображающими головки медведя, лося или других зверей.

Рисунок нанесен палочкой, косточкой (в том числе и челюстью), специальными орнаментами, среди которых чаще встречаются так называемые гребенчатые штампы, отпечатки которых аналогичны следам, оставленным на каком-либо эластичном материале расческой-гребнем.

Один из наиболее интересных в последние десятилетия стало исследование энеолита — эпохи переходной от каменного века к бронзовому. Не очень продолжительный по времени, он явил ученым яркие черты материальной и духовной культуры. Это период высокого развития каменной индустрии и первых зачатков обработки меди. Сохраняя достижения неолита, древние мастера получали длинные и массивные пластины из камня, применяя новые приемы с использованием системы рычагов ("усиленный отжим"). Ретуширование (нанесение мелких сколов) служило не только для заточки рабочего края или затупления рукояточной (аккомодационной) части, но и покрывало всю поверхность ножа или наконечника волнистыми, струйчатыми полосами, придавая орудию законченную изысканную форму. При этом часто края наконечников становились зазубренными, что усиливало их поражающую возможность. Владение широким спектром технологических приемов и знание свойств пород и минералов значительно расширили перечень материалов, вовлеченных в производство.

Медные инструменты при раскопках энеолитических памятников находят редко. Чаще это небольшие ножи. На Янышке I — поселении на одноименном озере Ильменского заповедника — был обнаружен однолезвийный ножичек длиной 4,8 см, шириной 1 см с небольшой рукояткой⁴⁴.

К энеолитическому времени относятся оригинальные памятники с круговой планировкой сооружений и системой ям, столбов, указывающих ориентиры на основные точки положения солнца и луны. Ученые видят в них аналогии западноев-

ропейским хенджам или ронделам — памятникам астроархеологии, связанным с наблюдением за светилами и календарной обрядностью древнего населения. Раскопано два таких объекта: Савин I в Курганской области и Велижаны II в Тюменской. Возможно, близким по назначению было и поселение Боярка I на территории г. Заречного Свердловской области, исследование которого не закончено.

Наиболее изученный памятник — Савин I представлял собой площадку в виде двух соединенных кругов, ограниченных рвами. В центре одного круга прямоугольное углубление, другого — утоптанная углистая площадка. По дну рвов фиксируются многочисленные ямы и кострища, в углублениях (ямах, рвах) и в центре кругов — скопления костей животных (преимущественно лошади и косули), керамики и орудий. Найдены также следы человеческих захоронений. Савин I датируется серединой — второй половиной III тыс. до н. э. и рассматривается как родовое святилище, где проходили охотничьи обряды, связанные с определенным временем года и положением светил⁴⁵.

Для энеолитического населения восстанавливаются интересные особенности его духовной жизни. Многие наскальные рисунки датируются этим временем. Чаще они выполнены на открытых скалах по берегам рек Реж, Нейва, Тагил, Сим, реке в пещерах. На посуде появляются изображения водоплавающих птиц, косуль, человека.

На большом пространстве у финно-угорских народов складываются сходные представления об окружающем мире. Картина мира у племен горно-лесного Зауралья связана с особым местом горы как центра Вселенной⁴⁶. Верхний мир отражен в солярных знаках, небосводе. Средний представляют лоси, водоплавающие птицы, антропоморфные фигуры, охотничьи ловушки. Нижний мир — это вода или низ горы, полость пещеры.

Эпоха бронзы (II тыс. — начало I тыс. до н. э.) изучается на Урале долго и плодотворно. Большое число археологических культур, объединяемых в крупные общности, зафиксировано в Приуралье и Зауралье. Наиболее известны из них абашевская и андроновская, историография которых насчитывает уже сотни статей и монографии. Изучению андроновской проблематики большую часть своей научной жизни посвятил Константин Владимирович Сальников⁴⁷. Исследования продолжают, и новые факты о бронзовом веке ждут вас при знакомстве с работами Елены Ефимовны Кузьминой, Тамилы Михайловны Потемкиной, Светланы Яковлевны Зданович, Михаила Федоровича Косарева, Владимира Ивановича Стефанова, Александра Федоровича Шорина⁴⁸.

И все же, отдавая должное интересным исследованиям об андроновских племенах, о ранней (сейминско-турбинской) металлургии и о горных разработках медистых месторождений Таш-Казгана и Каргалов⁴⁹, мы остановимся на одном из ярких открытий — протогородов на Южном Урале. Оно у многих ассоциируется с названием Аркаим, но сейчас, помимо него, известно более десятка укрепленных центров, некрополей и множество селищ. "Страной городов" назвали челябинские исследователи, возглавляемые Геннадием Борисовичем Здановичем, степной район Южного Урала протяженностью до 400 км, где в XVIII—XVII вв. до н. э. сложилась цивилизация бронзового века. Она открыта благодаря раскопкам городищ Синташта, Аркаим, Устье и разведкам с использованием методов космической и аэрофотосъемки⁵⁰.

В 50—60 жилищах такого поселка обитало не менее 2000 чел. Это были металлурги, воины, скотоводы и земледельцы. Рядом с городищами исследованы погребальные памятники-курганы. Синташтинский могильник, расположенный недалеко от Аркаима, представлял собой погребальное храмовое сооружение. Обнаружены погребения жрецов, воинов и рядовых общинников. Здесь впервые на Урале были найдены остатки боевых колесниц и коней, захороненных вместе с воинами. Орудия труда и быта, вооружения, находки скульптур, да и сама планировка и конструкция городищ типа Аркаим и Синташта дают богатый материал для реконструкции материальной и духовной сторон жизни населения, которое ученые сопоставляют с древними индоиранцами. Открытие новых памятников "страны

городов” и их изучение помогут выявить его значение и несомненное влияние на развитие общества сопредельных территорий. В преподавании истории Урала эту ее страницу нужно прочитать с детьми внимательно и увлеченно, отделяя научный, научно-популярный аспект от спекуляций, появившихся вокруг названия Ар-каим.

Мозаика культур железного века, еще более красочная и многообразная, чем в предшествующее время, имеет свои особенности. Вряд ли возможно и необходимо приводить их перечисление. Одной из характерных и одновременно своеобразных была иткульская. Племена, оставившие ее памятники, жили в VII—III вв. до н. э. в Среднем Зауралье. Это были металлурги, снабжавшие металлом не только себя, но и весь южноуральский степной мир, в том числе знаменитых савромато-сарматов. Воинственные соседи были вооружены луками с наконечниками, которые в большом числе выплавлялись в бронзолитейных горнах Большегорского, Иткульского и других городищ. Расположенные на высоких местах (часто на вершинах гор) поселения иткульцев были защищены мощными оборонительными укреплениями в виде рвов и валов, сооруженных с использованием дерева, камня и земляного грунта. Азурит и особенно малахит были сырьем для выплавки металла. Активное освоение Гумешевского месторождения началось уже в эпоху раннего железного века.

Поселения иткульской культуры много, они располагаются в живописных местах, воспетых П. П. Бажовым, и посещение их школьниками достижимо. Экскурсия на Думную гору (г. Полевской) могла бы подкрепить теоретические знания ребят непосредственным ощущением причастности, прикосновения к старине.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. История Урала. Ч. 1. (с древности до конца XIX века): Программа курса для 7—8 классов. Екатеринбург, 1995.
2. Чутко Н. Я. История становления человека. Учебно-методические материалы для работы в III классе. М., 1993; Ангелов Д. Когда человека не было. София, 1971.
3. Алексашенко Н. А. Археология для малышей. Программа лицензирована Департаментом образования Свердловской области 2 декабря 1993 г. (сертификат № 12).
4. Лупин С. Поверь в свое дитя. М., 1993.
5. Программы для общеобразовательных учебных заведений. История, 6—II классы. М., 1992.
6. Викторова В. Д., Алексашенко Н. А. Культурологическая концепция и региональный компонент исторического образования // Региональное образование. (В печати).
7. Толмачев В. Я. Древности Восточного Урала // ЗУОЛЕ, 1913. Т. XXXII. Вып. 2; 1914. Т. XXXIV. Вып. 8—12; 1927. Т. X. Вып. 2.
8. Дмитриев П. А. К вопросу о земледелии в восточно-уральском родовом обществе. Охота и рыболовство в восточно-уральском родовом обществе // ИГАИМК, 1935. Вып. 106; Он же. Шигирская культура на восточном склоне Урала // МИА, 1951. № 21.
9. Берс Е. М. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей // МИА, 1951. № 21.
10. Берс Е. М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1963.
11. Бадер О. Н. Каповая пещера. М., 1965.
12. Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА, 1953. № 35; Он же. Нижнее Приобье в I тыс. н. э. // МИА, 1957. № 58; Он же. Наскальные изображения Урала // САИ, 1971. Вып. 4—12.
13. Крижевская Л. Я. Неолит Южного Урала. Л., 1968; Она же. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л., 1977.
14. Раушенбах В. М. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы // Тр. ГИМ, 1956. № 29.
15. Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
16. Генинг В. Ф. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958; Он же. Южное Приуралье в III—VII вв. н. э. // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.
17. Смирнов Н. Г., Большаков В. Н., Косищев П. А., Панова Н. К., Коробейников Ю. И., Олышванг В. Н., Ерохин Н. Г., Быкова Г. В. Историческая экология животных гор Южного Урала. Свердловск, 1990. С. 152.

18. История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 49.
19. Широков В. Н. Палеолитическая стоянка Богдановка на реке Урал // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки (Доклады Международного симпозиума). Новосибирск, 1991. С. 74—79.
20. История Урала... С. 50.
21. Щербакова Т. И. Материалы верхнепалеолитической стоянки Талицкого (Островской). Екатеринбург, 1994. С. 93.
22. Петрин В. Т., Смирнов Н. Г. Палеолитический памятник в Шикаевке на правобережье Тобола // ВАУ, 1975. Вып. 13. С. 75—85.
23. Бадер О. Н. Каповая пещера. М., 1965.
24. Щелинский В. Е. Настенная живопись Каповой пещеры на Южном Урале (датировка, размещение, культурная принадлежность) // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М., 1990. С. 47—55.
25. Петрин В. Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. Новосибирск, 1992; Широков В. Н. Древнейшее искусство уральских пещер. Екатеринбург, 1995.
26. Павлов П. Ю. Палеолит Урала // УИЭ (В печати).
27. История Урала... С. 50.
28. Смирнов Н. Г., Большаков В. Н. и др. Историческая экология... С. 174.
29. Раушенбах В. М. Мастерская каменных орудий на Голом Камне под Нижним Тагиллом // СА, 1961. № 2.
30. Сериков Ю. Б. Голокаменная мастерская и ее место в мезолите Среднего Зауралья // СА, 1988. № 4.
31. Бадер О. Н. Уральский неолит // МИА, 1970. № 166.
32. Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991.
33. Борзунов В. А., Киришин Ю. Ф., Матюшенко В. И. Поселения и жилища эпох камня и бронзы Зауралья и Западной Сибири // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 1993. С. 4—45.
34. Кернер В. Ф. Новые данные о развитии рыболовства неолитических племен Среднего Зауралья // Технический и социальный прогресс в эпоху первобытно-общинного строя. Свердловск, 1989. С. 53—57.
35. Крижевская Л. Я. Неолит Южного Урала. Л., 1968.
36. Иванов О. К., Кернер В. Ф. Использование местных пород камня неолитическим населением Зауралья // Минералы в материальной культуре древних уральских народов. Свердловск, 1988.
37. Там же. С. 18.
38. Крижевская Л. Я. Неолит Южного Урала... С. 121—122.
39. Популярное изложение этого метода есть в книге Н. А. Алексашенко "Можно ли погладить мамонта?". Заречный, 1994. С. 10.
40. Семенов С. А. Первобытная техника // МИА, 1957. № 54.
41. Он же. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968; Семенов С. А., Коробкова Г. Ф. Технология древнейших производств. Л., 1983.
42. Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы: источники и методы. М., 1978.
43. Калинина И. В. Неолитическая керамика лесной зоны Уральского региона. Автореф. дисс... канд. ист. наук. СПб., 1993.
44. Крижевская Л. Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л., 1977.
45. Потемкина Т. М. Святилище-обсерватория — новый тип памятника эпохи энеолита в Зауралье // Проблемы изучения духовной культуры древних обществ: тезисы докл. Екатеринбург, 1994. С. 85—90.
46. Викторова В. Д. Культурологический подход к исследованию духовной культуры ранних обществ // Проблемы изучения духовной культуры древних обществ: тезисы докл. Екатеринбург, 1994. С. 56—60.
47. Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
48. Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии. М., 1994; Потемкина Т. М. Бронзовый век лесостепного Притобья. М., 1985; Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981; Зданович С. Я. Происхождение саргаринской культуры // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.
49. Черных Е. Н. Каргалы — древний горнорудный центр на Южном Урале // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Тезисы докл. Екатеринбург, 1993.
50. Генциг В. Ф., Зданович Г. Б., Генциг В. В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1992; Арканм: исследования, поиски, находки. Челябинск, 1995; Древности урало-казахстанских степей. Каталог выставки. Челябинск, 1991. С. 19—31; Никулина М. Арканм — древнейшая история человечества // Наука и жизнь, 1995. № 1.

В. М. Морозов

ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ ШКОЛЬНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ЛАГЕРЕЙ

Изменения, происшедшие в последние годы в современной жизни, обусловили появление новых форм взаимодействия науки и общества. Многие, существовавшие ранее, “научнообразные” аспекты исследовательской деятельности приняли ныне более практическую направленность, обусловленную запросами общества. Именно таким интересам соответствовало проведение летом 1993 г. (10—22 июня) эколого-археологического лагеря школьников г. Белоярского в районе д. Хуллор (нижнее течение р. Казым) в Белоярском районе Тюменской области (Ханты-Мансийский АО). Инициатором его организации выступила администрация Белоярского района, исполнителем — Уральский государственный университет (УрГУ) в лице Проблемной научно-исследовательской археологической лаборатории. Форма работы — хоздоговорная.

Лагерь проводился с целью освоения новой формы активного отдыха учащихся, организации проведения свободного времени (каникул) в сочетании с полезно-значимым использованием физического и умственного потенциала детей. Этим определялись главные задачи стационара: через активный отдых в виде участия в экологических занятиях и археологических раскопках приобщить детей к пониманию красоты и гармонии природы, освоению истории края, получению необходимого минимума знаний о древнейшем прошлом региона. Учащиеся на практике знакомились с целым рядом исторических дисциплин (археологией, этнографией) на материалах Урала, что позволило старшеклассникам сориентироваться в выборе профессии.

Помимо отдела культуры Белоярской администрации, оплатившего расходы научной части экспедиции (лагеря), в ее организации принял деловое участие отдел образования, взявший на себя расходы по финансированию оплаты труда работников лагеря, питание, транспорт, медицинскую поддержку. Куратором экологической программы выступил Белоярский комитет по охране природы.

Руководство лагерем осуществлялось начальником — учителем истории, руководителем экологического кружка школы № 3 г. Белоярского Лещевой С. М. и ее заместителем — научным руководителем, сотрудником УрГУ, к. и. н. Морозовым В. М. Отдыхом школьников занимался воспитатель, кухней и питанием — повар, на охрану имущества был выделен сторож. Для обеспечения продуктами и оказания скорой помощи к экспедиции прикомандировали водителя с машиной. Лагерь был организован на базе Северного отряда Уральской археологической экспедиции — на р. Куртолен, впадающей в оз. Товгор-лор: одно из озер в районе д. Хуллор. Он был основан в 1991 г. для исследования памятников археологии в зоне эксплуатации газопровода СРТО — Торжок — Нечерноземье. Для нормального функционирования отряда были построены полевая кухня-столовая с навесом на 25—30 чел., хозяйственная яма-кладовка, баня. Кроме того, обустроены мойка (на речке), мусорная яма (место менялось по использованию), раздельные туалеты.

В состав экспедиции вошли ученики 3—7—10-х классов школы № 3 — члены экологического кружка. Большинство учащихся были хорошо знакомы друг другу, что способствовало быстрому сплочению участников стационара, организации различных форм отдыха. Определенное негативное влияние на процесс работы

оказала существенная разница в возрасте детей. Кроме детей, в состав экспедиции входило 5 взрослых участников — студентов и выпускников УрГУ.

Время для проведения экспедиции было выбрано с учетом сроков отпусков родителей и отдыха детей. Как правило, оно приходится на летние месяцы, июль—август. Июнь оказывается “свободным” и требует организации занятости детей. При формировании лагеря учитывались материальная база экспедиции, санитарные нормы и техника безопасности, а также принимались во внимание возможности отдыха детей и удобства проведения полевых работ. О базе мы говорили выше, санитарные нормы включали стандартный набор требований к организации лагерей отдыха — к воде, столовой, медобеспечению, технике безопасности и пр. Игры детей проводились на площадке в непосредственной близости от лагеря. Она находилась на месте разворота и стоянки автомашин. Для раскопок был выбран памятник археологии, расположенный в 150—200 м от лагеря. Это позволяло тратить минимум времени на переходы к месту работы и следить за детьми — как на раскопе, так и на базе.

Объектом исследования оказалось городище эпохи позднего железного века Куртолен III. Выбор обусловлен несколькими причинами. Одна из них — возможность наглядно продемонстрировать остатки древнего поселения (на поверхности хорошо были видны ров и заключенные в его пределах три разнотипных постройки) и еще до раскопа вызвать у детей интерес. Вторая — выбранный объект имел небольшой культурный слой, состоящий из песка. Это имело немаловажное значение, учитывая возраст участников лагеря: преимущественно из средних и младших классов. С учетом последней работы проводились в две смены: по 4 часа “до” и “после” обеда, по 7 чел.

Действия детей на раскопе, помимо руководителя раскопа и его помощника-схема, направляли взрослые участники экспедиции, обладающие многолетним опытом полевых исследований. Ребят обучали как методике раскопок, так и их практическому содержанию: почему выбран именно этот памятник, что изучается, для чего? Им объясняли, что такое городище, орудия труда, керамика и пр. Такие беседы имели то конкретную археологическую направленность (на примере городища: типы памятников, что такое культурный слой, типы находок и пр.), то касались истории края (место городища среди древних объектов края, его отношение к современной д. Хуллор и т. д.).

Организация отдыха и занятости включала два направления: развлекательное и познавательное. Первое обеспечивал воспитатель, проводя в свободное время игры, соревнования, конкурсы, в том числе с учетом приобретаемых знаний по истории края. Были проведены открытие и закрытие лагеря со всей атрибутикой данных мероприятий: общее построение, приветственное слово руководителя, подъем и спуск флага экспедиции, причем последнее делали два человека — самый “старый” из экспедиционеров и самый младший, что символизировало связь поколений. Закрытие лагеря одновременно проводилось как “Посвящение в археологи”, для чего старшими из детей было подготовлено небольшое “шоу-испытание” на звание Археолога. Это произвело на детей большое впечатление. После второй недели работы был проведен Родительский день, который готовили при поддержке взрослых сами дети. До этого дня родителям в лагерь приезжать не разрешалось, информацией с городом обменивались через водителя дежурной машины.

Второе направление осуществлялось “научной группой”. Оно включало экскурсии, практические занятия и беседы. Были проведены походы к памятникам археологии (селищам, городищам) на р. Куртолен и озере Товгор-лор. Одновременно дети знакомились с хантыйской топонимикой местности. Были осмотрены этнографические объекты — среди них могильник Товкурт-лор I, ловчие ямы, слопцы и засеки на деревьях у озера Емант-лор (“Святого озера”), объяснены правила поведения на таких памятниках. Одновременно руководителем экологического кружка проводились практические занятия на местности: собирали гербарий, делали полевые заметки. Чтобы дети наглядно убедились в негативных последст-

виях неразумного хозяйствования и его крайне отрицательного воздействия на памятники археологии, была совершена выездная экскурсия на р. Амню, в район Каксинской горы.

Беседы имели самый разнообразный характер. Они проводились в виде лекций, дискуссий, игр и касались отдельных гуманитарных дисциплин (археологии, этнографии, топонимики), истории края в целом и исследуемого памятника в частности. Старшим ребятам было интересно услышать и о высших учебных заведениях Урала, в том числе об Уральском государственном университете и его факультетах, на одном из которых — историческом — уже учится выпускник Казымской средней школы, член экспедиции Канев Андрей.

В результате раскопок на гор. Куртолен III за две недели на памятнике была вскрыта одна треть его площади, получена небольшая, но интересная коллекция эпохи средневековья: обломки глиняных сосудов, изделия из камня, бронзы, железа. Участие в раскопках и беседы, рассказы на исторические темы расширили кругозор участников экспедиции и повлияли на выбор будущей профессии некоторых: на следующий год в УрГУ, на химфак поступила воспитатель лагеря, ученица 11 класса школы № 3 г. Белоярского Шкарова Наташа. По результатам участия в экспедиции ребята осенью провели несколько занятий кружка; были организованы публикации в газетах и выступления по радио как руководства лагеря, так и его участников.

Развитие "специализированных" лагерей, к которым относится и данный лагерь, имеет, на наш взгляд, большие перспективы. Прежде всего это связано с полезной занятостью детей. В процессе обучения и работы на раскопе, общения со взрослыми расширяется кругозор участников, теоретические знания подкрепляются практическими навыками. У подростков вырабатывается коммуникабельность в общении со взрослыми. При проведении таких лагерей в северных районах желательно учесть, что делать их лучше либо в июне (пока родители не в отпуске), либо в августе (исчезает гнус). В составе экспедиции обязательно должны быть взрослые участники, на которых дети должны равняться.

Д. Л. Бродянский

ФЕНОМЕН ИГНАТИЕВСКОЙ ПЕЩЕРЫ*

В первом из древневосточных залов Государственного Эрмитажа в Петербурге экспонированы два мустьерских орудия из белого кремня. Их подобрал в 1956 г. А. П. Окладников в Гизе в Египте, где до него перебивали, вероятно, сотни археологов. Внимательный нестереотипный взгляд позволял А. П. Окладникову увидеть то, мимо чего спокойно проходили его коллеги. Такое же драгоценное качество продемонстрировал В. Т. Петрин, открыв палеолитическую живопись в Игнатиевской, а затем и во 2-й Серпиевской пещерах на Южном Урале. Открытие могли бы совершить С. И. Руденко, С. Н. Бибиков, О. Н. Бадер — первоклассные археологи, работавшие в пещере, О. Н. Бадер к тому же уже приступил к изучению живописи Каповой пещеры. Но открытие состоялось 11 марта 1980 г. как результат настойчивой целенаправленной работы в течение 70-х гг. В. Т. Петрина и его соратников С. Е. Чаиркина и В. Н. Широкова. Насколько трудно даются такие прозрения в темноте пещер, говорит и то, что только в 1985 г., в шестой сезон работ, были открыты рисунки черной краской: “Злую шутку с нами сыграло то обстоятельство, что внутренняя часть пещеры очень сильно закопчена и темные линии практически не были видны. Но стоило разобрать фигуру лошади на “Черном плафоне”, как был открыт целый ряд ярких выразительных фигур и знаков черного цвета. Видимо, свою роль сыграла и внутренняя психологическая установка на поиск рисунков, сделанных только красной охрой” (с. 6).

Открытие стало результатом высокопрофессионального поиска и преодоления стереотипного подхода — явления распространенного, мешающего десятки лет увидеть петроглифы в давно известных “чашечных” камнях, полиэйконическую природу опубликованных многократно фигурок, изображения стрел в палеолитической живописи и графике Франции и во множестве подобных открытий отнюдь не в темноте подземных полостей.

При непреходящей ценности первых открытий: красной змеи из группы 26, черной лошади, судьба их определяется на длинной дороге следующих исследований. Уникальность памятника побудила В. Т. Петрина разработать стратегию и тактику, действовать осмотрительно, осторожно, бережно. Рецензируемая книга, плод семи сезонов, рассматривается автором как итог лишь первоначального этапа работ. Книга снабжена 11 приложениями, написанными первоклассными специалистами. В консультировании работ участвовали З. А. Абрамова, В. П. Алексеев, П. И. Борисковский, А. П. Дервянко, А. П. Окладников, Н. Д. Праслов. Высокий профессионализм автора, его этическая щепетильность послужили важными побудительными мотивами при написании этой рецензии, но, увы, не часто мы пишем о понравившейся работе. В данном случае это тем более странно, что я не па-

*Рецензия на книгу: *Петрин В. Т.* Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. Новосибирск: Наука, 1992. 208 с.

леолитчик, в пещерах был на экскурсиях 5 раз и всегда с облегчением выбирался на свет. К тому же З. А. Абрамова уже опубликовала объективную доброжелательную рецензию на книгу В. Т. Петрина¹.

В. Т. Петрин завершает книгу главой “Феномен Игнатиевской пещеры”, в которой обсуждается блок теоретических проблем первобытного искусства. Вместе с завершающими страницами главы 2 и сюжетом о культе камня в главе 3 затронуты темы волнующие, актуальные, рецензенту близкие, их привлекательность и решила дело: писать.

Игнатиевская — грандиозная карстовая пещера: ее площадь 1652 кв. м, длина 626 м. Предшественники в основном копали в светлом Входном гроте, а рисунки сосредоточены в самых отдаленных Большом и Дальнем залах. В Большом зале кольцевой ход ведет посетителя вокруг останца в центре, к Дальнему залу ведут два хода: Верхний и Нижний, входы в Верхний со стороны обоих залов напоминают вулву (рис. 27). Большой зал — относительно сухой, Дальний — влажный.

Рисунки нанесены на стенах, потолке, в нишах на кальцитовую корочку, такой же корочкой или рыхлым лунным молочком часть рисунков перекрыта. (Не все читатели знают, что такое мондмилх, это следовало бы объяснить, как это сделано в предварительной публикации.) В Большом зале до 90% кальцитовый корочки разрушено из-за недавней и современной деятельности человека, и рисунки погибли. Возможно, под корочкой будут открыты новые рисунки.

Обнаружение, расчистка, измерение, копирование (следовало оговорить технику копирования) потребовали, очевидно, сотен часов труда. Не все рисунки скопированы, есть лишь их описания. Публикация таким образом, не полная, выборочная, что для отечественной археологии, в том числе и дальневосточной, не исключение, а увы, правило.

Точность копирования и описания, их тщательность сомнений не вызывают, но это отнюдь не означает, что при продолжении работ изменения невозможны: допустимо открытие новых рисунков, уточнение деталей.

Техника нанесения рисунков не оговорена (кисть?). Использовались согласно рентгенографическому исследованию Н. А. Пальчик(а) краски светло-красного, бежевого, ярко-красного, темно-красного, коричневого тонов из окислов и гидроксидов железа, чаще всего из гематита, есть редкий минерал вевеллит. В краске присутствуют чешуйки слюды, что придает ей блеск. Черную краску того же состава, возможно, подкрашивали углем.

Рисунки в Большом зале силуэтные, в Дальнем преобладают контурные, но есть и силуэтные. В обоих стилях, судя по копиям, поверхность рисунка состоит из микропятен, точек — своеобразный пуантилизм. Рисунки лошади в 23-й группе, женщины в “Красном панно”, мужчины в группе № 37 В. Т. Петрин называет линейным стилем (манерой). Стиль антропоморфных фигур напоминает австралийские рисунки “мими”².

Автор выделил 39 групп (на рис. 29 указаны 38 групп) и 22 отдельных рисунка. В иллюстрациях воспроизведены 40 сюжетных изображений, еще два только описаны в тексте: 6 лошадей, 7 мамонтов, 5 змей, 4 других животных, 5 стрел, 4 личины (“следы носорога”, близкие к ним знаки), 5 геометрических фигур, 1 птичий след. Люди изображены на пяти рисунках: женщина, 2 условно женских антропоморфных изображения (рис. 32, 5; 41, 1 — справа) и два мужских (рис. 33, 55). Из трудно определимых животных одно В. Т. Петрин считает верблюдом, другое — быком. Не исключая вовсе двугорбого персонажа в палеолите, замечу, что его изображение на “Черном панно” (рис. 46, 9; 52) состоит из двух не связанных изображений, правое из них, возможно, фигура лошади или мамонта с утраченной головой, а сзади — голова другого животного. Может быть это голова сайги, сайга мне видится и в ниже расположенном рисунке “быка” (рис. 54). Замечу, что кости сайги, как и лошади, найдены в пещере (Приложение 6). Загадочен “двурог” Красного панно”. В. Т. Петрин правильно поступил, что отказался от определения “носорог” из предварительной публикации³. Самая крупная — 2,3 м фигура, по его мнению, передает обобщенный образ животного, семантически связанный линиями точек с женской фигурой.

Центральное место в живописи Игнatieвской пещеры занимают два панно (плафона) на потолке Дальнего зала. Красное — 8×2,6 м и Черное — 5,4×1,56 м. При этом на Красном есть черная фигура мамонта и черные линии и знаки, а на Черном — красные пятна. Очевидна бинарная оппозиция композиций и цветов, не исключается и многослойность рисунков. На Черном панно выделяется фриз из 5 животных, идущих вправо от зрителя, возглавляет это движение мамонт. В Каповой пещере такой же фриз обращен влево, но есть противоидущий мамонт, а среди мамонтов и лошадей — носорог⁴.

Интересны в Дальнем зале еще две композиции со стреловидными знаками: 37 и 39. В Большом зале В. Т. Петрин из 31 группы уверенно относит к композициям 1, 10, 23 и 26 группы, я бы добавил к ним и 29-ю: змея и условно женская фигура.

Значительно количество знаков из параллельных или пересекающихся линий, цепочек и групп пятен, точек. В. Т. Петрин отметил числовые приоритеты: 5—10, 7, подсчитал изгибы у змей — 7 и 13. Знаки открыты и во 2-й Серпиевской пещере⁵.

Поставлен вопрос об ансамблях Большого зала, но его трудно решить при 90% утраченных рисунков.

В конце 2-й главы несколько противоречиво сопоставляются рисунки и композиции Игнatieвской пещеры и пещер Франции и Испании и одновременно утверждается (по-моему, совершенно справедливо), что трудно связать Игнatieвскую с определенным районом пещерных святилищ франко-кантабрийской области.

Глава 3 посвящена еще одному открытию В. Т. Петрина: сериям негативов сколов на стенах Игнatieвской пещеры. 348 сколов образуют 34 группы. Судя по патине, традиция скалывания существовала длительное время. Отмечено преобладание ударов сверху и слева, последние, очевидно, выполнили левши. Приведя ряд примеров кладов и отщепов горного хрусталя, кварцита, следов краски и графики на отщепах и изделиях из камня, В. Т. Петрин приходит к выводу, что в Игнatieвской сколы фиксируют культ камня (с. 82).

Сам вывод бесспорен, как бесспорна сакрализация камня в протяжении всей человеческой истории: от симметрично оббитых бифасов раннего ашеля до современных рекомендаций на тему влияния тех или иных камней на жизнь человека. В этом бесконечном ряду мустьерские выкладки, менгиры, балбалы, керексектуры на азиатских перевалах, священные каменные кучи Кореи, очень похожие на них средневековые выкладки в Приморье, с верхнего палеолита практически везде обнаруживаемые мобильные петроглифы и, как высшее эстетическое достижение в этой области, японские сады камней в храме Дайсэнин, сад Луны в Гинкаку и самый знаменитый сад монастыря Рёандзи в Киото. Что до ритуального скалывания, то на память приходит гигантский нуклеус у Манхансомона⁶ (вряд ли он был только нуклеусом). Да еще тончайшее ретуширование клинков солютре и австралийских наконечников кимберли. Но думается, что за открытием В. Т. Петрина следуют такие же наблюдения в давно исследованных пещерах. Мешало увидеть их все то же стереотипное зрение.

Определение сути памятника вынесено в заглавие книги — святилище. Приведенные во 2-й и 3-й главах материалы, как и определение в 4-й культурного слоя в Большом зале (глава 5) как слоя посещений, свидетельствуют в пользу такого вывода. Название главы 6 — “Феномен Игнatieвской пещеры”. Феномен (от греческого — являющийся) — необыкновенное, редкое явление, сущность которого познается чувствами в опыте. Вся книга и ее завершающая глава как раз посвящены объяснению сути палеолитического памятника, функционировавшего в пределах 14200—13300 лет назад. И в целом данное истолкование памятника не вызывает возражений. Прослежена “единая логика размещения символов в интерьере пещеры как единого святилища” (с. 140).

Не вызывает возражений и сравнение с Ляско. Остается пожелать, чтобы после 40 лет исследований Игнatieвская приблизилась к уровню художественных богатств и находок в Ляско⁷.

Спорно утверждение о несомненности западных культурных связей, единстве

духовного мира и мировоззрении позднелолитических людей всей Европы (с. 146), равно как и противопоставление мифологии и религии, представление об ограниченности во времени мифологического понимания мира (с. 147).

В первом послые — единая Европа — автор не очень последователен, уже на с. 148 говорится о палеолитическом искусстве Евразии. Открытые русской фольклористикой в начале XX в. мировые сюжеты детально исследовал В. Я. Пропп. Природа их двоякая: конвергентное развитие и палеолитические корни. В неолите и бронзе дальневосточного Приморья прослеживаются оппозиции олень (верх) — кабан (низ), замеченные еще на Большом плафоне Алтамыры и распространенные по всей Евразии. Какова конкретно природа совпадений в двух отдаленных группах памятников — вопрос не из легких, во всяком случае, он требует серьезной аргументации.

Что до природы и времени мифов, то истоки их прослеживаются уже в творческих актах среднего ашеля, мощно представлены в мустьерских святилищах и погребальном обряде. Для верхнего палеолита это уже не предмет дискуссий: австралийцы сохранили “живой палеолит” и этнографы записывали тексты в связи с наскальным, в том числе пещерным, художественным творчеством⁸. На севере Тихого океана можно выделить по крайней мере три мифа о герое, устранившем лишние Солнца (оба перекочевали в Америку из Азии в палеолите) и миф о Сусаноо — боге ветра и супруге богини Солнца) древнейшее изображение есть в стоянке Ивата (16 тыс. лет).

Мифология трансформируется, обновляется, но не исчезает, можно обнаружить современные мифы с весьма древними корнями, например, миф о диких людях, живущих рядом; современное его выражение — снежные люди. Вряд ли в обозримом будущем мифология исчезнет. Более всего она присутствует в религии, с которой генетически связана. Древняя мифология объединяет в себе всю духовную сферу жизни.

Попытки конкретного прочтения композиций Красного и Черного панно (с. 148—149) продуктивны, интересны, но вряд ли возможно пытаться перейти “к окончательной интерпретации”, нет текстов, с которыми доказуема связь изображений. Композиции женщина-зверь, женщина-змея, женское-мужское связаны и с культом плодородия и с мифами творения, но допускают множество прочтений.

Не вызывает возражений аргументация В. Т. Петрина о использовании Игнатиевского святилища для инициаций (с. 150) и в качестве модели мира (с. 151). Следует только добавить, что маршрутная космограмма по коридорам и залам святилища отражала весь спектр идей создателей этого палеолитического храма.

На Южном Урале открыт второй после франко-кантабрийской области район пещер с палеолитической живописью (не стоит избегать термина живопись, т. к. рисунки выполнены разнотональными красками). Не исключено, что такие святилища, как Игнатиевская, действительно посещались паломниками, но мысль о Мекке палеолита (с. 156) мне кажется преувеличением. На территории бывшего СССР есть несколько пещер и гротов: Мгвимеви, Каменная Могила, Зараутсай, Шахты, Ак-Чункур, рисунки в которых не имеют надежной датировки и разными авторами относились к палеолиту. И есть сотни полостей, до которых не добрались исследователи. Число пунктов, где найдены автомобильные формы палеолитического искусства неуклонно растет. Безхудожественных областей не было, проблемы — в сохранности и поиске. В этом поиске действительно есть нечто феноменальное с точки зрения обыденного сознания — феноменальна готовность людей ползти в темноте, сырости, жидкой грязи, разбирать завалы и жить надеждой увидеть нетронутый зал — творение природы и творение людей. Пожелаем им новых удач.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Абрамова З. А. Рец.: Петрин В. Т. Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. Новосибирск, 1992 // РА, 1995. № 1.

2. Черноруцкая Е. Н. О семантике антропоморфных изображений в наскальном искусстве австралийцев // Антропоморфные изображения. Новосибирск, 1987. С. 202—215. Рис. 1—3.

3. Окладников А. П., Петриш В. Т. Палеолитические рисунки Игнatieвской пещеры на Южном Урале (предварительная публикация) // Пластика и рисунки древних культур. Новосибирск, 1983. С. 47—58.

4. Бадер О. Н. Каповая пещера. Палеолитическая живопись. М., 1965. 36 с. 10 табл.

5. Петриш В. Т., Широков В. Н., Чаиркин С. Е. Древнее святилище во 2-й Серлиевской пещере на Южном Урале // Семантика древних образов. Новосибирск, 1990. С. 7—20.

6. Окладников А. П. Центральнo-Азиатский очаг первобытного искусства (Пещерные росписи Хойт-Цэнкер Агуй, Сэнгри-Агуй, Западная Монголия. Новосибирск, 1972. Рис. 29.

7. Леруа-Гуран А. Археологические исследования пещеры Ласко // В мире науки, 1983. № 2. С. 42—50.

8. Кабо В. Р. Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М., 1969.

С. Ф. Кокишаров

ТОБОЛО-ИРТЫШСКОЕ МЕЖДУРЕЧЬЕ В ПОЗДНЕМ БРОНЗОВОМ ВЕКЕ*

Появление крупных монографических исследований по древней истории Западной Сибири вызывает естественный интерес в среде специалистов. Выход таких книг, по понятным причинам, является событием, которое оживляет споры и дискуссии, что несомненно стимулирует научные поиски. К числу таких работ может быть по праву отнесена и указанная книга. Она написана тремя авторами, проживающими и работающими в разных городах России. Их объединила общность научных интересов, лежащих в сфере проблем бронзового века южной тайги и лесостепи Западной Сибири. Вместе с тем было бы ошибочно полагать, что авторы единодушны во взглядах на все поднятые в исследовании проблемы. Имеющие место разногласия оговорены в каждом конкретном случае.

Широта заявленной в монографии тематики оговорена, а точнее сказать — сужена подзаголовком, из которого следует, что авторы акцентируют внимание исключительно на древностях Чудской Горы. Она расположена в Знаменском районе Омской области, в 1,5 км от деревни Богочаново, на левом берегу Иртыша. При раскопках на памятнике отслежены напластования трех периодов: позднего бронзового века, раннего и позднего средневековья, которые соотносены с первым — третьим строительными горизонтами. Содержание первой главы книги, за исключением двух последних параграфов, посвящено позднебронзовым древностям Чудской Горы, представленным преимущественно материалами сузгунской культуры. Заслуга авторов состоит уже в том, что они взяли на себя тяжелый труд обработать и опубликовать огромную коллекцию этого интереснейшего памятника Прииртышья. Информация о нем была прежде распылена по небольшим заметкам. Более того, исследователи высказали очень интересные суждения, касающиеся отдельных аспектов сузгунской культуры, выделенной почти 40 лет назад¹. М. Ф. Косарев, изучавший Чудскую Гору раскопками, отмечал, что за период с 1987 по 1993 гг. его представления и оценка сузгунской культуры² практически не изменились³. Несмотря на заключение авторитетного ученого, авторы монографии посчитали необходимым посвятить сузгунской культуре этот большой труд.

Авторы книги отдают себе отчет в том, что состояние источниковой базы недостаточно для всеобъемлющей характеристики сузгунской культуры, они спра-

*Рецензия на книгу: Потемкина Т. М., Корочкова О. Н., Стефанов В. И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы). М.; Изд-во ПА-ИМС, 1995. 208 с.

ведливо замечают, что сейчас “таковая едва ли возможна” (с. 4). Правда, они оставляют за собой право “высказаться по некоторым проблемам” сузгуна.

Сильной стороной источниковедческой части работы может быть признана некатегоричность рассуждений, возможность поразмышлять вместе с авторами над тем или иным вопросом, выдвижение различных версий и выбор наименее противоречивых заключений. Однако это имеет и отрицательную сторону, а именно, позволяет в ряде случаев усомниться в убедительности положений, которые, по мнению авторов, должны рассматриваться впредь как неопровержимые факты. Очень наглядно это проявляется в сюжете об укрепленном поселении сузгунского времени на Чудской Горе. Приведем лишь некоторые из высказываний по этому поводу: “Особенностью поселения на Чудской Горе является наличие оборонительных сооружений, но, строго говоря, их безусловная связь с сузгунскими постройками пока что не установлена” (с. 78) или “укрепления (сузгунского поселка — С. К.) на Чудской Горе специально не исследовались, тем не менее наличие рвов и деревянных стен, ограждавших площадку расположенного здесь поселения представляется более чем вероятным” (с. 101). Несмотря на вероятностный характер выше приведенных высказываний, авторы пишут в заключении работы о сузгунских фортификациях как о доказанном факте: “поселок был защищен деревянной стеной, окружавшей центральную часть останца, и двумя рвами, преграждавшими доступ на жилую площадку с юго-западной и северо-восточной сторон” (с. 135). Не совсем удачным представляется и подобранный перечень позднебронзовых городищ, которые, по убеждению исследователей, должны рассеять сомнения относительно сузгунской цитадели на Чудской Горе. К таковым отнесены, в частности, Барсов Городок I/10, Лучкино I и Калугино-1. Если обратиться к первоисточнику⁴, а не к статье Е. А. Васильева⁵, на которую сделана ссылка, то выяснится, что остатки укрепления на городище Барсов Городок I/10 относятся не к атласской культуре, а к раннему железнному веку. Памятник Лучкино I, судя по опубликованным материалам и заключению автора раскопок, тоже не может быть однозначно отнесен к числу городищ⁶. Кстати, авторы рецензируемой работы отмечают, что оборонительные сооружения Калугино-1 также не исследовались раскопками (с. 101).

Продолжая рассмотрение источниковедческой части книги, нельзя не обратить внимание на остатки интереснейшего, на наш взгляд, третьего строительного горизонта. Малочисленность находок этого времени (керамики) нельзя рассматривать как показатель “кратковременности” пребывания здесь населения, как настаивают на этом авторы. Если принять во внимание наземный характер построек, имевших, кстати, глинобитные стены (или полы —?), отапливавшиеся чужалами, а также учесть немногочисленность керамики, то прямые аналогии объектам третьего строительного горизонта можно найти на городище Кучум-Гора, расположенном в Ишимском районе Тюменской области⁷. На фоне последнего стратиграфическая невыраженность третьего строительного горизонта Чудской Горы представляется слишком неестественной и труднообъяснимой.

Вряд ли стоит сомневаться в сложном характере культурных напластований на Чудской Горе. По этой причине можно только приветствовать попытки авторов распутать клубок возникших перед ними вопросов. Любопытным и небесперспективным представляется в этой связи ход рассуждений исследователей при определении культового характера сузгунского памятника. Этот сюжет развит и обстоятельно изложен во второй главе книги, которую правильнее отнести не столько к источниковедческой, сколько к интерпретационной части работы. Здесь собраны и скрупулезно рассмотрены труднообъяснимые факты (обилие в слое керамического материала и особенности его залегания, необычное расположение сосудов, находки человеческих костей, остатки литейной мастерской, обнаруженные Т. М. Потемкиной, и др.), которые, по мнению исследователей, в совокупности достаточно убедительно указывают на существование в пределах сузгунского поселка культовых сооружений (с. 89—90). К ним отнесены постройки 1—4, составлявшие некий сакральный комплекс (с. 21, 81).

В работе дан очень обстоятельный анализ декоративно-морфологических особенностей керамики сузгунского типа. Его успешное проведение обусловлено обилием находок, среди которых свыше 100 целых сосудов. Сохранность материала позволила детально рассмотреть параметрические характеристики посуды. Сравнение керамики велось также по технике орнаментации и элементам орнамента как по всему памятнику, так и по жилищам 1—6, 8. Наблюдения за распределением керамики позволили сделать важный вывод о разделении I строительного горизонта еще на два условных горизонта, отражающих этапы функционирования сузгунского поселка. Очень выигрышным моментом исследования могло бы стать сравнение сузгунских комплексов Чудской Горы и Сузгуна II. Однако эта работа сейчас невыполнима, поскольку “камеральная обработка керамики Сузгуна II так и не была завершена” (с. 60) и авторы книги должны были опереться на опубликованные источники (с. 109). Таким образом, материалы Чудской Горы на обозримое будущее будут своего рода эталонными при характеристике керамики сузгунского типа. При этом следует помнить, что данная коллекция отражает локальные особенности совершенно иного микрорайона Прииртышья, чем, скажем, Сузгун II. По наблюдениям авторов, к числу иных локальных вариантов сузгунской культуры могут быть отнесены ишимские комплексы типа Чушино и Кучум-Горы (с. 126).

Источниковедческо-библиографическая часть работы — а именно в таком ключе написана заключительная глава книги — посвящена рассмотрению некоторых проблем сузгунской культуры Тоболо-Иртышья. Анализ опубликованных на сегодняшний день источников и собственные материалы позволили авторам монографии выстроить следующую концепцию сложения сузгунских комплексов: их происхождение есть результат сложных интеграционно-ассимиляционных процессов взаимодействия субстратной одиновской и суперстратной пахомовской культур (с. 120). Однако авторы верны своему принципу некатегоричности заключений и допускают, что реальный облик первой составляющей сузгуна — прецусузгунских керамических материалов — может отличаться от их прогнозируемой характеристики. Другая его составляющая — южные пахомовские комплексы — также не отличается однородностью (с. 119). Таким образом, говорить сегодня о двухкомпонентности сузгунской культуры — значит существенно упрощать ситуацию.

Небезынтересно предположение исследователей рассматривать пахомовскую и сузгунскую культуры в качестве разнопорядковых андронидных образований, поскольку в целом они несовместимы хронологически (с. 120). Учитывая же различия мнений археологов, изучающих АКЮ, можно говорить о том, что цепь андронидных культур должна быть увеличена еще на одно звено и отсчет в ней следует вести с черноозерских комплексов (с. 115—116). Вместе с тем, при нынешнем, явно неудовлетворительном состоянии изученности сузгунской культуры преждевременно, на наш взгляд, вводить производные от нее определения (“сузгуноидные” комплексы, “сузгуноидные” культуры и т. п.). По той же самой причине выглядит неоправданным и использование понятия “лозьвинская культура”.

В целом данная работа оставляет хорошее впечатление. Нельзя не заметить корректного отношения авторов к своим научным оппонентам, доброжелательного тона развернутых дискуссий. Кроме того, хотелось бы отметить хорошо подготовленный к печати иллюстративный ряд. Великолепная графика, дополненная фотографиями, дает читателям возможность детально изучить подобранный к публикации материал.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мошинская В. И. Сузгун II — памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири // МИА, 1957. № 58.

2. Эпоха бронзы лесной полосы СССР // Археология СССР, 1987.

3. Косарев М. Ф. Из древней истории Западной Сибири // Российский этнограф, 1993. № 4. С. 99.

4. *Чемякин Ю. П., Кортаев В. П.* Многослойное городище Барсов Городок I/10 // ВАП, 1976. № 1. С. 49—62.
5. *Васильев Е. А.* Северотаежное Приобье в эпоху поздней бронзы // Археология и этнография Приобья. Томск, 1982. С. 3—14.
6. *Глушков И. Г.* Поселение Лучкино I — памятник поздней бронзы низовий Иртыша // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень, 1991. С. 94.
7. *Голдина Р. Д.* Городище Кучум-Гора // ВАУ, 1969. № 8.

СОТВОРЕНИЕ ПУТИ

26 мая исполнилось 50 лет профессору, доктору исторических наук Л. Н. Коряковой. Она является автором 58 научных работ, в том числе 4 монографий; 15 статей вышли за рубежом. Людмила Николаевна — член Европейской ассоциации археологов, Всемирного археологического конгресса, ассоциации Американских археологов. Она возглавляет исследовательскую группу, занимающуюся проблемами древней истории степного и лесостепного населения юга Западной Сибири, читает несколько основных и специальных курсов в Уральском госуниверситете и других ВУЗах России, дважды читала курсы лекций за рубежом: в США и Финляндии. Из этого послужного списка следует со всей очевидностью, что она — человек талантливый, целеустремленный и очень успешный: не многие из нас, археологов, могут похвастаться такими достижениями.

Мы знакомы уже 30 лет, и все эти годы меня удивляла именно ее целеустремленность — все мы часто разбрасываемся, планируем и забываем свои планы, говорим больше, чем делаем. У Людмилы получается иначе: если она ставит себе задачу, то, как правило, решение ее доводит до логического конца, даже если это кажется сложным или почти невыполнимым. Так, однажды, еще в 1989 году она сказала мне: “Давай учить английский (у нее “родной” — французский, у меня — немецкий), сейчас международные контакты вполне возможны, английский необходим”. Садиться за парту в 40 лет? Но мы в то время собирались на свой первый международный конгресс в Венгрию, в г. Дебрецен, и я послушно сказала: “Давай.” Пошли и записались на курсы для начинающих. Все знают, как мы учимся на этих курсах: то дела мешают, то еще что-нибудь, “уроки” учить некогда. Но Людмила твердо решила выучить язык — и не расставалась с записями и словарем даже дома во время приготовления обеда. В результате, английским сейчас она владеет свободно, пишет, переводит, читает лекции. Этого показалось мало — она “вспомнила” и довела до совершенства французский, не употребляемый со времени сдачи кандидатского минимума, а сейчас, судя по тому, что приветствует нас исключительно на итальянском, взялась за третий язык.

Ее “путь в науку” соответствует ее характеру, хотя в отличие от некоторых моих коллег, и меня в том числе, она не мечтала с детства о раскопках и древностях. В школе Людмила была обычным “гуманитарным” ребенком, интересовалась искусством, литературой, историей. Она росла в семье военного, который после сокращения армии в начале 60-х поселился с семьей в с. Абатском Тюменской области, где жили родители его жены. Поэтому школу Людмила заканчивала в с. Абатском, кстати, закончила ее с золотой медалью. Поступление на исторический факультет УрГУ естественно вытекало из общей гуманитарности интересов и хорошего знания истории. Поступила сразу, сдав первый же экзамен на отлично. Пока будущая историческая специализация ей не была ясна, но вот на первом курсе начались лекции по археологии. Лекции читал В. Ф. Генинг, и читал блестяще. Не одно поколение археологов-выпускников УрГУ выбирали свою судьбу именно на его лекциях, Людмила не была исключением. А потом — первая экспедиция, исследование комплекса памятников у д. Лихачево Тюменской области. Первая экс-

педия почти всегда становится решающей — что бы ты ни думал о привлекательности археологии, только в поле становится ясно — твое это дело, или нет, так как поле для археолога — чуть ли не половина жизни, и далеко не всем такая половина кажется приемлемой. У Людмилы получилось наоборот. Если еще оставались сомнения в правильности выбора, то здесь они развеялись. Надо сказать, тому были и личные причины. В своей первой экспедиции она познакомилась с будущим мужем, тогда студентом-математиком, который уже не первый год ездил в поле с В. Ф. Генингом. Игорь был убежден, что на истфаке можно заниматься только и исключительно археологией, каковое убеждение он и постарался передать Людмиле. Игорь — человек незаурядный, его влияние на будущую жену было очень сильным, особенно в юности. Я помню, как в экспедиции следующего, 1967 года, когда мы с ней и познакомились, Людмила вытаскивала пачку конвертов с адресом Игоря, надписанных его рукой. Я спросила: что это такое? Она ответила: вот столько писем минимально я должна ему написать. Впоследствии это влияние проявилось в ее увлечении математическими методами в археологии, в раннем (относительно всех нас) понимании необходимости компьютеризации и так далее.

Итак, со второго курса путь определился: курсовая посвящена Лихачевскому могильнику саргатской культуры раннего железного века. С проблемами изучения этой культуры связана вся Людмила дальнейшая научная биография. В те времена, и вплоть до начала 70-х годов, когда ситуация резко изменилась, специализация по археологии была трудным, если не вовсе безнадежным делом: будущему выпускнику, как правило, гарантировалось место преподавателя в деревенской средней школе, в дипломе писали “преподаватель истории и обществоведения”. Но даже такая “полуподпольная” специализация на истфаке была через год, и надо же — Людмила попала как раз на такой промежуточный, неархеологический год. Спецкурсы она и две ее подруги по несчастью (кстати, обе тоже состоялись как археологи) слушали то со старшим курсом, то с нами — мы учились на год младше. Специализацию вел В. Ф. Генинг. Я даже затрудняюсь определить, кем он был для нас, начинающих археологов. Учителем — да, бесспорно, причем вот так — Учителем. Но еще и неким полубожественным существом, “в животе и смерти” властным — нам так казалось, потому что от него зависело, будешь ты археологом или нет. А этот вопрос был настолько важен для нас, что затмевал все остальное. Я помню, с какой дрожью в голосе мы ставили его в известность о грядущих переменках в семейном положении — от замужества до (самое страшное) рождения ребенка. Людмила первого сына родила на последнем курсе. Как водилось, в последнюю, перед окончанием университета, экспедицию поехала беременной; большинство из нас свою первую беременность почему-то переживали в экспедиции, это считалось естественным. Потом ей повезло — Владимир Федорович оставил ее в университете, что в 1969 году было редкостной удачей, потому что давало уникальный шанс стать профессиональным археологом, а не совмещать любимую науку с какими-нибудь другими работами. Надо сказать, что В. Ф. Генинг уже в те годы придерживался сугубо современного, этакое “евро-американского” взгляда на разницу полов: женщины и мужчины вы в вашей личной жизни, а на работе все мы коллеги, сотрудники, археологи. И никаких поблажек по принципу пола. Молодая мать, получившая доступ к любимой профессии, естественно, и помыслить не могла отказаться от поля на том основании, что сыну только 8 месяцев. Ярослав остался со свекровью, а Людмила отправилась в экспедицию. Слава Богу, тогда мы еще не осваивали север дальний, и позвонить домой было вполне реально. Она и звонила каждый день, а потом не выдержала и уехала на два дня раньше. Такие вещи у нас не допускались. Конфликт зашел в тупик, и такая прямая, цельная и продуманная жизненная дорога вдруг резко свернула в сторону, на целые пять лет. Людмила ушла в Архитектурный институт, где работала зав. кабинетом философии, даже сдала кандидатский минимум по специальности “философия”. Потом сидела дома со вторым сыном. Когда он немножко подрос, решила поискать работу и “случайно зашла в университет”. Это уже был 1975 год.

Здесь просто необходимо сделать небольшое отступление. Начало 70-х годов — время коренных перемен в западносибирской археологии, перемен, которые начались, как количественные, но очень быстро переросли в качественные. Еще в 60-е годы археология была исключительно госбюджетной, очень немногочисленной и преимущественно столичной по своему составу наукой. Кроме Москвы и Ленинграда археологические подразделения были только в Новосибирске — благодаря созданию Сибирского научного центра, и в Томске. Перемены совершились буквально за несколько лет. Вызваны они были началом так называемого освоения Сибири, в том числе и нефтегазового. Но не только. Большие работы разворачивались по осушению или — наоборот — орошению в западносибирской лесостепи, по строительству дорог. Примерно в это время появился безумный и, к счастью, неосуществленный проект поворота сибирских рек на юг для орошения североказахстанских степей. В этой связи было издано постановление правительства по охране памятников археологии, которое дало возможность археологам получать деньги на свои работы непосредственно от организаций, проектирующих или ведущих строительство, для исследования объектов в зоне будущего разрушения. Это стало мощным толчком для наращивания исследований в регионе, роста археологических центров, появления новых людей в археологии и т. д. К середине 70-х годов археологический центр в Екатеринбурге, например, насчитывал 15 человек, в Омске около 10, появились свои центры в Тюмени, Тобольске; выросли центры в Томске и Новосибирском пединституте и т. д. Непосредственным следствием этого было резкое увеличение базы археологических источников и необходимости пересмотра культурно-хронологических схем; а отсюда уже — острый интерес к математизации процесса обработки материала, к теоретическим разработкам. Вся наша “археологическая юность” прошла под знаком применения математической статистики и глобальных построений на тему: что есть археологическая культура и этнос, и как они соотносятся.

Таким образом, возвращение на археологическую стезю у Людмилы произошло очень своевременно — это во-первых. Во-вторых, В. Ф. Генинг, с которым вернуть добрые отношения было трудно в силу присущей ему, впрочем, как всякому абсолютному лидеру, категоричности, к тому времени переехал в Киев.

В 1976 г. она поступила в аспирантуру в Институт археологии в Москве к Марине Глебовне Мошковой, известному специалисту по проблемам археологии раннего железного века степного и лесостепного ареалов. Опять же первая из нас. В 1981 году защитила кандидатскую — первая из нас. Опубликовала первую монографию — в 1988. Казалось бы, какие сложности ждут ее в жизни? Хорошая семья, двое сыновей, прекрасные возможности для работы, в том числе, преподавательской — она читала курсы в университете. Как ученый состоялась, появились свои ученики. Вот об учениках надо сказать особо. Это очень важный, если не самый важный, аспект ее жизни. Она действительно вкладывает в них душу: в студентов, аспирантов, соискателей. Они это чувствуют — и платят ей взаимностью. Но и один из самых тяжелых эпизодов ее жизни тоже связан с учеником, причем, первым, любимым, успешным. Роман Федоров, после окончания университета поехал работать в пединститут г. Тобольска. Людмила приложила немало трудов, чтобы устроить его туда, тем более, что перспективы работы в Тобольске были в то время прекрасные и с жильем много легче, чем в Свердловске. А Роман собирался жениться, так что квартирный вопрос являлся актуальным. Тобольские археологи как раз начали осваивать северные районы Тюменской области, и в одной из экспедиций, осенью 1989 года Роман погиб — утонул в Шурьшкарском соре. Сор — это огромное озеро, через которое проходит речное русло, там много опасных мест, мелей, а в сильный ветер вообще лучше не выходить на лодке, гибнут там достаточно часто. Север вообще требует предельной осторожности, возможностей попасть в экстремальную ситуацию там много больше, чем в других местах, а выйти из нее без потерь — много меньше. Смерть Романа по своей нелепости и несвоевременности (с другой стороны — как может быть своевременной смерть для оставшихся в живых?) была тяжелым ударом для нас всех, а для Людмилы —

вдвое. Но она и в этой ситуации осталась верна себе — пережив первое острое горе, не забыла, не отодвинула куда-то подальше болезненные воспоминания, а реально постаралась сделать все возможное если не для него — не воскресить погибших — то для его семьи. И когда через некоторое время младшая сестра Романа поступила на заочное отделение биофака УрГУ, она, приезжая на сессии, все годы учебы жила в доме Коряковых, была там просто своим человеком — многие из нас пошли бы на это, если честно? Но для нее это было естественно, вытекало из ее отношения к своим ученикам.

Новый этап в жизни Людмилы начался в конце 80-х. В 1988 г. образовался Институт истории и археологии Уральского отделения Академии наук. Мы все с большим участием отнеслись к этому событию, полагая свое будущее так или иначе с ним связанным. Институт сформировался на базе Отдела истории, существовавшего до того при Институте экономики, сектор археологии первоначально был создан из работавших там сотрудников. Наверное, наш интерес так и остался бы интересом доброжелательных, но сторонних наблюдателей, если бы не Людмила. Она просто не могла остаться в стороне от такого важного дела, поэтому по ее предложению была создана как бы переходная, межведомственная структура: вузовско-академическая лаборатория. Потом она плавно переросла в подразделение института и растворилась в нем. Но свою положительную роль сыграла несомненно. В том числе и в формировании стойкого ощущения единства вузовских и академических археологов — мы не мыслили себя по отдельности друг от друга, и если понимали этого единства в последние годы частично утрачивается, то только жизненные сложности последних лет тому виной. Во всяком случае, Людмила до сих пор прилагает титанические усилия, чтобы сохранить и упрочить это единство, тем более, что она с 1987 года является научным руководителем Лаборатории археологических исследований УрГУ и считает себя ответственной за научную жизнь обоих центров.

Итак, с 1989 года она работает в институте. Для нас, проживших всю жизнь в закрытом регионе, куда не пускали иностранцев и откуда выехать на какое-то международное действо могли только случайные единицы — и не археологи, начиналось время совершенно новых возможностей. Руководство новорожденного института всячески приветствовало международную активность сотрудников, я помню, как на первых институтских собраниях наш директор настаивал на расширении связей и контактов с зарубежными коллегами, приветствовал становление совместных научных проектов и так далее. Стало вполне реально поехать на какой-нибудь международный конгресс — вот тогда мы и собрались в первый зарубежный вояж, на 7-й финно-угорский конгресс в Дебрецен, для чего и английский стали учить.

Вот что кажется очевидным — молодость проходит не тогда, когда исполняется зное количество лет, а тогда, когда все новое начинает казаться неправильным, ненужным, слишком трудным, словом, когда ты перестаешь хотеть перемен. Исходя из этого, можно полагать, что Людмила молодость закончится не скоро. Она в который уже раз взялась за новую деятельность — первые совместные проекты с зарубежными (французскими) коллегами в нашем археологическом подразделении получились именно у нее. И первым Фулбрайтовским стипендиатом тоже была она — полгода провела в США, занималась наукой, читала лекции, смотрела музеи и выставки. А потом вернулась и начала подталкивать нас: не сидите, пишите заявки, поезжайте, подавайте на конкурсы, все это не так страшно, как кажется. Глядя на нее, мы как-то зашевелились: некоторые поехали на международные конференции, начали публиковать за рубежом свои работы, появилось и еще несколько совместных проектов. Сейчас все эти вещи кажутся естественными, но ведь самое трудное — начать. У Людмилы вышло много работ в различных зарубежных изданиях, ей предложили руководить секцией на следующем конгрессе Европейской ассоциации археологов — это очень почетно, но и трудно, так как ученый, руководящий секцией, рассматривает все заявленные на нее доклады, ведет переписку с авторами, решает, какой из них поставить на секционное заседа-

ние, какой сделать стендовым. Меня иногда просто поражает, как — физически — она справляется. Руководит учениками, ездит на конгрессы, пишет и сама переводит свои работы и, между прочим, редактирует коллективную монографию, которую написала вместе со своими учениками и зарубежными коллегами. А потом, в одно прекрасное утро мы встречаемся в институте и я обращаю внимание на какой-нибудь элегантный костюм, которого вроде бы еще не видела. Да, это я вчера сшила — с законной гордостью сообщает профессор Корякова. Шьет она, надо сказать, прекрасно, а раньше еще и вязала, сейчас, говорит, времени нет. У меня и на шитье бы не хватило, когда б я умела.

Еще хочется сказать, что она отнюдь не синий чулок. В нормальной — не научной — жизни, она женщина до мозга костей. Может быть наивной, непоследовательной, может реветь от пустяков, агитировать нас на какие-нибудь косметические подвиги, под девизом: “давай займемся собой” и так далее. Это приятно, поскольку живой человек должен быть именно живым человеком со своими маленькими слабостями, иначе это машина для делания карьеры, что уже страшно.

Я, наверное, многое упустила. Но это не полный и исчерпывающий очерк научной деятельности профессора Л. Н. Коряковой. Мне просто хотелось рассказать по такому поводу, как юбилей, то, что я о ней знаю и так, как я ее себе представляю. Надо закончить вот чем: мы (ее коллеги и друзья) очень хотим, чтобы и дальше жизнь Людмилы была полна, интересна и многогранна. И чтобы она по-прежнему увлекалась всем новым, чтобы не уставала от учеников и друзей, от путешествий и экспедиций.

Н. В. Федорова

ВСЯ ЖИЗНЬ — ПОДВИГ

К 50-летию Н. А. Алексащенко

Часто мы боимся громких, высоких слов, и кажется, что лишь в грозные годы войны можно говорить о подвигах. Отнюдь нет. В мирной жизни Натальи Анатольевны Алексащенко достаточно много было кризисных моментов, когда другой человек сказал бы — все, бросаю заниматься наукой!

В годы работы в археологической лаборатории УрГУ (1971—1986) как темы научных исследований, так и места раскопок диктовались маршрутами хозяйственных работ. Тогда каждый сотрудник лаборатории пытался идти по достаточно проторенной дороге — по возможности изучать конкретные археологические культуры определенного исторического этапа. Н. А. Алексащенко выбрала иной, совершенно новый путь — археологический эксперимент и трасологический анализ каменного инвентаря.

На каждом изделии под биноклем тщательно изучались следы использования орудия и на этом основании определялось его функциональное назначение. Работа кропотливая, напряженная, требующая большой затраты времени, когда научная отдача приходит после просмотра и сравнения сотен экземпляров орудий. И это — сверх основной работы по хозяйговору, и это — при том, что надо было создать уют в семье и воспитывать троих детей! Воспитывать и способствовать развитию всех их творческих потенций — музыкальных, художественных, успевать из пос. Заречного свозить их в Оперный театр или на концерт в Филармонию.

Пробивать новые пути в науке всегда трудно. Сомневались в успехе трасологического анализа многие коллеги-археологи. Даже такой крупный ученый, как д. и. н. В. Ф. Генинг, не видел необходимости в применении нового метода. И надо было Н. А. Алексащенко затратить много усилий, чтобы добиться профессиональной подготовки по трасологии в Ленинградском отделении Института археологии под руководством д. и. н. Н. Ф. Коробковой.

И после преодоления всех трудностей подготовки кандидатской диссертации без аспирантуры — текст диссертации в ЛОИА был потерян! Не у каждого хватит сил вынести такой удар. Лишь через год диссертация была найдена и в 1988 г. защищена.

Расцвет творческих сил Н. А. Алексащенко приходится на период ее работы в отделе археологии Института истории и археологии УрО РАН. С 1988 г. в течение восьми лет в должности научного сотрудника, а с 1997 г. — старшего научного сотрудника, она смогла наконец официально заняться любимой работой. В этот период времени трасологическому анализу подвергаются каменные изделия эпохи неолита пос. Исетское Правобережное I и Кокшаровского холма, со святилища эпохи неолита Боярка, исследуется гранитная камноломня эпохи раннего металла на пос. Палатки I, коллекция костяных предметов с памятников Тиутей-Сале и Усть-Полуй.

Сотрудники Исетской экспедиции в 1990—92 гг. были свидетелями увлекательных экспериментов Н. А. Алексащенко по производству каменных орудий и их работе по кости, дереву, шкуре. Она неоднократно руководила практикумом по экс-

периментально-трасологическим исследованиям во время международных школьных лагерей на Аркаиме. По результатам научных исследований опубликовано свыше 30 работ и подготовлена к печати монография “Развитие каменной индустрии Нижнего Притоболья в неолите — ранней бронзе” (10 п. л.).

В последние годы открылся новый талант нашего коллеги — умение увлечь пафосом и романтикой древности детей дошкольного и младшего школьного возраста, осуществить их художественное “вживание” в древние эпохи. Поистине повезло школьникам 1—3 классов школ № 1, 7, 20 г. Заречного!

Авторская программа “Археология для малышей” получила сертификат Областного Департамента образования, вышла красочная книжка для детей “Можно ли погладить мамонта”, составлена хрестоматия для школьников.

Как и в научной работе, в этой новой сфере своей деятельности Наталья Анатольевна щедро делится своими идеями: на спецкурсе для студентов Педуниверситета, в цикле лекций для учителей г. Заречного и Белоярского района, выступает на Всероссийской конференции учителей, работающих по программе Л. Н. Зенкова и на Областных педагогических чтениях.

Казалось бы, человек загружен работой — дальше некуда. А на плечи Н. А. Алексащенко в последние годы легла еще и редакторская работа по археологическим статьям в Уральскую историческую энциклопедию. Почти 200 статей необходимо прочитать, сократить, перечитать, а порой и переделать. И одновременно еще надо успеть посетить занятия по английскому языку. В сентябре 1997 года Н. А. Алексащенко принимает участие в Конгрессе Европейской ассоциации археологов, где доклад “Неолитические памятники Урала” зачитывается на английском языке.

Что стоит за таким подвижничеством и в науке, и в жизни? Прекрасный человек с удивительным характером, где сильная воля сочетается с женственностью и мягким юмором, где рядом с бескомпромиссностью в интересах дела и справедливости соседствует трогательная забота о людях.

От всей души поздравляем нашего коллегу с юбилеем!

Викторова В. Д.

НАШИ АВТОРЫ

АЛЕКСАШЕНКО Наталья Анатольевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

БРОДЯНСКИЙ Давид Лазаревич — доктор исторических наук, профессор Дальневосточного университета.

ВИКТОРОВА Валентина Домитьяновна — кандидат исторических наук, руководитель научно-исследовательского проекта Института истории и археологии УрО РАН.

КОВАЛЕВА Валентина Трофимовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии Уральского государственного университета.

КОКШАРОВ Сергей Федорович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

КОРЯКОВА Людмила Николаевна — доктор исторических наук, руководитель научно-исследовательского проекта Института истории и археологии УрО РАН.

КОСИНСКАЯ Любовь Львовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник археологической лаборатории Уральского государственного университета.

КУРЛАЕВ Евгений Анатольевич — научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

МОРОЗОВ Вячеслав Михайлович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник археологической лаборатории Уральского государственного университета.

ПАНИНА Светлана Николаевна — заведующая Отделом археологии и этнографии Свердловского областного краеведческого музея.

УСАЧЕВА Ирина Витальевна — научный сотрудник Тюменского областного краеведческого музея.

ЧАИРКИНА Наталия Михайловна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

ШИРОКОВ Владимир Николаевич — научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

AUTHORS

Natalia A. ALEXASHENKO — Candidate of Historical Sciences, senior research associate, Institute of History and Archaeology, Russian Academy of Science, Urals Branch

David L. BRODYANSKY — Doctor of Historical Sciences, professor, Far Eastern University

Valentina D. VICTOROVA — Candidate of Historical Sciences, chief of scientific research project, Institute of History and Archaeology, Russian Academy of Science, Urals Branch

Valentina T. KOVALEVA — Candidate of Historical Sciences, associate professor, Chair of Archaeology, Urals State University

Sergei F. KOKSHAROV — Candidate of Historical Sciences, senior research associate, Institute of History and Archaeology, Russian Academy of Science, Urals Branch

Ludmila N. KORYAKOVA — Doctor of Historical Sciences, chief of scientific research project, Institute of History and Archaeology, Russian Academy of Science, Urals Branch

Lubov' L. KOSINSKAYA — Candidate of Historical Sciences, senior research associate, Archaeological Laboratory, Urals State University

Eugene A. KURLAEV — research associate, Institute of History and Archaeology, Russian Academy of Science, Urals Branch

Vacheslav M. MOROZOV — Candidate of Historical Sciences, senior research associate, Archaeological Laboratory, Urals State University

Svetlana N. PANINA — Director of Archaeological and Ethnographical Division, Sverdlovsk Regional Museum

Irina V. USACHEVA — research associate, Tumen' Regional Museum

Natalia M. CHAIRKINA — Candidate of Historical Sciences, research associate, Institute of History and Archaeology, Russian Academy of Science, Urals Branch

Vladimir N. SHIROKOV — research associate, Institute of History and Archaeology, Russian Academy of Science, Urals Branch.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЭБ — Археология и этнография Башкирии
ВАП — Вопросы археологии Приобья (Тюмень)
ВАУ — Вопросы археологии Урала (Свердловск—Екатеринбург)
ВГ — Вопросы географии
ГАСО — Государственный архив Свердловской области
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ЗУОЛЕ — Записки Уральского общества любителей естествознания
ИГАИМК — Известия Государственной Академии Истории Материальной
Культуры
ИИС — Из истории Сибири (Томск)
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
МАЕСВ — Материалы по археологии Европейского Северо-Востока (Сык-
тывкар)
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ПСРЛ — Полный свод русских летописей
ПХКПАПЗС — Проблемы хронологии и культурной принадлежности архео-
логических памятников западной Сибири (Томск)
РА — Российская археология
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СОКМ — Свердловский областной краеведческий музей
СЭ — Советская этнография
Тр. ГИМ — Труды государственного исторического музея
Тр. ТОИАКМ — Труды Томского государственного объединенного историко-
архитектурного краеведческого музея
ТСА РАНИОН — Труды Секции археологии Российской ассоциации научно-
исследовательских институтов общественных наук
УАС — Уральское археологическое совещание
УИЭ — Уральская историческая энциклопедия

СОДЕРЖАНИЕ

Представляю номер.....	3
------------------------	---

СТАТЬИ

<i>С. Н. Панина.</i> История археологических исследований в верховьях р. Исеть.....	4
<i>Л. Л. Косинская.</i> Новокаменный век: хозяйство и образ жизни населения по обе стороны Урала.....	12
<i>Н. М. Чаиркина.</i> Зауральско-североказахстанская культурно-историческая область эпохи энеолита	28
<i>В. Д. Викторова, Н. М. Чаиркина, В. Н. Широков.</i> Гора и водоплавающая птица в мировидении древнего уральского населения	40
<i>В. Т. Ковалева.</i> Скрытые символы древнего знания.....	65
<i>Л. Н. Корякова.</i> Золотой век зауральской лесостепи	76
<i>Е. А. Курлаев.</i> Летописная “югра”: исчезнувшее имя или исчезнувший народ?	102

ПУБЛИКАЦИИ

<i>И. В. Усачева.</i> Комплекс каменных деревообрабатывающих орудий эпохи неолита	118
---	-----

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ ВУЗА И ШКОЛЫ

<i>Н. А. Алексащенко.</i> Древнейшая история Урала в школьном образовании.....	125
<i>В. М. Морозов.</i> Опыт организации школьных археологических лагерей.....	136

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Д. Л. Бродянский.</i> Феномен Игнatieвской пещеры (Рецензия).....	139
<i>С. Ф. Кокишаров.</i> Тоболо-Иртышское междуречье в позднем бронзовом веке (Рецензия).....	143

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Сотворение пути	147
Вся жизнь — подвиг	152

CONTENT

To Readers.....	3
-----------------	---

ARTICLES

S. N. PANINA. History of Archaeological Investigation in the Upper Reaches of Isset' River	4
L. L. KOSINSKAYA. Neolithic Age — Economy and Way of Life of the Population Along the Great Urals	12
N. M. CHAIRKINA. Transuralian and Northern Kazakhstan Cultural and Historical Province of the Neolithic Epoch (The problems of the Eneolithic period of the Middle Transurals)	28
V. D. VICTOROVA, V. N. SHIROKOV, N. M. CHAIRKINA. Mount and Water Bird Images in the World View of Ancient Uralian Population	40
V. T. KOVALEVA. Hidden Symbols of Ancient Knowledge.....	65
L. N. KORYAKOVA. Golden Age of Transuralian Foreststeppe	76
E. A. KURLAEV. Chronicle's Ugra: Lost Name or Lost People	102

PUBLICATIONS

I. V. USACHEVA. Complex of Stone Woodworking Tools of the Neolithic Epoch.....	118
--	-----

FOR TEACHER OF HIGH AND SECONDARY SCHOOLS

N. A. ALEXSHASHENKO. Ural's Prehistory in the School Education.....	125
V. M. MOROZOV. An Experience in Organization of School Archaeological Camps	136

SCIENTIFIC LIFE

D. L. BRODYANSKY. Fenomena of Ignatievskaya Cave (review).....	139
S. F. KOKSHAROV. Tobol and Irtysh Bassin in the Late Bronze Age	143

OUR ANNIVERSARIES

The chosen path	147
The marvelous scientist	152

УРАЛЬСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

№ 4

УРАЛ В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРНЫХ
И ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ
В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

*Рекомендовано к изданию
Ученым советом
Института истории и археологии
и НИСО УрО РАН*

ЛР № 020764 от 29.03.93 г.

Редактор В. С. Аллаярова

Технический редактор Н. Р. Рабинович

Корректоры Н. В. Каткова, Г. Н. Старкова

Компьютерный набор М. Л. Пелевиной

Компьютерная верстка Е. Д. Кутовой

НИСО УрО РАН № 78(97)

Подписано в печать 22.01.98. Формат 70×100/16. Бумага типографская. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,9. Уч.-изд. л. 13,5. Тираж 300 экз. Заказ 6.

Институт истории и археологии УрО РАН. 620026, Екатеринбург, ул. Р. Люксембург, 56.

Типография Президиума УрО РАН. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 18.